

ОБЛИК РОДИНЫ С НАМИ

Красноярск 2021

УДК 94(571.51)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Крн-5Кежемский)я43
Ж-66

Издание книги осуществлено с использованием гранта
Президента Российской Федерации, предоставленного
Фондом президентских грантов. Проект № 19-2-008114
«КЕЖЕМСКАЯ МАТЕРА: код малой родины»

Облик родины с нами / Ред.- сост. Л.Л. Карнаухова. – Красноярск:
ООО РПБ «Амальгама», 2021. – 216 с.: ил.

Книга «Облик родины с нами» посвящается памяти малой родины ангарцев (русских старожилов Сибири), выходцев из Кежемского района Красноярского края, чьи деревни и сёла покоятся на дне Богучанского водохранилища.

В книгу вошли статьи красноярских учёных, исследовавших историю и культуру Северного Приангарья, и воспоминания ангарцев, охватывающие весь XX век и начало XXI века. Это третья книга воспоминаний о родине, изданная Кежемским землячеством. Примечательно, что она выходит в год 75-летия Победы, в год памятных для ангарцев дат: 355-летие села Кежмы, 35-летие первого Прощания, положившего начало череде народных прощаний с малой родиной.

Книга издана в рамках проекта «Кежемская Матёра: код малой родины» при поддержке Фонда президентских грантов и адресована ангарцам, историкам, краеведам, преподавателям, студентам и школьникам – всем, кто интересуется историей своей Родины – большой и малой.

ББК 63.3(2Рос-4Крн-5Кежемский)я43

ISBN: 978-5-906498-50-2

© Авторы, 2021
© КРОО СКРСС «Кежемское землячество»
© КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей»
© МБУК «Кежемский историко-этнографический музей имени Ю.С. Кулаковой»

Содержание

М.А. Тарковский. Вступительное слово.....	5
Л.Л. Карнаухова. Предисловие.....	6
Р. 1. ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА.....	7
Н.И. Дроздов, В.И. Макулов. К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ.....	8
Н.П. Макаров. АНГАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ А.П. ЕРМОЛАЕВА.....	34
О.В. Фельде. УСТНЫЙ АНГАРСКИЙ ТЕКСТ: КОД МАЛОЙ РОДИНЫ.....	46
Е.С. Смирнов. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СИБИРЯКИ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ.....	60
О.В. Вязовикина. АНГАРСКИЙ ОХОТНИЧИЙ НАРРАТИВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	66
И.Н. Горев, Е.В. Горева. ОСВОЕНИЕ ВЕЧЁРОЧНЫХ И ХОРОВОДНЫХ ПЕСЕН ФОЛЬКЛОРНЫМИ КОЛЛЕКТИВАМИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА.....	72
Р. 2. ЛЮДИ ЗЕМЛИ АНГАРСКОЙ.....	79
А.Т. Заборцев. ПРОЙДЕННЫЙ МНОЮ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.....	80
В.Я. Заборцев. ЛЮДИ ЗЕМЛИ АНГАРСКОЙ.....	83
ЦЕНОЮ ЖИЗНИ.....	86
И.Н. Заборцев. ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В СИБИРИ.....	91
Д.Н. Деревянных. БИОГРАФИЯ ДЕДА.....	105
А.П. Панова. С КАКИХ БОГАТЫХ МЕСТ НАС СОГНАЛИ!.....	108
В.Х. Страшников. «ВСЯ ДЕРЕВНЯ – ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ».....	111
Г.А. Кузнецова. ДОМ КУЛЬТУРЫ В ПРОСПИХИНО.....	112
И.Ю. Бралкова. ПОЕЗДКА ЛЕСНИКОВ.....	114
Н.С. Кузина. ШКОЛА В КЕЖМЕ.....	117
К.М. Хорошавина. НАВСЕГДА.....	122
Т.И. Власова. ДЕТСТВО В КАДЕ.....	123
М.И. Михайлюк. БЕЗОБЛАЧНАЯ ПОРА.....	124
Н.О. Жабыко. СЛУЧАЙ ПОД НОВЫЙ ГОД.....	126
Н.А. Панова. «КИШКИ МОИ».....	128
Е.А. Баянова. ДЕД ВАСИЛИЙ.....	129
И.Е. Панова. ОДА ОХОТНИЧЬИМ СОБАКАМ.....	133
П.Ф. Безматерных. ПЕРВЫЙ МЕДВЕДЬ.....	135
Р. 3. 75-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ.....	137
А.А. Усольцева. ПРОВОДЫ НА ФРОНТ.....	138
М.В. Новак. НА ТАКИХ ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТСЯ.....	138
КОНСТАНТИН СИЗЫХ.....	144

<i>Н.О.Жабыко.</i> «БРАТКА».....	145
<i>О.Г. Шадрова.</i> ПАМЯТИ ОТЦА.....	146
ДЯДЕ ВОЛОДЕ.....	148
ИВАН УСОЛЬЦЕВ.....	149
ЗА РАТНЫЙ ТРУД.....	150
<i>И.М. Брюханов.</i> УМЕЛИ АКСЁНОВЦЫ РАБОТАТЬ.....	151
<i>К.И. Дидоха.</i> ВОЕННЫЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ.....	153
<i>В.А. Панов.</i> ДЕТИ ВОЙНЫ. ОДИН ИЗ СТАИ ПОДРАНКОВ.....	155
<i>В.С. Привалихин.</i> ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ.....	159
<i>Л.Н. Рукосуева.</i> ОТЕЦ.....	160
<i>А.Ф. Попова.</i> ПОРТРЕТ.....	161
<i>Р.А. Савельев.</i> ПРАДЕД.....	162
Р. 4. ЛЮДЯМ БЕЗ РОДИНЫ ЖИТЬ НЕ ГОДИТСЯ.....	165
<i>А.Н. Атаева.</i> ВОСПОМИНАНИЯ О РОЖКОВО, О МОИХ РОДНЫХ И О СЕБЕ.....	166
<i>Л.И. Костина.</i> ДЕТСТВО.....	170
ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ – КЕЖЕМСКИЙ РАЙОН.....	171
РОДИНЫ ВКУС.....	172
ХОЧУ... ..	173
<i>А.Ф. Попова.</i> ПЕРЕМЕНЫ.....	173
<i>Л.Н. Попова.</i> НА ПОЛОГОМ, НА АНГАРСКОМ БЕРЕГУ.....	175
<i>Л.В. Привалихина.</i> ПОЕЗДКА ЗЕМЛЯКОВ НА РОДИНУ.....	176
<i>Г.А. Заборцев.</i> ОСОБЫЙ НАШ НАРОД АНГАРСКИЙ.....	181
<i>О.Г. Шадрова.</i> ПРИАНГАРЬЕ РОДНОЕ... ..	182
МАЛОЙ РОДИНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ... ..	183
«Я В ОСЕНЬ ЭТУ НЕ ПИШУ...».....	185
<i>Н.Н. Николаевская.</i> ЛЮДЯМ БЕЗ РОДИНЫ ЖИТЬ НЕ ГОДИТСЯ.....	187
Р. 5. ЖИВАЯ РЕЧЬ.....	193
<i>А.Н. Адамайтис.</i> ЖЕНСКИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ.....	194
<i>Л.А. Алексина.</i> ПРО ПРАЗДНИКИ.....	198
<i>Ф.М. Волошин.</i> ПРО РАДИАЦИЮ.....	199
<i>М.И. Верхотурова.</i> О ЖИЗНИ В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ.....	200
<i>Н.М. Карнаухов.</i> ПРО ОХОТНИЧЬЮ СОБАКУ.....	200
<i>Е.А. Колпаков.</i> СЛУЧАЙ С МЕДВЕДЕМ.....	201
<i>С.Е. Колпаков.</i> ПЕРВАЯ ОХОТА.....	204
<i>Н.С. Колпакова.</i> ОБ ОХОТЕ.....	205
<i>В.С. Косолапова.</i> О ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ РОДСТВЕННИКОВ.....	207
<i>М.П. Афонина.</i> МАРУСЯ.....	210
<i>Авторы.....</i>	213

Дорогие Кежмари, дорогие участники Кежемского землячества!

В память о своей малой родине вы создали Кежемское землячество, делаете добрые дела ради сохранения памяти о ней, о предках, пришедших в Сибирь почти четыре века назад. Не случайно один из главных праздников Кежемского землячества – День благодарения малой родины – уходит корнями в историю Сибири, связан с именем Ермака.

Радует, что старинный этот праздник вошёл в нашу жизнь и мы имеем возможность ещё и таким прекрасным способом продолжить традицию и отдать долг памяти нашим предкам, осваивавшим эту ненаглядную и многострадальную землю. Безусловно, эта земля навеки не только сплотила тех, кто вырос на этих берегах, но и приворожила многих людей из других районов и регионов, людей, равнодушных, переживающих за судьбу нашей Родины и её отдельных неповторимых краёв, которые, как дивные куски ткани, соборно образуют узорный плат Великой России от Океана до Океана. Можно долго говорить научные слова – быт, песня,

этнография и уникальные диалекты, перечислять пункты, доказывающие бесценность ангарских традиций, неповторимость уклада, но, наверное, нет ничего более ёмкого, чем одно короткое слово, вмещающий в себя весь космос прежней, сегодняшней и будущей жизни на этих берегах. Это слово – Ангарский дух.

Так пусть во славу этого неповторимого духа и шагает в будущее ваш, точнее наш праздник, пусть дети помнят о земле своих предков и пусть эта память не ослабевает от поколения к поколению. Берегите её, а иначе произойдёт то, о чём так мечтают наши недруги: уйдёт под воду то самое главное, во имя чего живёт сегодня каждый наш чувствующий и думающий земляк и собрат по доле – уйдёт под воду и весь русский дух. Не допустим этого!

Писатель Михаил Тарковский

Предисловие

«Облик родины с нами» – книга, изданная Кежемским землячеством с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов (проект № 19-2-008114 «Кежемская Матёра: код малой родины»). В неё вошли статьи красноярских учёных и воспоминания ангарцев (52 статьи, в том числе 6 научных, а также 10 «живых» историй).

Первый раздел книги знакомит с историей археологических изысканий в Приангарье, начиная с первых научных экспедиций в XVIII веке; с малоизвестной историей Ангарской экспедиции А.П. Ермолаева, состоявшейся более 100 лет назад; с важными маркерами идентичности ангарцев (говор, песня). Авторы первого раздела – археолог с мировым именем Н.И. Дроздов и его ученики (ангарцы!) Н.П. Макаров и В.И. Макулов; диалектолог О.В. Фельде и её ученики Е.С. Смирнов и О.В. Вязовикина; фольклористы И.Н. и Е.В. Горевы.

Второй раздел книги («Люди земли Ангарской») рассказывает об ангарском укладе жизни, характерах и судьбах ангарцев. Из воспоминаний видно, какую огромную роль в жизни ангарцев играли река и лес, и особенно ярко это проявлялось через рыбалку и охоту (в книге впервые широко представлена «охотничья» тема), через отношение к Ангаре: «Христовая, малёная!». Снова звучит горькая тема репрессий, но не забудем и о том, как ангарцы принимали «чужих», и главным мериллом при этом было трудолюбие.

В третьем разделе книги, приуроченному к 75-летию Победы, дети, внуки и правнуки делятся воспоминаниями о своих родных – о поколении Победителей. Отдалённый Кежемский район внёс свой вклад в Победу. 2679 ангарцев ушли на фронт, из них более половины не вернулись. Из воспоминаний земляков мы узнаём, как провожали на фронт, как ждали писем и боялись похоронок, каким тяжёлым и изнурительным был труд женщин, подростков, стариков, как встретили долгожданный День Победы... Ангарцы воевали на всех фронтах, во всех решающих битвах Великой Отечественной войны: за Москву, Ленинград, Сталинград, на Курской дуге..., во взятии Берлина. За подвиг на Днепре получил звание Героя Советского Союза Н.И. Усенко. Героем Болгарии стал проспихинец М.Е. Колпаков. Как и вся страна, Кежемский район жил под лозунгом: «Всё для фронта, всё для Победы!». Медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» были награждены 595 ангарцев. «На войне и на пашне – опора страны...», – так сказал о земляках фронтовик, учитель, наш народный поэт Алексей Фёдорович Карнаухов.

Авторами четвёртого раздела книги («Человеку без родины жить не годится...») являются коренные ангарцы, в основном, представители старшего поколения, родившиеся и прожившие большую часть своей жизни на родине, пережившие Прощание с ней и её последние дни.

В пятый раздел («Живая речь») вошла часть воспоминаний, собранных студентами ИФиЯК СФУ (научный руководитель О.В. Фельде) в рамках проекта «Кежемская Матёра: код малой родины» и ранее, от которых дрогнет сердце ангарца и отзовется память, а у читателя появится возможность «услышать» речь ангарца (русского старожила-сибиряка) и отчасти представить тот уже кажущийся старинным уклад ангарской жизни, сегодня почти исчезнувший.

В воспоминаниях земляков преломился весь XX век и начало XXI века, а авторы-ангарцы представляют большую часть затопленных сёл и деревень – Савино, Соколово, Аксёново, Кежма, Заимка, Дворец, Рожково, Сосново, Сизая, Пашино, Проспихино, Кода... Они помнят живую родину, и в этом бесценность их воспоминаний.

Дорого нам доброе слово Михаила Александровича Тарковского и его поддержка наших устремлений по сохранению памяти о земле предков. Выражаем признательность и всем нашим авторам за участие в создании грантовой книги. Благодаря общим усилиям мы сохраняем облик родины для наших детей и внуков, для потомков. И сохраняем надежду на её возрождение.

«Эту мысль, как последний свой шанс, берегу» (А.Ф. Карнаухов).

*Л.Л. Карнаухова (Цедиллина),
председатель Совета КРОО СКРСС «Кежемское землячество»,
руководитель проекта «Кежемская Матёра: код малой родины»*

Из истории и культуры Кежемского района

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Н.И. Дроздов, В.И. Макулов

Аннотация. Северное Приангарье – обширный регион долины р. Ангары в её нижнем течении. Его освоение человеком происходило с глубокой древности, о чём свидетельствуют сотни археологических памятников, относящихся к различным археологическим культурам и охватывающим хронологический период от палеолита до этнографической современности. В статье рассматривается краткая история открытий и изучения памятников, вклад отдельных исследователей и научных коллективов в восстановление уникальных страниц истории древнего населения региона, его культурного взаимодействия с населением сопредельных регионов Сибири.

Ключевые слова: Северное Приангарье, археологические памятники, палеолит, мезолит, неолит, бронзовый век, железный век.

Северным Приангарьем традиционно называют бассейн реки Ангары в её среднем и нижнем течении. В административном отношении на этой территории располагаются Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края. Его границы простираются почти на 400 километров с севера на юг и на 900 километров с запада на восток. Общая площадь составляет более 300 тысяч квадратных километров. Территория региона пересечённая, сильно приподнятая, равнинные участки чередуются с возвышенными плато и трапшовыми грядами. Главной водной артерией является река Ангара, берущая начало из озера Байкал. Длина реки составляет 1826 километров, из них более трети приходится на Северное Приангарье.

На территории Северного Приангарья Ангара принимает множество притоков, крупнейшими из которых являются: Ката, Кежма, Кова, Пашина, Кода, Чадобец, Мура, Иркинеева, Карабула, Каменка, Тасеева и др. Для них характерна маловодность, порожистость, большие колебания уровня воды, краткость паводка.

С древнейших времён Ангара и её притоки служили для человека основными дорогами, системой жизнеобеспечения, к ним были привязаны места жизнеобитания, о чём свидетельствуют многочисленные стоянки, расположенные на речных берегах.

История открытий и изучения этих памятников приближается к своему 300-летию, а началась она в первой четверти XVIII века. В это время археология в России делала первые шаги, шёл процесс накопления отдельных сведений и знаний, делались попытки их интерпретации. Ещё не были определены её цели и задачи, не выработаны методы и приёмы полевых и камеральных исследований. Со второй половины XIX века археологические исследования начинают носить более целенаправленный характер, определяются цели и задачи формирующейся науки, идёт процесс выработки методов и приёмов полевых и камеральных исследований, привлечения данных смежных наук.

Практические шаги по изучению и сохранению древностей Сибири были предприняты царём Петром I, означенные в указах 1716, 1718, 1721 годов. В них предписывалось собирать, покупать, описывать предметы древности, а также наносить находки на планы и пересылать их в Петербург. Кроме того, стремясь оградить древние курганы

от разграбления «бугровщиками», массово раскапывающими их в поисках изделий из серебра и золота, Пётр I повелевал при поимке наказывать смертной казнью.

По указу Петра I от 15 ноября 1718 года в Сибирь была направлена первая научная экспедиция для проведения исследований по широкому перечню научных направлений, включая сборы коллекций, описания природы и прошлого огромного и ещё неведомого края. Её возглавил Даниил Готлиб Мессершмидт – доктор медицины, обладающий знаниями по географии, ботанике, геологии, истории, филологии и другим наукам.

Это был талантливый молодой учёный из Данцига, приглашённый на службу в Россию и направленный в научную экспедицию в неизведанную бескрайнюю Сибирь. Человек, не информированный о сибирских реальностях, но решительный, самоуверенный и дерзновенный, беззаветно преданный науке и ответственный, ведь изначально это была экспедиция учёного-одиночки. Только в ходе её осуществления, в Тобольске, Мессершмидт исхлопотал у сибирского начальства разрешение на командирование к отряду помощников. В отсутствие в то время русских кадров были командированы: пленный шведский офицер, хорошо владеющий топографией, Филипп-Иоганн Табберт; пятнадцатилетний «рисовальщик» Карл Густав Шульман; знавший русский язык немец П.М. Крац, служивший Мессершмидту слугой и переводчиком; снабженец И. Капель; повар А. Геслер; четырнадцатилетний мальчик Ваня Путинцев, купленный у отца за двенадцать рублей в Ялуторовской слободе для сбора растений и ловли насекомых, и несколько драгун для охраны.

Главные трудности, которые экспедиции приходилось постоянно преодолевать: сложные природно-климатические условия, лютые морозы зимой, жара и невероятный гнус летом; громадные расстояния; полное бездорожье и малая населённость территории; чиновничий произвол и мздоимство, волокита и открытое пренебрежение к нуждам экспедиции; безденежье и др. Путешествия были небезопасны для жизни и здоровья. Нередко пути сообщения контролировались ватагами разбойников. В разных местах не отличались гостеприимством представители коренного населения Сибири (некоторые маршруты проходили по приграничным и недавно присоединённым к России территориям – на Алтае и Хакасско-Минусинской котловине). В маршруте можно было стать жертвой их нападения.

Протяжённость экспедиционных маршрутов составляла тысячи километров. Поражает целеустремленность и настойчивость руководителя и участников экспедиции в преодолении всех трудностей для достижения поставленных целей. Основными транспортными путями в то время были реки как летом, так и зимой. По ним чаще всего пролегли экспедиционные маршруты. Путешествие по сибирским рекам были небезопасны: можно было погибнуть в бурных порогах, во время шторма или провалившись под лёд.

Экспедицией Д.Г. Мессершмидта был проведён большой объём исследований на значительной части территории Сибири. Результаты комплексных экспедиционных исследований были отражены Д.Г. Мессершмидтом в двадцати трёх томах дневников и работ, были собраны обширные сведения и коллекции по биологии, зоологии, этнографии, различных древних предметов, сделаны их описания. Необходимо отметить, что значительную часть первоначальных сведений об археологических древностях участники экспедиции получали от местных жителей и руководства сибирских территорий.

3-6 января 1722 года Д.Г. Мессершмидт произвёл с научной целью первые в Сибири археологические раскопки кургана близ Абаканского острога на Енисее. Раскопки были произведены для выяснения обустройства могилы, было сделано её описание и фиксация на рисунке. В этой связи Д.Г. Мессершмидта принято считать родоначальником сибирской археологии, а 6 января 1722 года – днём рождения археологии Сибири [Вадецкая, 1981: 13].

Один из маршрутов экспедиции в 1725 году из г. Иркутска в г. Енисейск проходил по р. Ангаре. Здесь Д.Г. Мессершмидт впервые увидел и описал древние наскальные рисунки на р. Ангаре у деревни Климовой (в настоящее время – д. Климино Кежемского района). Рисунки, выполненные охрой и изображавшие двух всадников, расположены на живописном правобережном ангарском утёсе, сложенном светло-серыми породами известняка и носящем название у местных жителей «Писанный камень» [Радлов, 1902: 20]. Вероятно, сведения о рисунках были получены Мессершмидтом у местных жителей, поскольку с реки увидеть их очень трудно. Значение этой находки трудно переоценить, поскольку это был первый археологический памятник в Северном Приангарье, исследованный учёным.

Ко времени работы экспедиции относится сообщение участнику экспедиции Табберту от пленного шведского генерала Мартина Канифера о находке «каменных клиньев» у с. Илимска на р. Илим (правый приток р. Ангары) и в других местах на р. Ангаре возле «страшных скал» [Окладников, 1950: 16]. Это были первые, и потому очень важные сведения о находках предметов каменного века на р. Ангаре в Сибири.

Экспедиция продлилась целых восемь лет. 1 марта 1719 года Д.Г. Мессершмидт выехал из Петербурга и вернулся обратно 27 марта 1727 года. Возвращение оказалось отнюдь не триумфальным. За это время умер Пётр I, и ещё дважды сменились его преемники, к управлению государством пришли новые люди, сменились многие приоритеты государственного развития. Ещё во время экспедиции Мессершмидту непосредственным его руководством несколько раз предписывалось завершить исследования и вернуться в Петербург, было прекращено финансирование работ и выплата жалования. В столице всё его имущество было арестовано и описано. Его обвинили в растрате казённых средств, не выплатили задолженность по жалованию и экспедиционным расходам, даже арестовали, но впоследствии освободили. Основная часть собранных коллекций и часть личных вещей были переданы в Кунсткамеру. В Петербурге, находясь в большой нужде, будучи униженным и оскорблённым, тяжело больным, почти ослепший учёный принимал участие в обработке привезённых коллекций, материалов и дневниковых записей из Сибири, подготовке огромной объём обобщённых сведений. В 1731 году, во время обратного отъезда в Данциг, корабль, на котором он возвращался, потерпел кораблекрушение. Учёного спасли, а имущество и записи, в том числе экспедиционные, утонули. В 1747 году, во время пожара в здании Кунсткамеры, погибла основная часть коллекций и материалов экспедиции Д.Г. Мессершмидта. На родине он оказался забытым, никому не нужным и вынужденно вернулся в Петербург, где до конца жизни прожил в нищете. Умер в возрасте сорока девяти лет 26 марта 1735 года. Но он был пионером в научном изучении Сибири, и труды его не пропали даром, хотя и не были опубликованы. Его сведениями долгие годы пользовались все экспедиции, направлявшиеся в Сибирь.

Особое место в изучении древней истории Сибири принадлежит Академической Великой Северной экспедиции (1733-1743), и особую роль в этом сыграли руководители сухопутного отряда, академики Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, приглашённые в Россию из-за границы, а также начинающий русский учёный С.П. Крашенинников и ряд других исследователей.

Участники экспедиции уделяли особое внимание исследованию разнородных археологических памятников Сибири. Во время прохождения маршрута по Ангаре в августе 1738 года рисунки «Писаного камня» у д. Климовой осмотрел Иоганн Георг Гмелин. Он был обескуражен, увидев вместо ожидаемых писем «ничего более, чем фигуры двух всадников на лошадях, грубо намалёванные красной краской» [Окладников, 1966: 7]. Возможно, на настроение исследователя повлиял казусный случай, произошедший с ним в д. Чадобец, состоящей тогда из нескольких дворов. Местные

мужики разбежались по своим заимкам при прибытии экспедиции Гмелина в деревню, чтобы во время страдной поры их не привлекли в качестве гребцов на экспедиционные лодки. Гмелин «... рассказывает довольно подробно о взятии в плен восьми чадобецких женщин с целью побудить убежавших их мужей дать ему необходимых гребцов.» [Витковский, 1889 б: 3].

Позже эти рисунки осмотрел второй участник экспедиции – Герард Фридрих Миллер. Поскольку ранее он осматривал грандиозные Ирбитскую и Томскую писаницы, с множеством выразительных рисунков, то небольшие единичные рисунки, увиденные у д. Климовой, не произвели на него должного впечатления. Впоследствии он написал: «Далее подобная же скала находится на реке Тунгуске, которая в верхней своей части называется Ангарой... На правом берегу этой-то Тунгуски, который в этом месте северный, расположена скала, в 13 верстах ниже устья реки Чадобца и в 17 верстах выше устья реки Муры. Но ни по числу, ни по разнообразию изображений она далеко не может быть приравнена к вышеописанным скалам. Когда я, проезжая мимо, рассматривал её, то мог заметить, что на ней только изображение всадника, почему и не счёл нужным снять с неё рисунок» [Миллер, 1999: 528-529]. Критически относясь к писаницам Сибири, Г.Ф. Миллер дал им несправедливую оценку как историческому источнику. Он писал, что писаницы представляют собой не что иное, как простые и грубые рисунки: «Я не колеблюсь сравнивать их с рисунками детей или с произведением праздных людей, неопытных и в искусстве письма, и живописи, когда они делают на бумаге или пишут на песке разные беспорядочные изображения. Я не наблюдал там ничего, что было бы похоже на связный ряд изображений. Здесь – изображения людей, там – животных, ничем органически не связанные» [Там же: 523].

Г.Ф. Миллер также не видел в писаницах Сибири доказательства их сколь-нибудь глубокой древности: «...право, не знаю, почему их приурочивать к столь отдалённому времени. В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первым обладателям этого края, а не нынешним обитателям его» [Там же: 532]. Причины таких оценок кроются, вероятно, в том, что это были первые знакомства с памятниками древнего наскального изобразительного искусства, первые несовершенные шаги приобретения научного опыта и знаний в области археологии.

Из сибирских поездок исследователи привезли большое количество разнообразного археологического материала. Эти материалы позволили учёным сделать очень важное предположение о существовании трёх периодов в истории человеческой культуры – каменного, бронзового и железного.

Важные выводы о дорусской истории Сибири были высказаны А.Н. Радищевым в «Сокровищном повествовании о приобретении Сибири», написанном во время илимской ссылки (1791-1796). Радищев одним из первых высказал мысль о том, что история Сибири началась в каменном веке, которому на смену пришли медные и бронзовые орудия, а затем железные [Окладников, 1950: 24-25]. Эти выводы были сделаны на основании открытий предшествующих исследователей Сибири и его личных археологических находок и наблюдений в окрестностях Илимска. На распаханых прибрежных участках террас р. Илим он находил выпавшие из земли каменные орудия: топоры, ножи, наконечники стрел.

В 1874 году экспедиционную поездку на Ангару совершил известный красноярский геолог, путешественник и страстный собиратель древностей Иннокентий Александрович Лопатин (впоследствии – член-корреспондент Российской Академии Наук), произведя поиски метеорита у д. Сыромолотовой и геологическую съёмку нижнего течения р. Ангары. В ходе этой поездки он, вслед за местными жителями, открыл стоянку древнего человека

в устье р. Чадобец. Стоянка расположена на левобережном приустьевом участке, на высокой дюнной горе, называемой местными жителями «Место гладкое» [Клеопов, 1964]. Великолепная археологическая коллекция была собрана И.А. Лопатиным на пашне в окрестностях села Чадобец, а часть вещей была куплена у жителей деревень Заледеево и Чадобец (коллекция хранится в фондах отдела первобытной истории Эрмитажа – № 148 и № 335) [Окладников, 1950: 30].

После открытия Чадобецкой стоянки И.А. Лопатиным на ней побывал енисейский врач, коллежский советник Алексей Иванович Вицин, также собравший значительную коллекцию предметов археологии и антропологии. Как писал впоследствии Н.И. Витковский: «По рассказам чадобских жителей «Пески» их, кроме г. Лопатина, посещал ещё енисейский врач, Вицин, который увёз отсюда значительную коллекцию каменных орудий и человеческих черепов, о чём тоже не имеется никаких печатных сведений» [Витковский, 1889 б, №2: 4].

Очевидно, ко второй половине XIX века относятся сборы археологического материала с Чадобецкой стоянки, сделанные торговыми людьми и любителями древностей. Некоторые предметы из этих сборов в разное время попали в коллекции музеев городов Енисейска, Иркутска, Тобольска, Санкт-Петербурга. В фондах Енисейского городского краеведческого музея имеется коллекция каменных и металлических орудий, собранные в семидесятые-девяностые годы XIX века в устье р. Чадобец: коллекции №№ 285, 290-294, 329, 3579, 4380. Таким образом, стоянка Чадобец оказалась весьма перспективной для изучения эпохи неолита и железного века в Северном Приангарье.

Первые археологические исследования с научной целью в Северном Приангарье были проведены выдающимся археологом Николаем Ивановичем Витковским.

В 1880-1881 годах Н.И. Витковский первым из сибирских археологов проводит раскопки Китойского могильника в устье р. Китой, являющейся притоком р. Ангары возле г. Иркутска, которые дали выразительный археологический материал по каменному веку. Исследователь обобщил и интерпретировал комплекс полученных при раскопках материалов: археологических, геологических, фаунистических, антропологических, обряда захоронения, украшений, что позволило реконструировать картину хозяйственной и духовной жизни древних китойцев.

В 1882 году Н.И. Витковский, будучи опытным археологом, при поддержке Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества совершил археологическую поездку по р. Ангаре от г. Иркутска до устья р. Тасеевой [Витковский, 1889 а № 1]. Общая протяжённость маршрута составила 1644 километра. Участок маршрута от Иркутска до Усть-Уды преодолён на так называемых «обывательских, или междудворных, лошадях», а основная часть по Ангаре пройдена на почтовой лодке. Это наложило отпечаток на характер исследований [Там же №1: 13].

Основным итогом поездки стал доклад-публикация «Следы каменного века в долине р. Ангарь», прочитанный Н.И. Витковским на общем собрании членам отдела ВСОРГО 6 февраля 1889 года. Эта работа считается самой полной по археологии долины р. Ангары, опубликованной в дореволюционный период.

Характеризуя цель путешествия, Н.И. Витковский писал: «Собранные мной материалы (у г. Иркутска – авторы) позволили предполагать, что район распространения здешних аборигенов не ограничился только исследованной местностью. Проверить эти сведения на месте, поискать следы неизвестной истории человека на всём протяжении р. Ангары и установить, если окажется возможным, связь между его отдельными стоянками – вот что составляло скромную цель моей поездки» [Там же №1: 9].

Во время этой поездки осматривались, в основном, места, наиболее бросающиеся в глаза, места расположения почтовых станций и их ближайшие окрестности [Там же

№ 2: 10]. Были открыты десятки местонахождений древнего человека, в том числе на территории Северного Приангарья: Малая Кежма (Мозговая), Кежма, Пашина, рисунки Писаного камня у д. Климина, Каменка, Тасеева, выше Мурского порога на левом берегу [Витковский, 1889, №2: 10; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 10].

На местонахождении у д. Пашиной Н.И. Витковским была собрана небольшая коллекция археологического материала. Находки были приурочены к покровным песчаным обнажениям: «Как в деревне Пашиной, так и при устье р. Малой Кежмы сохранились остатки песчаного отложения, которое, судя по цвету и составу его, могло бы, как кажется, считаться эквивалентом антоновских песков. Несколько небольших осколков глинистого сланца и кварцита с несомненными, впрочем, следами пребывания их в руках древнего человека, а также незначительное количество горшечных черепков – вот и всё, что удалось мне собрать на обнажённом песке при деревне Пашиной, в том месте, где ныне находится кладбище, а также и на красивой террасе, образующей левый берег реки Малой Кежмы. Крестьяне вышеназванной деревни, которым при рытье могил приходилось не раз заглядывать вглубь песчаного отложения, утверждали, что, кроме «кремешков и черепков», им ничего более здесь не попадалось. О каменных орудиях они не имеют ни малейшего представления, не допускают даже самого существования их; естественно, поэтому, что и названные осколки считаются ими не произведением рук человеческих, а просто «кремешками», из коих некоторые «годны для добывания огня». Кем оставлены здесь горшечные черепки – это вопрос, который, по-видимому, никогда не возникал в умах местных обитателей. Жители селения Кежемского знакомы с несколькими типами каменных орудий; по рассказам, каменные топоры, долота и наконечники стрел были ими находимы в различных местах на пашнях, но в бытность мою там никто не мог доставить их.

Когда настоящий отчёт был уже написан, от учителя кежемского приходского училища были получены следующие изделия, несомненно, каменного века, приобретённые им у местных крестьян: 1) осколок глинистого сланца со следами вторичной оббивки – можно допустить, что он служил наконечником копья; 2) трёхгранный, грубо оббитый наконечник стрелы с черешком, дл. 111 мм, толщ. 29 мм. (наконечники такой формы в Восточной Сибири, насколько мне известно, ещё не встречались); 3) костяная вилка, вероятно, втулка для укрепления наконечника стрелы (тоже изделие, неизвестное до сих пор), нижний конец, вставляемый в древко, трёхгранный с перехватом, верхний – округлённый; длина всего изделия 112 мм; и 4) топорик из серого глинистого сланца, при лезвии шлифованный» [Витковский, 1889, № 1: 41-42]. Но эти первоначальные сведения позволили в конце семидесятых годов XX века обнаружить у д. Пашино интересную археологическую стоянку времени неолита – раннего средневековья, с расположенными на её территории древними погребениями и плавильными сооружениями железного века.

В процессе обследования открытых стоянок Н.И. Витковский не ограничился сборами подъёмного археологического материала, а, по возможности, производил раскопочные работы, производил опрос местного населения о местах находок археологических древностей, приобретал их. Так, на поселении около с. Чадобец, изучив и описав геолого-геоморфологическую ситуацию, проведя сборы многочисленного подъёмного археологического материала и выделив четыре участка его концентрации, он раскопал на них несколько «каналов». Общая протяжённость раскопанных каналов на первом, приближённом к деревне, участке составила пятнадцать сажень (около тридцати метров). В них были зафиксированы остатки очагов и скопления каменных орудий. Здесь же, впервые на памятниках в низовьях Ангары, были найдены остатки погребений.

На двух следующих участках, где поверхность была «крайне взрыто ветром» и где на поверхности выдувов было обнаружено множество черепков, каменных «осколков»,

несколько каменных орудий и человеческих костей, на местах скоплений также были вырыты несколько канав. Археологический материал, обнаруженный в траншеях, оказался незначительным и находился в переотложенном состоянии.

И, наконец, наиболее удалённый от селения участок, выявленный выше по Чадобцу, оказался самым насыщенным материалом: «Наиболее обильный сбор каменных изделий получен на последнем участке, где было проведено несколько канав, в перпендикулярном к краю террасы направлении. Бесчисленное множество осколков, рассеянных как вокруг густо расположенных друг при друге очагов, так и по всей площади под растительным слоем, свидетельствовало ясно, что в этом именно месте был главный инвентарь мастерских для выдела каменных орудий; здесь же, вблизи очагов, встречено и наибольшее количество мелких и очень дряблых костей животных. Металлических изделий и вообще следов обработки металлов на всей чадобской террасе раскопами не обнаружено» [Там же №2: 9-10].

В докладе о результатах исследований в долине р. Ангары особое внимание Н.И. Витковский уделил исследованиям в окрестностях с. Чадобец. Он отмечал, что ниже села, в сторону устья р. Чадобец, прослеживаются две террасы, осложнённые дюнными буграми, которые местные жители называют «песками», а юго-западную часть бугров с крутым склоном – «яром». Терраса раньше была покрыта лесом, который закреплял дюнные пески, но к моменту приезда Н.И. Витковского деревья здесь почти не сохранились и появились глубокие овраги [Там же № 2: 3-4]. В этих оврагах местные жители собирали изделия из камня и украшения.

Заслуга Н.И. Витковского состоит и в том, что он впервые разделил археологический материал стоянки Чадобец на три группы, выделив в отдельную группу керамику. Всю коллекцию глиняной посуды Н.И. Витковский разделил по способу орнаментации поверхности: узоры в виде чёрточек, ямочек, вдавления ногтей, царапины, глубокие бороздки, следы «сетки-плетёнки» Он считал, что орнамент на посуде Чадобецкой стоянки похож на глиняные изделия с берегов р. Оки, описанные графом Уваровым [Там же №2: 20-21].

Широта поиска аналогий чадобецкой керамике не только на территории Западной Сибири, но и на более западных стоянках, вплоть до Ладожского озера, – отличительная черта научной деятельности Н.И. Витковского. Говоря о сходстве чадобецкой посуды с посудой западных районов нашей страны, Н.И. Витковский имел в виду керамику с гребенчатым штампом и овальными вдавлениями.

В коллекции каменного инвентаря Н.И. Витковский особо выделил группу наконечников стрел, среди которых «...довольно значительное число наконечников имеет черешки, чего не наблюдалось в китойских и тункинских находках» [Там же № 2: 17].

Кроме изделий из камня и глины в устье р. Чадобец, он нашёл изделия из металла: три медных и два железных. Причем, кельт и наконечник стрелы из меди были найдены в долине р. Ангары впервые [Там же №2: 23]. Н.И. Витковский высказал мнение о том, что эти медные изделия очень похожи на минусинские. Следы выплавки меди на поселении исследователем не обнаружены.

Наряду с описанием и интерпретацией археологических материалов, полученных при раскопках, Н.И. Витковский делает первую попытку периодизации Чадобецкой стоянки и выделяет неолитическую, медную и железную стадии. При этом он отметил, что неолит Чадобца очень похож на ангарский неолит предместьев г. Иркутска и, может быть, имеет более широкое распространение в северной части Восточной Сибири: «Из сказанного видно, что исследованная местность, занимающая площадь около 15000 кв. саж., служила некогда, в отдалённом прошлом, местом поселения сначала человеку, дошедшему на пути своего развития лишь до искусства полировки каменных орудий, затем человеку, владевшему уже более совершенными орудиями из красной меди и, наконец, человеку, оставившему здесь железные изделия и множество костей от съеденных им животных. Что найденные

остатки не принадлежали одному какому-либо племени, пережившему здесь все названные фазы развития, в этом, кажется, не может быть сомнения» [Там же № 2: 10]. Результаты поисковых работ позволили Витковскому предположить, что река Ангара ещё в древности была «дорогой», по которой распространялись древние культуры с Енисея в сторону Лены и обратно.

Анализируя археологические материалы, исследователь часто обращается к этнографическим данным, письменным хроникам и документам. Научная деятельность Н.И. Витковского имеет огромное значение. Академик А.П. Окладников отмечал, что работы Н.И. Витковского являются исходными при анализе неолитического материала памятников Прибайкалья и севера Азии [Окладников, 1950: 43]. По своим общим теоретическим взглядам Н.И. Витковский был убеждённым эволюционистом в лучшем смысле этого слова. По его мнению, жители Приангарья проходили в своём развитии те же стадии, что и обитатели других стран [Окладников, 1950: 42]. Несмотря на ограниченность теоретических обобщений, некоторое несовершенство методики раскопок (траншейный метод), Н.И. Витковский одним из первых использовал доступную совокупность археологических, этнографических, палеонтологических и других источников и заложил научные основы изучения разновременных памятников археологии Северного Приангарья.

В 1888 году Дмитрий Александрович Клеменц сообщил Археологической комиссии о неизвестных до того в литературе наскальных рисунках, расположенных на правом берегу р. Ангары, в двух местах у с. Рыбинского: первое – на утёсе Кармакулы, второе – в восьми верстах ниже с. Рыбинского. Здесь, на правом берегу р. Ангары, были изображены «олени и тунгусы на лыжах», почему утёс и получил название «Оленный» [Окладников, 1966: 177-178].

В 1892 году археологические исследования на Средней Ангаре провёл сотрудник Красноярского городского музея Алексей Сергеевич Еленев. Он произвёл сборы археологических коллекций на известных стоянках у дд. Тушамской, Карапчанка, Пановское, Чадобец, Рыбное и обнаружил стоянку у с. Кашиношиверского на берегу р. Ангары, возле шиверы Кашинской. В результате: «В (Красноярский – авторы) музей была доставлена коллекция орудий из камня, топоров и тёсел, ножей и скребков, наконечников стрел и копий. Среди костяных изделий – иглы и шилья, украшения – подвески и бусы» [Макаров, 1989: 133].

В 1901 году по сообщению енисейского губернатора Плева в Московское археологическое общество в Енисейском музее хранилась коллекция археологических предметов (более 400 экземпляров) из Пинчугской волости с Ангары, принадлежащая некогда ссыльному И. Августовскому и состоящая из каменных, бронзовых и железных орудий, предметов этнографии [Вдовин, Кузьминых, 2011: 111-112].

В 1908 году М.Л. Шером в Красноярский музей была передана коллекция из двадцати девяти тунгусских предметов, в том числе сопроводительный инвентарь со старой шаманской могилы (подвески, наконечники стрел, холодное оружие), обнаруженной на р. Чуне во время проведения исследований в Чуно-Ангарском крае. Одновременно была передана и археологическая коллекция, включающая двадцать восемь наконечников стрел, нефритовый топорик и десять медных предметов [Вдовин и др., 2001: 34, 62].

В 1909 году сборы подъёмного археологического материала на стоянке Чадобец осуществил И.И. Бердников. Собранный коллекция из двадцати трёх каменных орудий, включающая стрелы, копыя и топоры, была передана в Красноярский музей [Там же: 34, 63].

В январе 1912 года помощник консерватора Красноярского музея А.П. Ермолаев во время поездки по Приангарскому краю посещает Чадобскую стоянку и в обнажениях террасы производит сборы подъёмного материала, а также осматривает и частично

фотографирует обширную коллекцию археологических древностей, насчитывающую около двухсот предметов из камня, меди, бронзы и железа, собранную одним из местных торговцев [Там же: 36, 67].

После этих сборов в исследовании археологических памятников Северного Приангарья отмечается десятилетний перерыв. Известны лишь случайные находки отдельных предметов, сделанные в разные годы на уже известных памятниках. Так, в 1913 году в Красноярский музей поступило шлифованное орудие типа тесла, найденное у с. Пашенная Кежемской волости.

Археологические исследования в Северном Приангарье были продолжены уже в советское время. Этому способствовали коренные преобразования в жизни страны. Большое значение имело создание в 1919 году Российской академии истории материальной культуры, которая с 1926 года стала называться Государственной академией истории материальной культуры. Также большое внимание в двадцатые годы в стране уделялось подготовке археологических кадров. Ведущим центром в Сибири по подготовке специалистов и выполнению исследовательской работы стал с 1918 года Иркутский университет, а во главе работы стоял профессор Бернгард Эдуардович Петри. Им подготовлена плеяда замечательных учёных: М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, Я.Н. Ходукин, П.П. Хороших и др., посвятивших значительное время изучению археологических памятников Прибайкалья и Приангарья.

В 1920 году Красноярским городским музеем была приобретена крупная археологическая коллекция со стоянки Чадобец, собранная сотрудником музея А.А. Савельевым [Вдовин и др., 2001: 42].

В эти же годы археологические исследования на р. Ангаре проводили Г.П. Сосновский и Г.М. Константинов.

В 1921 году, во время следования в экспедицию на р. Подкаменную Тунгуску, сотрудником Красноярского краеведческого музея А.Я. Тугариновым была обследована древняя стоянка у с. Паново на р. Ангаре и собрана коллекция археологических материалов, основную часть которой составляли фрагменты глиняной посуды и каменный инвентарь. Стоянка представляла исследователям весьма своеобразной: «Последняя находится в непосредственной близости от села, на берегу Ангары, выше селения. Обнажающиеся здесь пески лежат на галечных выносах, последние всего на 1½ – 2 м возвышаются над зимним уровнем реки. Большая часть песков задернована. На отвесных развезаемых стенках видно, что они переслаиваются лесовидными, беловатыми песками, давая отвесные стенки, а сверху покрыты слоем чистого песка до метра мощностью. Видны тёмные слои погребённой почвы, выделяются и культурные горизонты с большим количеством угля и покрасневшим песком. Однако находки были немногочисленны, и, если не считать черепков сосудов и осколков камня, нашлись ещё только каменные наконечники стрел, лямы и шлак. Обращало на себя внимание отсутствие обломков костей, столь многочисленных на наших стоянках юга» [Тугаринов, 1924: 4-5].

Тремя годами позже, в 1924 году, в Красноярский музей была передана коллекция керамики, изделий из камня, бронзы и железа, собранная на археологических памятниках Нижней Ангары Н.М. Кюннером и В.С. Миличем. Материал был собран на стоянках у дд. Матерая, Панова, Карапчанка, Селенгино, Чадобец, Шаманское и Невонка. Особый интерес представляют каменные шлифованные рубящие орудия и другие изделия из камня, орнаментированная керамика, изделия из железа: стремя, удила, тесло, ножи и трёхлопастной наконечник стрелы [Макаров, 1989: 148].

В 1925-1926 годы по инициативе Иркутского областного музея была организована экспедиция на р. Илим. Сотрудником музея Я.Н. Ходукиным была произведена разведка в среднем течении реки протяжённостью более 260 километров. В процессе исследований

были открыты двадцать местонахождений древнего человека [Ходукин, 1928: 116-118]. Он отмечал, что культурный слой отдельных стоянок древнего человека достигает шести-десяти-восьмидесяти сантиметров, что является ярким свидетельством их долговременности. Проанализировав полученные материалы, он сделал вывод о том, что неолитические племена, населявшие берега р. Илима, поддерживали устойчивые культурные связи, с одной стороны, с обитателями Прибайкалья, с другой, – с носителями культуры Чадобца и Нижней Ангары и, с третьей, – с обитателями р. Лены [Там же: 123].

В начале тридцатых годов XX века, в связи с началом проектирования гидростанций на р. Ангаре, в Приангарье развернулись крупномасштабные археологические исследования. В долине р. Ангары, на всём её протяжении от озера Байкал до п. Стрелка в устье, был налажен общий учёт и раскопки важнейших археологических памятников, попадающих в зону затопления проектируемых ГЭС. В 1932 году Иркутским краеведческим музеем совместно с Восточно-Сибирским отделом Русского Географического общества была организована Ангарская археологическая экспедиция, которую возглавил Алексей Павлович Окладников. За семь лет полевых работ (1932-1934, 1936-1940) экспедиция обследовала долину р. Ангары на всём её протяжении - от истока до устья. В ходе работ было выявлено, обследовано и частично раскопано большое количество разнокультурных археологических памятников, относящихся к различным историческим эпохам: от палеолита до позднего средневековья.

О работах на берегах р. Ангары А.П. Окладников писал: «Обследование памятников былой человеческой культуры на всём протяжении (хотя бы той же р. Ангары) может значительно содействовать уяснению исторического прошлого, конкретных судеб народов и племенных групп, населяющих и населявших Сибирь» [Окладников, 1937: 322].

В 1937 году А.П. Окладников с небольшим отрядом совершил масштабную археологическую разведку в нижнем течении р. Ангары: «Мы – это трое отчаянных, молодых тогда людей: участники краеведческой экспедиции Иркутского музея. Трое в лодке, простой рыбацкой лодке, разумеется, без мотора. Кто мог думать тогда о такой роскоши! Трое в лодке, даже без собаки: художник Алексей Фатьянов, ныне директор лучшего между Уралом и Тихим океаном художественного музея, Алексей Мельников – сторож Иркутского краеведческого музея и третий – тоже Алексей – Окладников...» [Окладников, 1978: 160]. В ходе разведки были вновь зарегистрированы следы поселений неолитического типа в 85 пунктах, открыты два палеолитических местонахождения (у д. Верхняя Кежма (Мозговая) и д. Кова), в шести пунктах зарегистрированы писаницы, раскопано большое количество неолитических погребений и вскрыты погребения эвенков в низовьях Ангары – поистине грандиозные результаты [Окладников, 1939: 181-186; 1940: 124-125].

В 1937 году А.П. Окладниковым в Северном Приангарье были открыты и вновь обследованы более 40 разновременных археологических объектов, относящихся к различным археологическим культурам. Самое большое количество местонахождений он открыл на участке р. Ангары от устья р. Каты до Мурского порога. Из них можно выделить стоянки и погребения в устье р. Каты, на о. Сизовском, р. Карапчанке, р. Копте, у д. Соколовой, на речке Верхней, против д. Усольцевой на правом берегу, около с. Паново, в местности Толстый Мыс, выше д. Мозговой, р. Чириде, в Глубоком Логу и Федугином Логу (выше В. Кежмы), у д. В. Кежма (Мозговая) у села Кежма, остров Каменный-Кежемский, устье р. Ковы, у дд. Дворец и Монастырской, в устье р. Коды, у д. Кады (Мельничный ручей), выше Чадобца в местности «Каменный Мыс», между дд. Климовой и Заледеевой, на р. Ичамонде на Мурском пороге. Ниже Мурского порога до устья р. Ангары были обнаружены стоянки: против п. Богучаны на правом берегу, у д. Ярки, в устье р. Иркинеевой, наскальные рисунки на скале против д. Манзя, у д. Каменка, ниже д. Рыбное, около д. Потаскуй, в устье р. Тасеевой [Окладников, 1939: 181-186; 1940: 124-125].

В работах по материалам разведки А.П. Окладников делает описание берегов р. Ангары в её нижнем течении, а также подробное описание мест нахождения стоянок и писаниц, даёт детальное описание археологического материала, подводит итоги проведённых исследований.

Особый интерес для изучения материальной и духовной культуры неолитических племён таёжной зоны Средней Сибири представляют материалы раскопанных А.П. Окладниковым каменных мастерских в устье р. Ичамонды на Мурском пороге, в местности «Каменный Мыс» и на острове Каменном-Кежемском, в двадцати семи километрах ниже с. Кежда. Во время раскопок найдены заготовки тесловидных орудий, нуклеусы, вкладышевые и костяные орудия, скрёбла из сланца и кремня, отщепы, фрагменты керамики с оттисками «сетки-плетёнки», кости косули и крупной птицы со следами обработки и необработанные [Там же: 182-183; 1946: 46-53].

По мнению А.П. Окладникова, полученные неолитические материалы низовьев р. Ангары содержат много общего с неолитом Верхней Ангары, Прибайкалья и Лены, что свидетельствует об общности материальной культуры неолитических племён, их одинаковой хозяйственной деятельности, способах охоты и рыбной ловли. В этой связи он уделяет особое внимание инвентарю местонахождений между дд. Климовой и Заледеево, речек Коды и Череды, которые обнаруживают полное сходство с классическими серовскими изделиями Прибайкалья.

Несмотря на отмеченную схожесть неолитических памятников Нижней Ангары с прибайкальскими, А.П. Окладников считает, что они содержат существенные данные для постановки вопроса о возрасте местного неолита и его своеобразии [Окладников, 1939].

Материалы исследований 1936-1940 годов дали общий исторический фон для написания А.П. Окладниковым «Истории Якутии» [Окладников, 1971: 9]. В целом же эти работы носили разведочный характер. Ещё одной их особенностью было то, что основное внимание уделялось эпохе камня, хотя материалы железного века также упоминаются: «...неолитические культурные слои перекрываются, как правило, наслоениями эпохи «раннего железа», датирующимися в рамках абсолютной хронологии около нашей эры, в пределах существования «тагарской» и «таштыкской» культурных стадий в Минусинской котловине» [Окладников, 1939: 183]; «Железо же вошло на Ангаре в быт не позже, чем в начале н.э. Об этом свидетельствуют впервые открытые памятники таёжного «раннего железа», поселения и часто встречающиеся небольшие железоплавильные печи» [Окладников, 1940: 125].

Панорама д. Чадобец. Март 2016. Фото А.В. Брюханова

Многочисленные материалы исследований могильных комплексов и стоянок Ангары и Прибайкалья позволили А.П. Окладникову разработать культурно-историческую периодизацию прибайкальского неолита и бронзы. В ней он выделил хиньский, исаковский, серовский, китойский, глазковский и шиверский этапы [Окладников, 1950: 139-140].

Собственно неолитическими автору представляется четыре первых, последовательно сменяющихся этапа.

1. Хиньский – самый ранний культурно-исторический этап, который характеризуется отсутствием керамики и каменным инвентарём, сохраняющим мезолитические традиции. V тыс. до н.э.

2. Исаковский – появляются керамическая посуда и шлифованные каменные орудия. IV тыс. до н.э.

3. Серовский – характеризуется совершенствованием обработки камня и кости, появлением предметов из нефрита и усиленного сложного лука. Наиболее характерны полированные тёсла из кремнистого сланца, а нефритовые тёсла имеют прямоугольный облик. III тыс. до н.э.

4. Китойский – появляются небольшие нефритовые тёсла, исчезают крупные тесловидные орудия. В хозяйстве первостепенную роль начинает приобретать рыболовство, а охота отступает на второй план. Отмечаются отдельные богатые захоронения, что свидетельствует о начале социального расслоения древнего населения Приангарья. Вторая половина III тыс. до н.э. - начало II тыс. до н.э.

За неолитическим временем следует глазковский этап раннебронзового времени, который характеризуется группой памятников с изделиями из металла, белого нефрита и перламутровыми бусами [Окладников, 1955].

Шиверскому этапу присуще дальнейшее развитие металлургии и в процессе постепенного вытеснения каменных орудий орудиями из металла.

Представленная культурно-хронологическая периодизация распространялась А.П. Окладниковым на Прибайкалье, Приангарье и верховья Лены. Характеризуя эту периодизацию спустя три десятилетия после её создания, автор писал: «Хронологическая схема последовательности культурно-исторических этапов в Прибайкалье, главным образом на ангарском материале, выдержала испытание временем. Сохраняют, следовательно, свою силу основанные на этой схеме главные исторические выводы, общие представления о жизни и культуре прибайкальских племён того отдалённого времени, об эволюции их

культуры, о месте, которое принадлежало этим племенам в мировой истории каменного века». При этом автор совершенно справедливо отмечает, что «... с накоплением нового материала могут и должны появиться дополнения и изменения к сложившимся представлениям о последовательности хронологических этапов, о взаимоотношении локальных групп памятников, за которыми стоят те или иные культурно-этнические образования далёкого прошлого – племена или родовые группы» [Окладников, 1976: 15].

Характеризуя комплекс археологических работ тридцатых годов на Ангаре, А.П. Окладников писал: «Археологи 30-х годов, располагавшие лишь самыми скудными материальными средствами, оснащённые больше всего энтузиазмом, стремились по мере сил «расчистить» зону этого строительства (речь идёт об Ангарстрое), своими раскопками хотели сохранить для науки богатства древней культуры Сибири, которые должны были уйти под воды искусственных морей будущего. И их усердие было вознаграждено рядом интересных открытий, серией богатых находок, позволивших во многом заново прочесть историю жизни и культуры ангарских племён каменного и раннего бронзового века» [Окладников, 1976: 149].

После работ А.П. Окладникова на Нижней Ангаре наступает очередной, более чем десятилетний, перерыв в изучении памятников Северного Приангарья, вызванный Великой Отечественной войной и послевоенной разрухой.

В 1948 году геолог А.К. Рюмин посетил Чадобецкую стоянку. Здесь, на песчаных выдувах, он собрал большую коллекцию археологического материала, а некоторые орудия им были получены от сельского учителя А.А. Шабовича. В статье «Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на Ангаре» А.К. Рюмин делает описание геологии и геоморфологии устьевого участка р. Чадобец и района стоянки, а также даёт характеристику археологического материала, подразделяя его на типологические группы: топоры, наконечники стрел, скребки, пластины, отходы производства, глиняную посуду, единичные изделия из кости. При этом он отмечает, что не обнаружил металлических изделий [Рюмин, 1951: 273-279].

Особо А.К. Рюмин отмечал: «... что найденный материал на выдувах дюн происходит из культурного слоя мощностью 15 – 20 см, зафиксированном на глубине 1 – 1,5 м от дневной поверхности. В слое обнаружены остатки кострищ, масса отщепов, много обломков керамики и костей, прекрасно сделанные каменные орудия. Основной материал, найденный в слое, а также на выдувах дюн, А.К. Рюмин относит к эпохе неолита, конкретно, к серовскому этапу. Он считает, что набор орудий свидетельствует об охотничьем укладе хозяйства обитателей Чадобецкой стоянки» [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 14]. Достоинством работы А.К. Рюмина является комплексный подход в изучении и характеристике стоянки Чадобец (геологии, геоморфологии, палеонтологии, палинологии и типологии), а возможные ошибки, допущенные при интерпретации археологического материала, объясняются тем, что исследователь не являлся профессиональным археологом.

В пятидесятые годы XX века в изучении памятников Ангары, включая Северное Приангарье, начинается новый этап. Он связан с началом строительства каскада гидроэлектростанций на р. Ангаре. В зонах будущих водохранилищ и местах строительства гидроэлектростанций разворачиваются широкомасштабные охранно-спасательные раскопочные работы на археологических памятниках. Характеризуя этот период исследований, А.П. Окладников писал: «Всюду, где идут стройки, трудятся археологи, сохраняя нашему народу и мировой культуре накопленные тысячелетиями культурные ценности и памятники истории сибирских народов» [Окладников, 1968: 160].

В 1952 и 1955 годы были созданы две археологические экспедиции, которые работали на Ангаре, – Ангарская и Братская. Отряды Ангарской экспедиции, руководимой

А.П. Окладниковым, вели раскопки в 1951-1955 годы в верховьях Ангары. Братская экспедиция, также руководимая А.П. Окладниковым, работала в зоне затопления Братской ГЭС в 1955-1959 годы. В результате масштабных археологических исследований этих экспедиций на Ангаре в пятидесятые годы XX века были раскопаны и открыты десятки памятников неолитического, бронзового и железного времени.

Подводя итоги изучения этими экспедициями неолитических памятников, А.П. Окладников писал: «В 50-е годы усилиями участников экспедиций, осуществлённых на средства, выделенные советским правительством специально для археологических работ в зонах строительства ангарских гидроэлектростанций, были исследованы такие важные для археологии Прибайкалья и Сибири древние могильники, как Усть-Удинский, Серовский, на Братском камне и др.» [Окладников, 1976: 149].

Самые масштабные работы по изучению культур поздней бронзы и раннего железного века А.П. Окладников провёл на островах Лесном и Сосновом. Здесь были обнаружены рыболовные грузила, фрагменты бронзовых ножей, обломки круглодонных глиняных сосудов и сосудов с коническим поддоном. Последние аналогичны скифским бронзовым котлам. Это позволило А.П. Окладникову сделать вывод о взаимоотношении таёжных племён Прибайкалья с соседними степными племенами. На рубеже нашей эры эти острова заселяют люди, умевшие обрабатывать железо. Ими оставлены разрушенные горны для варки железа, воздуходувные трубки, ножи, наконечники стрел, шлаки. Многолетние исследования дали возможность выявить металлургический центр железного века в таёжной зоне Средней Сибири, способствовали выяснению основ хозяйственной деятельности населения верховьев Ангары. Исследования последующих лет показали, что культура эпохи бронзы и железа ангарских островов не является локальной, памятники той же культуры были открыты в других районах долины Ангары.

Археологический материал эпохи бронзы и железа, полученный в ходе археологических исследований, позволил А.П. Окладникову выделить на Средней Лене, Вилюе и Енисее северо-таёжную культурную зону этнически родственными племён. Признаки, взятые за основу (культовые места, наскальные изображения, антропоморфные изделия, топонимика), дали возможность А.П. Окладникову сделать вывод, что эта культурная зона принадлежит кетской группе «палеоазиатских» племён, которые дали один из компонентов сложения якутской народности. Исходя из этого, он предлагал искать пути передвижения предков якутов как из Прибайкалья через верховья Лены, так и с Енисея и Ангары через Нижнюю Тунгуску на Вилюю и далее на Среднюю Лёну [Окладников, 1941:5-14; 1946: 99-107].

Огромное значение для развития сибирской археологии имело образование в 1958 году Сибирского отделения АН СССР. Образованный в его составе Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР стал ведущим научным центром, определяющим, проводящим и координирующим основные направления археологических исследований на территории Сибири и сопредельных территорий, в том числе на р. Ангаре в зонах проектируемых ангарских водохранилищ.

Систематические исследования в бассейне Средней и Нижней Ангары начинаются в конце 1960-х годов и связаны они со строительством Усть-Илимской и Богучанской ГЭС, угрозой затопления большого количества ценнейших археологических памятников.

Начиная с 1967 года, в зоне будущего Усть-Илимского водохранилища работала Ангаро-Илимская археологическая экспедиция ИИФиФ СО АН СССР под руководством Р.С. Васильевского. За время работы этой экспедиции исследованы более 90 разновременных археологических памятников, на 32 произведены раскопки. Обнаружены и исследованы интереснейшие материалы по древней истории племён Средней и Нижней Ангары. Их исследования дали весьма значительный материал для изучения древних

культур Приангарья и их периодизации [Васильевский, 1978: 131-150; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 16-17].

Обследованные стоянки, поселения и могильники, наскальные рисунки хронологически охватывают период от позднего палеолита до XVII века.

Материалы времени неолита, полученные Ангаро-Илимской экспедицией на памятниках Средней Ангары, наряду со сходством с известными ранее материалами Верхней Ангары выявили определённое своеобразие и отличительные черты [Там же: 146-149].

В связи с предстоящим строительством Богучанской ГЭС были начаты широкомасштабные археологические исследования на Нижней Ангаре в Кежемском районе. Самое активное участие в изучении этого региона принимают сотрудники Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ). В 1969 году археологическую разведку в Северном Приангарье проводит Богучанский отряд КАЭ ИГУ под руководством Г.И. Медведева. В ходе разведки на 500-километровом участке р. Ангары от с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области до с. Климино Богучанского района Красноярского края было обследовано около 50 новых и уже известных памятников. Исследователями были уточнены местоположения и наличие культурных слоёв, которые относятся к разным хронологическим эпохам от палеолита до позднего средневековья [Аксёнов и др., 1974: 165-172].

В 1970-1972 годы Г.И. Медведев, Н.И. Дроздов, Д.И. Дементьев производят обследование территории поселения Кода и стационарные раскопки у с. Кода и заимки Нижняя Кода. Проведённое обследование показало, что протяжённость поселения по фронту террасы составляет более шести километров и его территория по концентрации археологических материалов условно может быть поделена на пять пунктов: Усть-Кода, Кода I, II, III, IV. Наибольшая концентрация подъёмного материала зафиксирована в пунктах I – III, а в устьевом участке неолитический материал зафиксиро-

Археологические раскопки на стоянке Усть-Кова на р. Ангаре. 1970-е

рован на уровне четвёртой надпойменной террасы р. Ангары. В пункте III был заложен раскоп площадью 114 квадратных метров, в пункте II были заложены два раскопа площадью 32 и 39 квадратных метров, расположенные на расстоянии 60 метров друг от друга. Это были первые широкомасштабные раскопочные работы в Северном Приангарье. Эти раскопки зафиксировали несколько культурных слоёв и большое количество разнообразного археологического материала от палеолита до железного века. Было обнаружено и раскопано погребение, в погребальном сопроводительном инвентаре которого выявлены составные костяные рыболовные крючки китойского типа. Одновременно со стационарными раскопками проведены рекогносцировочные разведочные работы в устье р. Ковы, на маршруте с. Кода – с. Проспихино – с. Пашино, на стоянке Пашино и в нижнем течении р. Коды. Осуществлены сборы археологического материала на местонахождении Тагара, поселениях Чадобец и Климино. Так же был обследован участок долины р. Ангары от д. Мозговая (Кежемский район) до п. Пинчуга (Богучанский район), общая протяжённость маршрута составила более 370 километров. Главным результатом поисковых работ явилось вторичное «открытие» палеолитического местонахождения в устье р. Ковы [Дроздов, 1974: 229-236; Дроздов, Дементьев, 1974: 204-228; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 15].

В 1973-1975 годы в Северном Приангарье проводит исследования совместная экспедиция Красноярского краеведческого музея (ККМ) и ИГУ, возглавляемая Н.И. Дроздовым. Участниками экспедиции были открыты и обследованы около 30 археологических памятников и проведены раскопки многослойного поселения Чадобец, разведка поселений и могильника в устье р. Каты [Дроздов, Привалихин, 1975: 203-204; Дроздов, 1976: 237]. Также в 1974 году Н.И. Дроздовым, Г.И. Медведевым, Ю.С. Пархоменко впервые были обследованы петроглифы в районе шиверы Мурожной [Пашинов, Дроздов, 1976: 271; Медведев, Дроздов, Пашинов, 1977: 259].

В 1975-м и 1977-1978 годы Северо-Ангарской археологической экспедицией под руководством Н.И. Дроздова были продолжены раскопки многослойного поселения Чадобец. В раскопочных работах участвовали участники первого в Сибири научно-трудового лагеря старшеклассников «Юный археолог», созданного по инициативе Н.И. Дроздова в 1976 году решением Крайсовпрофа при КГПИ. Работа лагеря организовывалась при поддержке Кежемского райисполкома, райкома КПСС и при активном участии райкома комсомола во главе с первым секретарём Михаилом Андреевичем Ляцевым (в дальнейшем – председатель райисполкома). Участниками полевого экспедиционного лагеря были старшеклассники из школ Красноярска, Норильска, Кайеркана, Талнаха, Кежемского, Абанского, Канского, Ужурского и многих других районов Красноярского края, студенты и сотрудники КГПИ. С 1979 года лагерь

Н.И. Дроздов (1-й слева), С.Н. Алаев (1-й справа) и юные археологи В. Макулов и А. Быков из с. Заледеево. 1973

«Юный археолог» на протяжении более 10 лет участвует в охранно-спасательных археологических раскопках на комплексе памятников Усть-Кова. За эти годы более 1500 учеников приняли активнейшее участие в изучении и сохранении доисторического прошлого своего края, а также учились самостоятельности и преодолению неудобств палаточной жизни, дружбе и взаимопомощи, гражданственности и патриотизму. Для многих это определило выбор профессии и дальнейшего жизненного пути.

В ходе раскопок на стоянке Чадобец была вскрыта площадь более 600 квадратных метров, выделено и изучено три культурных слоя, относящихся к эпохе палеометалла, неолита и мезолита. Материал первого культурного слоя представлен изделиями из металла (ножи, наконечники стрел, стремена), остатками плавильных сооружений, фрагментами керамической посуды, молотами для дробления руды и др.

В неолитическом культурном слое обнаружены пятнадцать очагов с каменными кладками и без них, скопления каменных орудий (топоров, тёсел, нуклеусов, наконечников стрел), фрагментов сосудов. Всего найдено 7694 изделия из камня и 5674 фрагмента керамики.

В третьем – мезолитическом – культурном слое найдено 3745 экземпляров изделий из камня, среди них орудия, пластины и отходы каменной индустрии [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 121-133].

В 1976-1977 годы отрядом экспедиции проводятся раскопки поселения в устье р. Пашиной (левый приток р. Ангары). За два года была вскрыта площадь 340 квадратных метров, выделено и изучено два культурных слоя, относящихся к эпохе железного века и неолита, обнаружены материалы бронзового времени.

Археологический материал первого культурного слоя представлен большим количеством фрагментов керамики, плавильным сооружением типа «домница», тремя погребениями с бронзовыми наконечниками стрел тагарского облика, ножом, железными шлаками, изделиями из кости и др.

В неолитическом слое обнаружены несколько расплывчатых очажных пятен, скопление керамики и рыбьих костей в каменной выкладке. Каменный инвентарь представлен более 9 тысяч экземпляров изделий из камня: нуклеусы, наконечники стрел, копий, скребки, ножи, резцы, тёсла, топоры, пластинки, ложила, сколы, отщепы и др. [Там же: 102-113].

В эти же годы отрядом СААЭ проводятся раскопки стоянки Толстый Мыс и разведки в её окрестностях в Кежемском районе. Археологический материал первого культурного слоя соотносится с материалами стоянки Чадобец и Пашино. Неолитические материалы также схожи с материалами неолитических памятников Северного Приангарья [Макаров, 1977: 12-14; Макаров, Привалихин, Дроздов, 1978: 251].

Стационарные раскопки в эти годы сочетаются с разведочными работами, целью которых является более тщательный осмотр ранее открытых памятников, а также поиск и выявление новых. Детальному осмотру и изучению обоих берегов подвергался участок р. Ангары от устья р. Ковы до п. Стрелка. В ходе этих работ был обнаружен ряд новых археологических памятников: Косой Бык, Осиновка, Толокнянка 1, 2, Гольтьявина, Невонка, Карабула, Иркенева и др.

Впервые были обнаружены и исследованы петроглифы у п. Геофизиков (пять километров ниже п. Богучаны), осмотрены два камня с рисунками у Мурожной шиверы [Пашинов, Дроздов, 1976: 271], каменное антропоморфное изваяние с выбитой рядом личиной на левом берегу р. Тасеевой, в двух километрах выше её устья [Медведев, Дроздов, Пашинов, 1977: 259].

Одновременно с отрядами Северо-Ангарской археологической экспедиции в Кежемском районе проводит работы отряд ИИФиФ СО АН СССР под руководством В.В. Бурилова.

Этим отрядом на протяжении ряда лет проводились раскопки на стоянках Парта, Карадима, Бадарма, Эдучанка.

В 1977 году СААЭ под руководством Н.И. Дроздова начала стационарные, многолетние раскопочные работы по изучению многослойного поселения Усть-Кова в устье р. Ковы, левого притока р. Ангары. В процессе многолетних исследований в правом бережном приустьевом участке р. Ковы был выявлен комплекс разновременных памятников: Усть-Кова, Усть-Кова I, пункт II [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 77-102]. За годы работ на памятнике вскрыта площадь более 5000 квадратных метров, получены уникальные материалы по древнейшей истории народов, населявших этот регион. Наиболее древним из них является многослойное поселение Усть-Кова, расположенное на левом берегу р. Ангары, выше устья р. Ковы, против Ковинской шиверы. На поселении выделены три культурных слоя: времени позднего палеолита (слой 3), неолита (слой 2), железного века (слой 1). В слоях были обнаружены многочисленные изделия, выполненные из камня и кости, бивня мамонта, костные остатки мамонта, бизона, гигантского северного оленя, лося, медведя и др. Также были обнаружены подвески и бусинки, сделанные из зубов и кости животных, уникальное скульптурное изображение мамонта из бивня мамонта, возраст которого определяется 24 тыс. лет.

Возраст палеолитических находок относится к концу каргинского - началу сартанского времени, что подтверждается датировками, полученными по углю из литологически разных слоёв: 32865 лет; 30100±150 лет; 28050±670 лет; 23920±310 лет и 14220±100 лет, что соответствует трём хронологическим этапам ковинского палеолита (нижний, средний, поздний комплексы). Выявленные своеобразные черты палеолитических материалов дали основание для выделения усть-ковинского локального варианта палеолитической культуры Северного Приангарья.

Для неолитического слоя также имеются четыре даты, полученные по углю: 5639±30 лет; 4300±300 лет; 6195±70 лет; 4500±100 лет. Эти даты очень важны для хронологической привязки однотипных материалов на других стоянках Северного Приангарья.

На отдельных участках раскопанной территории поселения сделаны единичные находки мезолитического материала.

Здесь же раскопаны погребения железного века, дающие новые сведения о культурных связях племён Ангары с племенами соседних регионов. Кроме погребений, материал первого культурного слоя представлен многочисленными фрагментами керамики, изделиями из металла и кости, остатками железоплавильного производства [Леонтьев, 1999].

Многослойное поселение Усть-Кова I расположено в семистах метрах выше устья р. Ковы, на правом её берегу. Раскопано 508 квадратных метров. В раскопах зафиксированы мезолитический и неолитический культурные слои.

Мезолитический инвентарь представлен нуклеусами и заготовками, скребками, резцами, пластинами и т. д. Материал датируется 10-7 тыс. лет назад.

Эпоха неолита представлена керамикой с оттисками «сетки-плетёнки», найденной на контакте с мезолитическим слоем, и, возможно, одной из древнейших среди исследованных памятников Северного Приангарья. Каменный инвентарь состоит из тёсел, топоришков, наконечников стрел, нуклеусов, пластин, скребков и т.д.

В 700 метрах выше устья Ковы обнаружен ещё один памятник – Усть-Кова I, пункт II. Раскопано более 100 квадратных метров, где выявлены культурные слои мезолитического и неолитического времени. Неолитические находки разновременны и представлены керамикой и каменным инвентарём. Мезолитический инвентарь: рубящее орудие из кварцита, нуклеусы, пазовый резец из рога и отщеп с выемкой, пластины, резцы.

Многочисленные материалы неолитического времени, полученные при изучении памятников Северного Приангарья, выявили как их схожесть с материалами сопредельных

районов Приангарья, Лены, Прибайкалья, так и очень яркие своеобразные черты. Исходя из этого и используя данные комплекса смежных научных дисциплин, Н.И. Дроздовым была разработана периодизация неолита Северного Приангарья, включающая три этапа: ранний (VII – VI тыс. до н.э.); средний (IV – начало III тыс. до н.э.); поздний (конец III – первая половина II тыс. до н.э.) [Дроздов, 1981].

Многие годы на территории Кежемского района проводили исследования археологические отряды Красноярского краеведческого музея под руководством В.И. Привалихина. Исследователем проведены раскопки могильников и стоянок на островах Сергушкин и Отика, в местности Слопцы, Капонир и др., относящихся к эпохе неолита – раннего железного века. Полученные материалы позволили исследователю выделить цапаньскую археологическую культуру раннего железного века в Северном Приангарье и сопредельных районах, значительно расширить представления о материальной и духовной культуре представителей таёжных племён Нижней Ангары [Привалихин, 1993]. Одновременно при проведении разведочных работ В.И. Привалихиным были открыты и частично обследованы более двадцати разновременных стоянок и местонахождений на территории Кежемского района Красноярского края [Привалихин, 1989а: 189-198; 1989б: 114-117; 1998: 72-87; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2013: 42-56].

В 1982 году в Красноярске был открыт филиал ИИФФ СО АН СССР – Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири (КЛАПСС), возглавляемая Н.И. Дроздовым. Сотрудники лаборатории активно включились в археологические исследования в зоне строительства Богучанской ГЭС в составе Комплексной археологической экспедиции. Основные работы были продолжены на стоянках Усть-Кова, Кода, Пашина, Рожково, на о. Сосновом, продолжены разведочные работы в Северном Приангарье [Дроздов, 1982].

Археологические исследования в регионе продолжали и отряды ИИФФ СО АН СССР, возглавляемые В.В. Буриловым и Д.Ю. Березиным, проводившие раскопки на стоянках Тушама, Парта, Окунёвка, Колпаков ручей и др. [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 58-77; Васильевский, Березин, Привалихин, 1996: 32 – 39].

В 1985 году сотрудниками Лаборатории археологии КГПИ В.И. Макуловым, С.Г. Степановым, Е.В. Акимовой, А.В. Ермолаевым, В.И. Привалихиным, В.А. Погудиным, А.Л. Заика под общим руководством Н.И. Дроздова по заказу Управления культуры Красноярского крайисполкома были начаты работы по паспортизации археологических памятников Красноярского края, включая Северное Приангарье. Были обследованы и паспортизированы более тридцати ранее известных археологических памятников и открыты новые: Осиновка I, 2, Чёртов Лог, Чернила, Мурская шивера, Урыль, Кипелая, Черемшанка, Большая Имбала, Ангарский IV, Абакан I-III, Пинчуга I, II и др. [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989: 190-212; Буторин и др., 1990: 45-46; Тарасов, 1988: 605; 1999: 148-150].

В последние десятилетия в Северном Приангарье и, главным образом, в зонах затопления проектируемых водохранилищ Богучанской ГЭС и Мотыгинской ГЭС работали археологические отряды КГПУ, ИАЭТ СО РАН А.В. Ермолаева, В.П. Леонтьева, В.И. Макулова, А.Л. Заики под общим руководством Н.И. Дроздова. Продолжались стационарные раскопочные работы на стоянках Усть-Кова, Кода 1, Усть-Кода, Рожково, Пашина, Остров Сосновый и др. В результате разведочных работ были открыты более двадцати стоянок и более сорока местонахождений новых наскальных рисунков: Паново 1 – 4, Аплинский порог (стоянка, петроглифы), Писаница Усть-Кова 1, петроглиф Тимохин Камень, Проспихино 2, Писаный камень (писаница, стоянка), Огалева, Мурский порог (стоянка и петроглифы), Мура, Манзинская пещера, Писаница Манзя, Ивашкин ключ, Зергулей, Шунтары 1-3, Выдумский Бык, Рыбное, Каменка 1-4, Кутарей, Мурожная

Руководители Богучанской археологической экспедиции (слева-направо): А.П. Дервянко, Г.И. Медведев и Н.И. Дроздов

Н.И. Дроздов (слева) и Г.И. Медведев на стоянке Окунёвка на р. Ангаре спустя 40 лет. Июль 2008

шивера 3-6, Мурожные камни 1-4. [Дроздов и др., 1995: 46-48; 1996: 91-96; 2000: 43-55; 2002: 12-24; Заика и др., 2000: 555-559; Заика, 2013; Макулов, 1988: 407; Макулов и др., 1999: 423-426; 2001: 258-261].

Археологические материалы палеолита – железного века, полученные на протяжении многолетних исследований, позволяют сделать ряд обобщающих выводов о первоначальном заселении Северного Приангарья, реконструировать историю и этапность освоения этого региона в древности, которая представлена последовательно сменяющимися друг друга этапами: поздний палеолит, мезолит, неолит, бронзовый и железный века.

В 1982 году сотрудником КККМ Н.П. Макаровым проведены раскопочные работы на стоянке Усть-Карабула, а в её окрестностях в ходе разведок были выявлены несколько стоянок [Макаров, 1984: 215-216; 1989: 131-189].

В 2006 году совместными отрядами КГПУ имени В.П. Астафьева, КЛАПСС ИАЭТ СО РАН, ИГУ под общим руководством Н.И. Дроздова в зоне проектируемого ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Усть-Илимского района Иркутской области и Кежемского района Красноярского края, а также в зоне проектируемого ложа водохранилища Мотыгинской ГЭС в Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края была проведена инвентаризация археологических памятников. В результате были выявлены и вновь обследованы 168 объектов археологического наследия (ОАН), попадающих в зону затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС, и более 30 ОАН в зоне затопления Мотыгинской ГЭС. Общая оценочная площадь ОАН составила несколько квадратных километров, хранящих бесценную информацию о древнейшей истории заселения и освоения человеком Нижнего Приангарья, формировании уникальных самобытных культур многочисленных народов, проживающих на берегах Ангары с глубокой древности.

В последние десятилетия большой комплекс разведочных и раскопочных работ в Северном Приангарье проводят отряды и экспедиции Сибирского федерального университета (СФУ – ранее КГУ) под общим руководством П.В. Мандрыка. В ходе этих работ были открыты и исследованы несколько десятков разновременных археологических памятников, некоторые из них продолжают изучаться в настоящее время [Мандрыка, 1996: 344-346; 2006: 159-170].

В этот же период на ряде памятников в долине р. Тасеевой и её притоков, в том числе на площадке у Тасеевского изваяния, проведены раскопочные работы сотрудником музея г. Железногорска Ю.А. Гревцовым [Гревцов, Сергейкин. 1999:121-122].

В эти же годы в Северном Приангарье работали отряды ООО «Свод» и ООО «Красноярская геоархеология», проводившие исследования на землеотводах крупных новостроечных объектов, связанных со строительством Богучанского алюминиевого завода, мостового перехода через р. Ангару, нефтепровода «Куюмба – Тайшет» и др. В ходе исследований были открыты разновременные археологические памятники, некоторые из них были раскопаны и продолжают исследоваться [Гревцов и др., 2015: 616-618; Мещерин и др., 2019: 14-33].

Особое место в исследовании памятников Северного Приангарья занимают охранно-спасательные раскопочные работы Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, проведённые в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Усть-Илимского района Иркутской области и Кежемского района Красноярского края в период 2007-2012 годы. Научным руководителем экспедиции являлся директор ИАЭТ СО РАН, академик РАН Анатолий Пантелеевич Деревянко, начальником экспедиции был ректор КГПУ имени В.П. Астафьева, заведующий КЛАПСС ИАЭТ СО РАН, доктор исторических наук, профессор Николай Иванович Дроздов, заместителем – заведующий кафедрой археологии и этнографии ИГУ, заведующий Лабораторией археологии и палеоэкологии ИГУ и ИАЭТ СО РАН, доктор исторических наук, профессор Герман Иванович

А.П. Деревянко (справа) и В.И. Макулов на стоянке Окунёвка на р. Ангаре во время археологической разведки. Июль 2008

А.П. Деревянко, Г.И. Медведев и Н.И. Дроздов с участниками археологической экспедиции на р. Ангаре. Июль 2008

Медведев. В истории современной России охранно-спасательные работы, проведенные экспедицией, были самыми масштабными археологическими исследованиями как по количеству изученных памятников, так и по количеству привлеченных научных учреждений, специалистов и работников.

В работах участвовали специалисты-археологи и представители смежных наук ИАЭТ СО РАН и других научных учреждений СО РАН, ведущих вузов Сибири, музеев СФО. Масштабным раскопкам предшествовали разведочные работы по обоим берегам Ангары, проведенные в 2007 – 2008 годы и продолжавшиеся в ходе раскопочных работ в 2008-2011 годы. В ходе разведок были: 1) обследованы все ранее известные ОАН, определено их современное техническое состояние, определены площади с уничтоженным природными или антропогенными воздействиями культурным слоем, определены площади для проведения на них раскопочных работ; 2) обследованы все перспективные места для выявления ОАН, выявлены новые археологические объекты и на них определены площади для проведения раскопочных работ.

В процессе охранно-спасательных раскопочных работ в 2008 – 2012 годы «...на 222 памятниках и ансамблях памятников археологии раскопками было обследовано 165 тыс. м² совокупной площади объектов культурного наследия. В результате изучения культуросодержащих слоёв археологических объектов в границах вышеизложенных площадей были получены уникальные коллекции разновременного археологического материала численностью более одного миллиона артефактов» [Богучанская..., 2015: 16-17]. В работах участвовали более 5000 человек. Археологический материал, полученный в ходе работ, охватывает хронологический период от палеолита (40 тыс. лет) до этнографической современности (XIX век). Были раскопаны остатки древних жилищ, могильники и отдельные захоронения, каменные, костяные, бронзовые, медные, железные орудия и украшения, керамические сосуды и многие другие предметы.

В настоящее время продолжают работы по научной обработке и интерпретации полученных материалов, публикуются многочисленные статьи по направлениям научной проблематики, началась публикация монографий по отдельным памятникам и издание Трудов Богучанской археологической экспедиции [Богучанская..., 2015]. Публикация этих материалов позволит создать более полную картину исследований Богучанской археологической экспедиции в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Северного Приангарья.

В 2014 году на участке р. Ангары от створа Богучанской ГЭС до п. Богучаны провёл обследования разведочный отряд ИАЭТ СО РАН под руководством А.А. Выборнова. В ходе работ был обследован 31 ОАН, включающие уже известные археологические памятники и вновь выявленные объекты: стоянки, поселения, писаницы [Выборнов и др., 1914: 427-430].

300-летние работы по изучению археологического прошлого Северного Приангарья дали огромный объём материала, относящийся к эпохе палеолита, мезолита, неолита, бронзового, раннего железного веков, средневековья, этнографической современности, позволяющий восстановить страницы заселения и освоения этого обширного и уникального региона, характера культурных процессов, протекающих на его территории и культурных взаимоотношений с населением сопредельных территорий.

Необходимо отметить, что наиболее изученной является только прибрежная территория долины р. Ангары, практически не изучены перспективные территории вглубь от русла реки, не изучены долины крупных притоков (лишь отдельные участки).

Значительное количество выявленных и исследованных археологических памятников подвержены сильному разрушению в результате длительных естественно-природных процессов и техногенных воздействий. Идёт процесс интенсивного промышленно-хозяйственного освоения территорий, планируется продолжение строительства каскада ГЭС

на р. Ангаре. Начался процесс абразии береговой линии Богучанского водохранилища. Всё это требует проведения дальнейших комплексных археологических исследований Северного Приангарья, включая планово-научные исследования, масштабные охранно-спасательные работы, работы по мониторингу береговой зоны Богучанского водохранилища, направленные на сохранение историко-культурного наследия региона как неотъемлемой части всемирного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Аксёнов М.П. и др. Работы Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (1970-1974 гг.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 165-172.
- Буторин В. Г. и др. Исследования на Бирюсе // Палеоэтнология Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. – С. 45-46.
- Богучанская археологическая экспедиция; очерк полевых исследований (2007 – 2012 годы) / А.П. Деревянко и др. Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.
- Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. – Новосибирск: Наука, 1981. – 113 с.
- Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967 – 1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С. – 131-150.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск, Наука. 1988. – 244 с.
- Васильевский Р.С., Березин Д.Ю., Привалихин В.И. Стоянка и могильник Капонир // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – № 3. – С. 32-39.
- Вдовин А.С. и др. Русское географическое общество в Красноярске (1901 – 1937 гг.). – Красноярск: РИО КГУ, 2001. – 120 с.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский север: история и современность: к 50-летию кандидата исторических наук Буланкова Василия Валерьевича: сб. науч. тр. / отв. ред. А.С. Вдовин; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2011. – Вып. 1. – С. 108-113.
- Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСО РГО. – 1889а. – Т. 20, № 1. – С. 1 – 42.
- Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСО РГО. – 1889б. – Т. 20, № 2. – С. 1 – 31.
- Выборнов А.В., Цыбанков А.А., Макулов В.И. Археологическая разведка 2014 года на Ангаре в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 427-430.
- Гревцов Ю.А., Сергейкин А.А. Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири XXXIX РАЭСК. Ч. I. Чита, 1999. – С. 121-122.
- Гревцов Ю.А. и др. Исследование в зоне строительства нефтепровода «Куюмба-Тайшет» на территории Красноярского края...Археологические открытия 2010 - 2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2015. – С. 616-618.
- Дроздов Н.И. Кодиновское погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 229-236.
- Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на средней и нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 204-228.
- Дроздов Н.И., Привалихин В.И. Разведки на Средней Ангаре // АО 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С. 203-204.
- Дроздов Н.И. Северо-Ангарская экспедиция // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 237.
- Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья // Автореф. к.и.н..., Новосибирск: 1981. – 20 с.

Дроздов Н.И. Палеолитическая стоянка Усть-Кова на Ангаре // Тезисы докладов XI Конгресса ИНКВА. – М.: Наука, 1982.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта нижнего течения р. Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск. 1989. – С. 190-193.

Дроздов Н.И. и др. Наскальное искусство Северного Приангарья // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. – Кемерово, 1995. – С. 46-48.

Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Древнее искусство Нижнего Приангарья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 91-96.

Дроздов Н.И. и др. Результаты археологических исследований памятников материальной культуры р. Подкаменной Тунгуски и наскальных рисунков Нижней Ангары // Научный ежегодник КГПУ. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 43-55.

Дроздов Н.И. и др. Результаты исследований памятников древнего наскального искусства в зоне затопления Богучанской ГЭС // Научный ежегодник КГПУ. - Красноярск: РИО Краснояр. гос. пед ун-та, 2002. - Т. 1, вып. 3. - С. 12-24.

Заика А.Л. и др. Результаты археологических исследований на территории Богучанского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО. РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т.6. – С. 555-559.

Заика А.Л. Личины Нижней Ангары: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – 178 с.

Клеопов И.Л. Геологический комитет, 1882-1929 гг.: История геологии в России. М.: Наука, 1964. – 173 с.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. канд.ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Макаров Н.П. Новая неолитическая стоянка Толстый Мыс в Кежемском районе // Археология-1977. Научно-теоретическая конференция. Секция археологии: тезисы докладов. – Иркутск, 1977. – 12-14.

Макаров Н.П., Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Исследования в Кежемском и Тунгусо-Чунском районах // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 251.

Макаров Н.П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // АО 1982года. – М.: Наука, 1984. – С. 215-216.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярское книжн. изд-во, 1989. – С. 131-189.

Макулов В.И. Мурский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1988. – С. 407.

Макулов В.И. и др. Новые петроглифы Нижнего Приангарья (по итогам работ 1999 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО. РАН, декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т.5. – С. 423-426.

Макулов В.И. Работы в Красноярском крае и Эвенкийском АО // Археологические открытия 1999 года. – М., 2001. – С. 258 - 261.

Мандрыка П.В. Археологические изыскания в Большемуртинском, Казачинском, Енисейском и Мотыгинском районах Красноярского края // Археологические открытия 1995 года. – М., 1996. – С.344-346.

Мандрыка П.В. Итоги работ Красноярской Средне-Енисейской археологической экспедиции в 1987-2003 гг. // Енисейская провинция. Вып. 2.- Красноярск: РИО КГПУ, 2006. – С. 159-170.

Медведев Г.И., Дроздов Н.И., Пашинов А.М. Исследование петроглифов на Нижней Ангаре // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 259.

Мещерин М.Н. и др. Стоянка Ельчимо 3 в Северном Приангарье // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памят-

никах археологии Средней Сибири / гл. ред. М.В. Константинов. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. – С. 14-33.

Миллер Г.Ф. История Сибири.- М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. 1. – 630 с.

Окладников А.П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.) // Советская Археология. – 1937. – Т. 4. – С.319-332.

Окладников А.П. 1939 Неолитические находки в низовьях Ангары (К итогам работ 1937 г.) // Вестник древней истории. – М.: 1939. – С.181-186.

Окладников А.П. Неолитические памятники в низовьях р. Ангары (по работам 1937 г.) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – № 6-7. – С. 124-125.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. – 1941. – Вып. 9 – С. 5-14.

Окладников А.П. Археологические исследования 1940-1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен // КСИИМК. – 1946. – Вып. 13. – С. 99-107.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.; Изд-во АН СССР. 1950. – Ч. 3: Глазовское время. – 373 с. – (МИА. – № 43).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.; Изд-во АН СССР. 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.;Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Прошлое Приангарья в свете археологии (в связи с археологическими работами на строительстве Ангарских гидроэлектростанций) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – Ч. 1: Приангарье. – С.7-27.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука. 1976. – 328 с.

Окладников А.П. Новые наскальные рисунки на Дубынинском-Долгом пороге (Ангара) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С. 160-191.

Пашинов А.М., Дроздов Н.И. Новые петроглифы нижнего течения Ангары // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, – 1976. – С. 271.

Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярское книжн. изд-во, 1989. – С. 189-198.

Привалихин В.И. Некоторые итоги исследования памятников раннего железного века Северного Приангарья // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. - Красноярск, 1989. – С. 114-117.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В.И. Сосновый Мыс-2 - новый разновременный могильник Северного Приангарья // Межмузейный научный сборник: Красноярск, 1998. – 72-87.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Исследование неолитических погребений в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС) // Археологические исследования Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: Изд-во Краснояр. краевого краевед. музея, 2013. – С. 42-56.

Радлов В.В. Сибирские древности. – СПб., 1902. – Т.1, вып.1. – 53 с.

Рюмин А.К. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре // Советская археология. – М.-Л., 1951. Т. XV. – С. 273-280.

Тарасов А.Ю. Тасеевский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1988. – С. 610.

Тарасов А.Ю. Культурный комплекс «Мыс Арбан» на р. Тасеева // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX РАЭСК: доклады. Ч. I. – Чита, 1999. – С. 148-150.

Тугаринов А.Я. Предварительный отчет об экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску в 1921 г. // Изв. Краснояр. отд. РГО. – Красноярск, 1924. – Т. 3, Вып. II. – 31 с.

Ходукин Я.Н. Материалы к археологии реки Илима // Изв. ВСОРГО. – 1928. – Т. 53. – С. 115-123.

АНГАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ А.П. ЕРМОЛАЕВА

Н.П. Макаров

Аннотация: В статье публикуются результаты работ экспедиции в Приангарский край сотрудника Красноярского городского музея А.П. Ермолаева в 1911 году. Дается краткое описание маршрута от Красноярска до села Паново на Ангаре. Приводятся наблюдения исследователя о быте русского старожильческого населения Кежемской и Пинчугской волостей Енисейского уезда начала XX века. Описываются основные способы хозяйствования: земледелие и скотоводство, охота и рыболовство. Приведены данные о взаимовлиянии пришлой культуры русского суперэтноса и аборигенного тунгусского населения.

Ключевые слова: Северное Приангарье, этнография, русское старожильческое население, 1911 год.

А.П. Ермолаев (1886-1919), несмотря на свою короткую жизнь, внёс значительный вклад в изучение Приенисейского края, его природы, истории и культуры. Он успел удивительно много, хотя судьбой ему было отпущено всего тридцать три года.

Александр Петрович родился 29 июля 1886 года в селе Канско-Перевозном Енисейской губернии. В девятнадцать лет он вступает в переписку с Красноярским музеем и с 1909 года становится его сотрудником.

Одной из ярких страниц работы исследователя является его Ангарская экспедиция 1911 года. В эти годы он уже активный член Красноярского подотдела Русского географического общества, и ему поручено изучение Приангарского края. Подробные отчёты исследователя – поистине бесценный источник по изучению быта старожильческого населения Ангары, особенно в наши дни, когда водохранилище Богучанской ГЭС затопило большую часть населённых пунктов Северного Приангарья.

Главной задачей поездки А.П. Ермолаева в Приангарский край было систематическое и, по возможности, исчерпывающее коллектирование по этнографии и в области сельскохозяйственной и промысловой деятельности населения региона и попутно других местностей, через которые ему пришлось проезжать. Всё, чего нельзя было взять в оригинале или в моделях, фотографировалось или снималось на план. Из поездки он привозит более 1500 предметов по русской и тунгусской этнографии, промыслам, сельскому хозяйству, археологии, палеонтологии, церковной старины. Работа, ввиду большого количества предметов, велась по заранее составленному плану. Отчёт о поездке хранит немало подробных сведений о быте старожильческого населения Кежемской и Пинчугской волостей Енисейского уезда начала XX века. (Ермолаев, 1911, а, б).

Маршрут экспедиции, организованный А.П. Ермолаевым, первоначально проходил по Красноярско-Канской лесостепи. Здесь были проведены первые сборы археолого-этнографических коллекций.

От деревни Канско-Перевозной дорога пошла на север, и, оставив позади Ону и Бирюсу, А.П. Ермолаев добрался сначала до Карабулы, а затем на Ангару до села Богучаны. Здесь А.П. Ермолаев организовал сборы коллекций по быту Ангары, проведя там почти месяц: с 25 января по 22 февраля. Как отмечал впоследствии в своем отчёте сам Ермолаев, сборы предметов велись по заранее составленному плану. Одежда, пища, охота, рыболовство,

скотоводство и земледелие, рукоделие, постройки, домашние работы и т.д. Благодаря любезности заведующего Богучанской церковью, из неё удалось извлечь порядочное количество разных икон и картин на полотнах. Кроме того, были произведены измерения скота, его фотографирование и сбор семян культурных растений.

Помимо Богучан Ермолаев побывал в деревне Ярки на Ангаре, осмотрел мельницу и зимовье на р. Ильчемо. В итоге в Красноярск из Богучан были отправлены пятнадцать ящиков общим весом свыше пятнадцати пудов.

Далее исследователь выезжает вверх по Ангаре и оказывается в селе Чадобец, где посещает местную церковь. Рядом с селом А.П. Ермолаев осматривает стоянку древнего человека. На песчаных склонах террасы, выдуваемых ветром, им были собраны артефакты разных эпох: скребки, наконечники стрел и копий, черепки горшков.

Далее маршрут проходил по реке Чадобец до деревень Юрокта и Яркиной. Здесь были собраны вещи по русской и тунгусской этнографии. Отмечено, что половина русского населения ходит в тунгусской одежде. Носят: парки, кокольды, шапки, унты, хорьки. Объясняется это тем, что местное население активно торгует с тунгусами. Этнографом М.С. Баташевым в фондах Красноярского краевого краеведческого музея выявлена коллекция, полученная А.П. Ермолаевым от яркинских жителей. В её составе: бисерный ремень от натруски, ножны, игольница, пистонница и мерка, три огнива, тиски ручные и ключ к ним, гребень костяной, трубки мужские, ещё пистонница и пороховница, ещё мерки из кости и рога, серница, бисерная сумочка, натруска с меркой, сумочкой для пуль с отвёрткой, кибас, наколенники, зимние рукавицы, посох для лыж, кумалан, зимняя парка, женские летние унты, оленья узда, заготовка на унты.

Церковь в с. Чадобец, 1911. Фото А.П. Ермолаева. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

А.П. Ермолаев отметил, что в отсутствие земледелия меновая торговля обеспечивает местному населению определённую зажиточность. В обоих деревнях много двухэтажных изб и построек. В его отчёте было отмечено, что отдалённость от Ангары законсервировала русскую культуру, сохраняя здесь её ранние пласты: «... речь здешнего крестьянина значительно выделяется, в ней наиболее ярко выражены особенности говора некоторых пунктов Ангарья (от Богучан до Кежмы по Ангаре и селениях по Муре и Чуне), неторопливость, протягивание последнего слога, часто употребление таких слов как: паря, лони, лабазисто, лебезнина, «кружашь», «огнива» и т.д. И песни поются ещё старинные, хотя частушка не только прививается здесь со стороны, но при случае появляются новые куплеты, что доказывает следующий случай: в Яркиной перед моим проездом кончил самоубийством один политический ссыльный, перед смертью он зарезал свою возлюбленную – крестьянку из д. Яркиной, и теперь здесь поют: колечко золотое лучше оловянного, чем политика любить, лучше окаянного».

28 февраля Ермолаев выехал обратно на Чадобец, откуда направился к деревне Дворец. 3 марта была осмотрена церковь села Кашино-Шиверского, где хранился псалтырь 1712 года из Соловецкого монастыря.

Далее маршрут проходил до р. Кова и вверх по реке до деревень Сизой, Прокопьевой и Костиной. Ранее здесь жила особая тунгусская орда, от которой остались старые юртовщица и лабазы. Отмечена вера среди крестьян, что всякого взявшего что-либо из лабазы непременно настигнет кара.

После возвращения на Усть-Кову А.П. Ермолаев 6 марта выезжает в село Кежемское, куда прибывает утром следующего дня. Исследователь отмечает: «Село большое. Хорошая каменная церковь, училище, волостное правление, почтовое отделение, много лавок, где можно купить почти все, винная лавка. 7, 8, 9 марта собирал коллекции по русской этнографии и тунгусам (главным образом, по одежде, которую покупал у местных купцов-тунгусников) 10. III осматривал церковь и немножко ознакомился с её архивом, отдельные «дела» которого восходят до 1725 года; в результате осмотра архива и всяких тёмных уголков этого старого храма (постр. до 1725 г.) была собрана коллекция различных предметов по церковной старине свыше 30 экз. Следует отметить, что в одном из приделов его почти весь иконостас составлен из резных деревянных икон, в главном храме стоят резные деревянные резные изображения во весь рост: Св. Николая Чудотворца, Распятого Иисуса Христа с предстоящими Богородицей и Иоанном, есть и другие изображения, в частности, св. Николай стоит в облачении, как его обыкновенно рисуют; в годы, когда тунгусы ещё выходили в с. Кежемское, эта икона была ими особенно чтима, как говорят, они приносили в дар св. Николаю шкурки оленей, сохатых, лисиц и др. Впрочем, пожертвования шкурами со стороны тунгусов ещё и теперь привозятся с Катанги, хотя уже не в прежних количествах».

В этом примере проявляется типичная ситуация, когда пришедшая культура русского суперэтноса влияет на культуру аборигенного населения Ангары и сопредельных территорий. Но А.П. Ермолаев смог зафиксировать в своей короткой поездке немало свидетельств обратного процесса тунгусского влияния на культуру русского старожильского населения Приангарья.

Из Кежмы Ермолаев выезжает в село Пановское и деревню Соколову. Исследователю вновь бросилась в глаза зажиточность населения, большая сохранность старины, заметные отличия в постройках, выражающиеся в обилии резьбы по дереву, устройстве крыльца и т.д. При осмотре Пановской церкви и часовенки в шести-восьми верстах от села были собраны несколько резных икон, картины, утварь и другие предметы.

Заметим, что от Панова на север была проложена дорога на Подкаменную Тунгуску. Этим объясняются тесные контакты русского старожильского населения с тунгусами

и взаимовлияние этих культур. Интересно, что среди 423 номеров коллекции повседневного быта крестьян Ангары, переданных в 1911 году А.П. Ермолаевым в фонды Красноярского музея (коллекция Э № 1544), около 60 предметов являются тунгусскими. Причём, коллекция собиралась исключительно в русских селениях и в среде русского населения. Это говорит о том, что предметы тунгусского происхождения имели широкое применение в быту старожильского населения Нижнего Приангарья. Следует также отметить, что после 1895 года тунгусы перестали выходить на Ангару, навсегда покинув бассейн этой реки и уйдя на север, на Подкаменную Тунгуску. Тем не менее, предметы их быта продолжали иметь хождение в русской среде. Наряду с уже отмеченными тунгусскими предметами из Яркино, значительное распространение предметы тунгусского быта, в особенности, одежда, имели в среде кежмарей. В Кежме коллекция была пополнена бисерным поясом, шапкой, арканом, ступкой для табака, трубкой женской медной, наколенниками, летними рукавицами, женскими штанами, женскими унтами, наборным поясом, оленьим седлом из дерева, кумаланом, нагрудником женским, паркой женской и бакарями.

Отдельные тунгусские предметы были скомплектованы в деревне Алёшкиной (ловушка на лису), в Аксёновой (шапка), в Богучанах (ложка, оленьи жилы, серница), в Чадобце (трубки мужские, детская парка, сумка кожаная, кумалан), в Ярках (оленьё седло из кости) и Юрокте (шапка). В деревне Соколово были приобретены нагузники, летние унты, а также парка и нагрудник.

Как видно по приведённому списку, популярностью среди русских пользовались, в основном, вещи, связанные с охотой и рыболовством и, конечно, одежда, прекрасно приспособленная к местным климатическим условиям. По поводу кумаланов (меховые коврики) собиратель отметил, что они являлись предметами торговли тунгусов с русскими крестьянами, «которые их употребляют как коврики на покрывку сундуков».

Некоторые предметы находились в среде русских, видимо, в качестве занятных безделушек или диковинных вещей (Batashev, Makarov, 2018, p. 4-18). Так, в коллекции Э № 1547 находятся форма для литья украшений к тунгусской одежде из деревни Чадобец, наконечник стрелы для лука-самострела из деревни Ярки, шаманская колотушка и аркалан из деревни Селенгиной. Особо примечательным является аркалан – металлическая подвеска, которую крепят на спину, между лопаток, шаманской парки Она выкована с большим

Аркалан. Деталь эвенкийского шаманского костюма. Приобретён в д. Селенгино. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

художественным мастерством. Представляет собой слегка дугообразную пластину, к которой на цепочках разной длины крепятся восемь подвесок. Три из них сделаны в виде оленей, две – в виде лап хищной птицы, одна – в виде месяца, одна представляет собой крюк, на который подвешивается детская колыбель. Последняя подвеска в стилизованном виде показывает зооморфное изображение.

Незаменимым помощником А.П. Ермолаева по сбору материалов в Приангарье стал житель села Кежмы П.Т. Воронов. Ещё ранее он был проводником у этнографа А.А. Макаренко. Позднее он принимал активное участие в последующих экспедициях Красноярского музея на Ангару и Подкаменную Тунгуску. Не случайно А.П. Ермолаев запечатлел его на одном из фотографических снимков.

Завершив обследование населённых пунктов близ сёл Паново и Кежма, 17 марта А.П. Ермолаев начинает обратный путь. Преодолевая распутицу, он проезжает около пятисот вёрст от Кежмы до железнодорожной станции Тайшет. По дороге, близ деревни Савиной, произошла примечательная встреча с группой тунгусов, рассказавших, что к шаману Касьяну из деревни Ярковой на Чуне обращаются исключительно русские.

Отправив со станции Тайшет багаж с коллекциями по железной дороге, А.П. Ермолаев, уже налегке, продолжает свои сборы в окрестностях Канска, Иланска, села Ашкаульского и других пунктах.

19 апреля исследователь возвратился в Красноярск.

Сразу после приезда А.П. Ермолаев отражает свою поездку в Приангарский край в предварительном отчёте объёмом в сорок пять страниц машинописи. Затем он дорабатывает отчёт до солидного труда в сто двадцать пять страниц машинописного текста, сопроводив его двадцатью шестью экспедиционными фотографиями.

Учитывая, что значительная часть территории, исследованной А.П. Ермолаевым в 1911 году, сегодня оказалась на дне Богучанского водохранилища, наблюдения и выводы учёного становятся ценнейшим источником по истории русского старожильческого населения Северного Приангарья. Остаётся пожалеть, что рамки данной статьи, позволяющие отразить лишь малую толику собранных материалов.

Первую часть отчётов А.П. Ермолаева можно обозначить как путевые наблюдения. Вторая часть уже претендует на определённые обобщения и аналитику. Её автор вычленил под названием: «Материалы по изучению быта и хозяйственной деятельности населения Пинчугской и Кежемской волостей Енисейского уезда». Материалы эти начинаются с общей характеристики населённых пунктов Ангары и построек в них: «В зависимости от количества построек, топографии данного места, селения этого края расположены или в одну улицу, что чаще и бывает, или же в несколько, иногда параллельных, иногда сходящихся под углом, больших или маленьких улиц. Последние не всегда бывают прямыми и одинаково широкими, только в таких больших сёлах, как Богучаны и Кежемское, мне пришлось видеть настоящие, прямые и достаточно правильные улицы, в небольших же деревнях и сторонних, по притокам Ангары, поселениях, они кривы, ломаны, коротки и иногда не знаешь, где же идёт улица, до того беспорядочно расположены постройки».

Далее А.П. Ермолаев описывает, как выглядят ангарские деревни. О приближении к населённому пункту можно узнать по торчащим изо льда удам, поставленным на налимов. На берегу – сарайчики для рыболовных снастей и лодки. К реке выходят огороды, бани и дворы. В целях противопожарной безопасности в стороне от деревни построены общественные хлебозапасные магазины и гумна с ригами. При въезде ставился так называемый «царский столб» с доскою, где были написаны название села и количество населения.

Типичная изба Приангарья: двускатная с охлупнями, с крытым крыльцом и сенями. Справа от входа – русская печь, близ которой железная печка для дополнительного

отопления. Налево расположена кровать и висит детская люлька. У переднего угла стоит обеденный стол и небольшой столик для самовара. На божнице стоят иконы с висящей рядом ладанкой. Над столом в стену вбита дощечка, на которой стоит лампа. В кухне находится стол, кадка с водою, а для посуды – либо шкаф, либо настенные полки. Далее расположены полаты как место для спанья.

Общность распланировки отмечена и на примере усадьбы ангарского крестьянина. По одну сторону ворот стоит амбар. Подмечена особенность, что даже маленький амбар делают двухэтажным. В верхнем устроены закрома для хлеба. Здесь же место хранения ценного имущества, сундуки с девичьим приданым, ружья, праздничная сбруя. В нижнем этаже, зачастую, без деревянного пола, посередине – яма погреба, где хранят картофель и овощи, вдоль стен раскладывают и развешивают сбрую, дуги, топоры и другие хозяйственные предметы.

Позади дворов располагались огороды, называемые ангарцами «сады». Вслед за ними вдоль деревни тянулся ряд гумен. Посередине гумна находилась ровная площадка, покрытая льдом для молотбы хлеба цепями. В стороне от дворов, чаще всего, расположены бани и, обязательно, кузницы.

Особое внимание уделялось мельницам, строительство которых осуществлялось в складчину на ручьях и речках. Размол вели по очереди, отводя каждому для этого по одному-два дня. В морозные зимы, когда еле проворачивались пустые жернова, использовали ручные мельницы. Над нижним, неподвижным, жерновом вручную прокручивали верхний деревянный жернов с палкой-ручкой. Для намолота небольшой квашни требовалось нелёгкая работа в течение двух часов.

Особенностью многих деревень была поскотина. Чаще всего в землю попарно вбивались колья, которые в трёх-четырёх местах перевязывались прутьями и уже на них укладывались продольные жерди. В таких местах, как Алёшкино, изобилующих лесом, деревья с сучьями сваливали друг на друга стеной, которую также поддерживали от развала вбитые колья.

Натуральное хозяйство ангарцев было комплексным. Земледелие и скотоводство дополнялись охотой и рыболовством. Пашни располагались в зависимости от местной топографии. Там, где древние берега далеко отстояли от реки или острова Ангары были высокими и незатопляемыми, пашни располагались на них. В тех случаях, когда река сжималась скалами, запашка проходила по хребтам. Это определяло разбросанность пашен, а также сенокосов и выгонов для скота. Порой такие участки находились в двадцати пяти-сорока верстах от деревни. Это определило появление в страдную пору отъезжих заимок. Когда к заимкам прирастали наделы соседей, появлялись временные

П.Т. Воронов с супругой и Р.К. Ходосовцев. 1911. Фото А.П. Ермолаева. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

хозяйственные постройки, а затем и постоянные жилища. Сюда приезжали со скотом, со всем необходимым инвентарём и жили несколькими неделями. В праздничные дни молодёжь устраивает здесь «игрища» – «полянки». Другими словами, в заимках жизнь оживлялась в тёплое время года и замирала зимой.

У ангарского крестьянина земля состояла из трёх категорий: надельных, захватных и так называемых вольных земель. К первой категории относились душевые наделы. К примеру, для деревни Ковинской А.П. Ермолаев обозначает надел 3/8 казённой десятины. Эти земли, хотя и редко, могли перераспределяться. За недостаточностью душевого пая все имели по несколько десятин захватных земель, собственноручно расчищенных от леса. Такие земли поступали в потомственное владение и переделу не подлежали.

Кроме душевого пая и захватных земель, в распоряжении общества были ещё свободные наделы, оставшиеся после казённого передела. Такие вольные или свободные участки были своеобразным запасным фондом. Они могли распределяться новичкам или в дополнение к имеющимся наделам в случае какой-либо нужды.

Самым распространённым орудием для пахоты служит колесуха и соха-рогальюха. В равной мере употребительны бороны с железными зубьями и деревянная борода. Коса – горбуша уступила в сенокосении пальму первенства литовке. Высеваются пшеница, яровая и озимая рожь, овёс, ячмень, конопля, лён, горох и картофель.

Насколько сложным для наших предков было земледелие на Ангаре, говорит информация, собранная А.П. Ермолаевым. Предшествующий его поездке 1910 год, хоть и не везде, но для большинства населённых пунктов Кежемской и Пинчугской волостей был неурожайным. Более того, кое-где (в деревнях Яркино, Кова и некоторых других) были случаи, когда с поля не могли снять и того, что там было посеяно.

Земледелие у ангарцев дополняется скотоводством. Держали коров, лошадей, овец, кур. Свины особым почитанием не пользовались и разводились лишь частью населения. А.П. Ермолаев отмечает выносливость местных лошадей, на которых можно было совершить поездку вёрст в двести за три-четыре дня.

В то же время исследователь подчёркивает, что породистого рогатого скота ему не пришлось наблюдать. Так, средний суточный удой коровы им зафиксирован в 0,1-0,5 ведра.

В зимнее время скот содержится дома, во дворах и хлевах. Родившихся телят, ягнят, поросят первые дни держат в избе. Нередки случаи, когда у бедного населения скот зимует

Крестьянские лошади. С. Кежемское. 1911. Фото А.П. Ермолаева. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

под открытым небом или в простых стайках, покрытых соломой. В конце апреля лошади и коровы, а с середины мая и овцы, переходят на подножный корм. Первое время, пока трава не подросла, выгнанный скот подкармливают сеном и пойлом.

В дополнение к земледелию и скотоводству А.П. Ермолаев отмечает значимость промыслов на Ангаре, которыми занимался каждый двор. Наибольшее значение имело рыболовство. Приоритетной была добыча красной рыбы (осётр, стерлядь, кастер) и налим. Затем идут щука, окунь, сорога и елец, а за ними – все остальные: таймень, ленок, хариуз, подъязок, тугун, сиг, карась, линь, пескарь, ёрш и гальян. Уже тогда население жаловалось,

что рыбы стало меньше. Тем не менее, при опросе жителей выяснилось: «... на переём в 150 уд в шесть высмотров снимали 200 шт. стерлядей, т.е. около 20 пудов, некоторые стерляди доходят до 1 пуда штука, иногда попадают здесь осетры до 5 ½ пуда, только очень редко... Вода «божья», говорят крестьяне, поэтому лов рыбы нигде, никому не возбраняется».

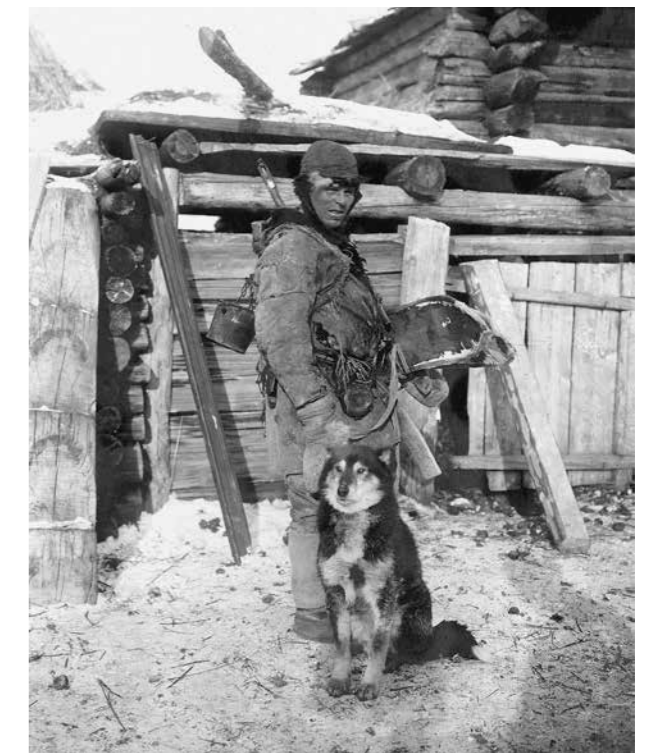
Известный всем ангарцам посол рыбы «с душком» Ермолаев объясняет экономией дорогой соли: «Засолка оставляет желать очень много лучшего, несмотря на то, что хотя бы в первую половину зимы рыбы ещё у всех достаточно, всё-таки хорошей не найти по всей деревне, она испортилась настолько, что свежего человека может стошнить, местные же люди едят и не болеют. Портится рыба так быстро потому, что крестьяне очень скупы на соль, и, чтобы избежать расходов на рассол, они солят рыбу в старый, иногда в двух-трёхлетний, рассол».

Исследователь также отмечает особую роль в рыбном промысле и речном транспорте женского населения: «Вечером, когда крестьяне идут осматривать свои снасти, поставленные в 2-3 в. от деревни, можно видеть, как мужик сидит за рулём, а его жена, быть может, даже беременная, работает вёслами или тащит тяжёлую лодку на бичеве ... Весенняя неводьба, как только очистится Ангара от льда, производится только бабами, мужики в это время живут в съезжих заимках и на полевых работах».

Наряду с земледелием, скотоводством и рыболовством мужское население Ангары занималось охотой. У каждой семьи были свои уголья, участок леса с зимовьём, вокруг которого вели свой промысел. При помощи ружья и различных ловушек добывали белку, сохатого, медведя, оленя, кабаргу, росомаху, лисицу, колонка, зайца, выдру, горноста, рысь. Во время весеннего и осеннего перелётов охотились на птиц. Постоянным помощником в охоте была собака, лучшие из которых ценились дороже лошади. По снегу использовали широкие лыжи, подбитые камусом, а по весеннему насту – лёгкие голицы.

Охотник в одиночку проводил в лесу около месяца. Сам промысловый процесс сопровождался различными суевериями. Каждая ловушка имела своего «хозяина». Зафиксированы ловушки с посвящением как Христу, так и чёрту. На какую ловушку попадёт зверь, тому и похвала. Как пример, приведена история крестьянина, который никак не мог поймать лисицу до тех пор, пока не поставил на лешего. Считалось, что леший тоже занимается промыслом, вынимает зверей из ловушек тех охотников, которые его прогневали.

Добыча распределялась по-разному. Мясо птицы шло на личное потребление. Медвежатина только продавалась. Оленина и мясо сохатого наполовину продавалось, остальное съедалось самими. Пушнина сдавалась скупщикам, давая дополнительный заработок семье.

Охотник-промысловик с собакой. 1911. Фото А.П. Ермолаева. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

Итог своих наблюдений хозяйственной жизни ангарцев А.П. Ермолаев резюмирует в выводе, что охота и рыболовство постепенно теряют своё значение в бюджете крестьянина Приангарья, уступая в пользу расширения запасов.

Значительное внимание А.П. Ермолаев в своей поездке уделил положению ангарской женщины. И сегодня, в XXI веке, добившаяся равноправия женщина, несёт двойную нагрузку. После официальной работы, уже дома, для неё начинается вторая смена, связанная с приготовлением пищи, стиркой, уходом за детьми. Гораздо сложнее женщине было у наших ангарских предков. Уже в раннем детстве проявлялись различия между мальчиком и девочкой. В случае болезни наибольшим уходом пользовался мальчик, хотя девочка уже могла быть реальной помощницей матери. Повзрослевшая девушка, какой бы красавицей она ни была, могла рассчитывать на замужество только с учётом её трудолюбия. Об этом узнавали заранее, и, если не было подходящих претенденток в родной деревне, невесту искали в соседних населённых пунктах. С учётом больших расстояний, разделяющих ангарские селения, невест брали иногда из деревень, отстоящих за вёрст восемьдесят-сто и даже более. В этих случаях жених и невеста чаще всего даже и не видели до свадьбы друг друга. Отношения мужа к жене определялось известной поговоркой на Ангаре: «Люби жену, как душу, и бей её, как шубу». К году молодая жена становилась матерью, продолжая работать, не покладая рук, до самого рождения ребёнка. Нередко роды проходили прямо на поле или при выполнении других работ. Если беременность протекала без осложнений, обычно для родов уходили в баню, стайку или другие холодные и сырые помещения. Сама роженица считалась нечистой. От «сглаза» существовал ряд предупредительных мер. По пути в отдалённую от дома баню ни роженица, ни сопровождающая её спутница ни с кем не разговаривали, не кланялись, стараясь побыстрее добраться до цели своего путешествия. При этом роженица иногда несла в зубах какую-нибудь палочку. Это связано с тем, что роженица считалась нечистой, и её нужно было уберечь от сглаза. Ребёнка до года кормили грудью, а затем переводили его на коровье молоко. Для этого из вымени коровы делали соску. В воспитании с малолетнего возраста ненавязчиво формировались хозяйственные навыки. Игры детей копировали сравнительно сложное хозяйство ангарцев. Мальчики сами изготавливали свои игрушки. Это вырезанные из дерева миниатюрные копии лошадок, лодок, саней, сохи, бороны и другой сельскохозяйственный инвентарь. Кукольная семья девочек состояла из родителей, детей, бытовой обстановки дома. В реальном труде дети начинают участвовать рано. Мальчик проходил школу сельскохозяйственных работ, а в двенадцать-четырнадцать лет учился обращаться с ружьём. Девочки, как не раз видел А.П. Ермолаев, уже в шесть-семь лет пряли на миниатюрной прялке. В эти годы они, как правило, были также и няньками своим младшим братьям и сёстрам.

При всей любви к своим детям, плачущему ребёнку от матери нередко доставались эпитеты: «змея мне вас надавала», «змеилиц бы тебя забрал», «дитятко ты лихорадкино».

Занимаясь с утра до вечера домашним хозяйством и детьми, женщина иногда обращалась за помощью к мужу. В этом случае показательна мужская реакция. А.П. Ермолаев отразил в своём отчёте любопытный случай, когда женщина попросила мужа помочь одеть детей и услышала в ответ: «Ты родила, ты и одевай».

В этом простом примере проявляется негласное превосходство мужчины над женщиной. При этом женщина часто делала и тяжёлую мужскую работу. Жатва, молотба и сенокос в поле, ловля рыбы сетями, неводами, мордами и другими рыболовными орудиями. Тащить бечевой лодку, ходить на шесте и грести против течения – всё это было обычным для женщины. Масса гончарной и берестяной посуды также изготовлена руками женщины.

Если женщина умирала от тяжёлой работы, мужик говорил, что она «потратилась». Этот же термин мужчина употреблял и по отношению к смерти лошади. Отголоском

подобного отношения являются зафиксированные в Приангарье отдельные факты мены жёнами, предоставления интимных женских услуг начальствующим гостям, купцам и другим денежно обеспеченным категориям населения.

Сам А.П. Ермолаев замечает при этом: «Настолько ли это явление было распространено среди населения, чтобы считаться обычаем, я не имею данных для суждения. Но, что такие случаи имели место, это подтверждается многочисленными рассказами и современным положением вопроса...»

Отношение массы населения к описанному явлению выражается в бесконечно длинном ряде циничных пословиц и поговорок, присказок, которых я не решаюсь приводить здесь. Замечу только, что в этих произведениях народной словесности неодобрения нет.

Изолированность края, некоторые чисто местные экономические условия жизни, создали обстановку для сохранения печального явления. Начало же его лежит в историческом прошлом края. А всё вместе взятое, плюс суровая северная природа создали тот комплекс условий, при которых жизнь и деятельность населения, особенно его женской половины, протекает очень тяжело».

Завершая отчёт о своей поездке в Приангарье, А.П. Ермолаев подытоживает его характеристикой промыслов и занятием населения на протяжении года. Этот своеобразный народный календарь отражает весь хозяйственный цикл с декабря по ноябрь.

В зимние месяцы декабря-февраля население Ангары занимается работой домашнего характера. Возят с поля хлеб и занимаются его молотбой. Ловушками добывают зайца, горностая и другого мелкого зверя. В конце февраля уходят на сохатого и белку. Рыбу, главным образом, налимов, добывают удами и мордами, на мормыша ловят удочками окуней. Женщины прядут, ткнут, вяжут, а с февраля ткнут. При этом они сбивают «зимнину» – шерсть после стрижки овец.

В марте заканчивают с молотбой и всеми работами, требующими дальних поездок в лес. Охотятся на токующих глухарей. Женщины белят холсты и чистят избы перед пасхой. Закончившие молотбу устраивают праздник, на который приходят односельчане, внимательно наблюдающие за тем, когда и у кого можно погулять.

В апреле продолжают промысел с собаками на сохатого. Лес заготавливают для дров и строительства. Его не вывозят, нужно, чтобы он отлежался до будущего года. Для надвигающейся посевной начинают подготавливать сельскохозяйственные орудия.

В мае производят посев хлебов и других культур. Идёт охота на перелётных птиц (гусей, уток), промышляют белую рыбу.

В июне рыбная ловля и охота сокращены до минимума. В небольшом количестве мордами ловят ельцов и ставят перемёты на стерлядей. Пашут и боронят пары и полют хлеба. В огородах огребают картофель и капусту. Режут овец и другой домашний скот для собственного употребления в период страды. Выделывают шкуры животных.

Июль – пора активного сенокоса и вторичной прополки в огородах. В лесу собирают ягоды: чернику, кислицу, землянику. Начинается охота на молодую лесную и водоплавающую дичь с собакой и ружьём. На солонцах промышляют сохатого. По «травам» добывают щуку и окуня. С двадцатых чисел начинается ход красной рыбы и её промысел перемётами и самоловами.

В августе завершают сенокос и убирают хлеба. В конце месяца уже пашут под весенний посев и засевают озимые. Копают картофель и созревшие овощи. В лесу производят сбор дикоросов, ягод и грибов: бруснику, смородину, черёмуху, рыжики, грузди, волнушки, белянки. Как приманку, на плашки для белок собирают маслята.

С началом осени, в сентябре, заканчивают работы в поле и огороде. На убранные поля запускают скот. До снега, по чернотропу, вывозят часть хлеба и начинают молотбу. Продолжается охота на всякую птицу. Ловля рыбы производится различными способами.

Икона «Страшный суд». Конец XVIII – начало XIX вв. Выявлена А.П. Ермолаевым в с. Пановское в 1911 году. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

По ночам рыбу «лучат». Окуней, налимов, щук, тайменей добывают животниками. На ельцов в траву ставят сети и по направлению к ним пугают ночную рыбу. В середине сентября начинается побойка – неделя ловли красной рыбы, останавливающейся в глубоких ямах на зимовку. Её особенностью является то, что добыча не идёт в общий передел, а становится собственностью самих рыбаков.

В начале осени женщины продолжают заготавливать впрок бруснику и черёмуху.

С 1 октября – Покрова, мужская половина уходит с собаками в лес для охоты на белку. Используют как ружьё, так и плашки. Попутно идёт промысел на медведя, лисицу, росомаху, колонка. На сохатого копают ловчие ямы. Оставшиеся в деревне старики и подростки ловят зайцев, которые дают мясо и шкуру. На кладях хлеба ставят ловушки на тетеревов и рябчиков. На окрепших заберегах Ангары рыбу начинают добывать глушением. Один из рыбаков идёт впереди. Увидев стоящую под тонким прозрачным льдом рыбу, глушит её ударом колотушки. Другой добытчик тащит нарту с топором, острогой и лучиной для освещения, так как действие происходит ночью. Употребляют также способ добычи рыбы подлёдными удами.

В некоторых семьях бьют домашний рогатый скот, а также овец и свиней, оставляя мясо для собственного потребления, а отчасти продавая его ссыльным.

Сезонная работа женщин связана со стрижкой овец, обработкой кудели и льна, началом прядения.

В ноябре охоту заканчивали промыслом зайца, горностая, лисицы. Из-под льда удами, сетями и мордами добывали белую рыбу. Возили хлеб, сено, дрова. Подготавливали гумна и начинали молотьбу.

Поздней осенью, в ноябре, когда на Ангаре уже устанавливалась настоящая морозная зима, завершался годовой цикл народного календаря русского старожильского населения.

Таким образом, мы видим, насколько плодотворной оказалась Ангарская экспедиция А.П. Ермолаева. Сухие строчки научного отчёта исследователя говорят сами за себя. Практически одиночкой А.П. Ермолаев преодолел около 1800 вёрст, собрав за относительно непродолжительный период, с 8 января по 19 апреля 1911 года, коллекцию из 1634 предметов. Поражает разносторонняя деятельность А.П. Ермолаева. Им было собрано 946 предметов русской этнографии, 62 – тунгусской, 275 – по промышленности и сельскому хозяйству, 64 – доисторической археологии, 3 – палеонтологии, 149 – церковной старины, 125 – негативов. Сегодня эти цифры ещё более значимы, поскольку значительная часть коллекции была собрана в населённых пунктах современного Кежемского района, многие из которых уничтожены в начале XXI века водохранилищем Богучанской ГЭС.

Любопытно, что в 2016 году в Красноярский краевой краеведческий музей вернулась после реставрации в знаменитых мастерских И.Э. Грабаря икона «Страшный суд», выявленная как раз в селе Паново, и ангарцы смогли её увидеть на одной из своих встреч Кежемского землячества. Вряд ли А.П. Ермолаев полагал, что, вывозимая им в начале XX века икона станет для ангарцев столетие спустя своеобразным символом их затопленной и утраченной Малой Родины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Ермолаев А.П. Краткий отчёт о поездке в Приангарский край в январе-апреле 1911 г. // КККМ 7886 ПИ р. 203.

Ермолаев А.П. Отчёт о поездке в Приангарский край // КККМ 7886 ПИ р. 209.

Batashev, Mikhail S.; Makarov, Nicolay P. Culture Genesis of the Peoples of the North of the Yenisei. Interaction of Cultures (on the Basis of the Materials of Krasnoyarsk Regional Local Lore Museum) // Journal of Siberian University. Humanities sozial Sciences 1 (2018.11) 4-18.

УСТНЫЙ АНГАРСКИЙ ТЕКСТ: КОД МАЛОЙ РОДИНЫ

О.В. Фельде

Аннотация: В статье рассматривается проблема лингвокультурологической информативности и этической наполненности устного текста как макроединицы традиционной региональной лингвокультуры; выявляются типы текстов о малой родине в зависимости от доминирующей текстовой функции и особенностей выражения культурноносных смыслов; выявляются базовые понятийные и аксиологические признаки концепта «малая родина». Эмпирическим материалом служат устные рассказы, высказывания коренных ангарцев о своей малой родине.

Ключевые слова: устный текст, традиционная региональная лингвокультура, этнокультурный концепт, малая родина, ценностная доминанта, переживание мира, экспликативный текст, дескриптивный текст, апеллятивный текст, эмотивный текст.

Постановка проблемы

В начале XXI века в недрах антропоцентрического языкознания зародилась новая – металингвистическая парадигма, вектор развития которой направлен на изучение содержательной стороны языка в связи с сознанием, культурой и общественной жизнью человека. Новая научная парадигма, как справедливо отмечают исследователи, позволяет определить, «каким образом субъективный и объективный мир участвуют в создании языковых элементов, и как посредством языка создаётся и действует мир человеческой культуры» [Дасько, 2018], а также способствует решению фундаментальных проблем, связанных «с языковой личностью и выявлением ценностно-смыслового кода её бытия» [Владимирова, 2012]. Важной задачей металингвистической парадигмы является междисциплинарное и трансдисциплинарное исследование национальных и региональных лингвокультур во всём многообразии форм их существования, функций и маркирующих единиц. В настоящее время эта задача решается в рамках новой отрасли отечественного языкознания – психолингвокультурологии. В известном перечне научных работ, посвящённых «ценностно-смысловым кодам» лингвокультур, недостаёт исследований, выполненных на диалектном и региолектном текстовом материале, слабо изучены особенности традиционных региональных лингвокультур. Это обстоятельство усиливает актуальность обращения к данному феномену и его макроединице – устному культурноносному тексту.

Под региональной лингвокультурой мы понимаем целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, детерминированный национальными и этнотерриториальными культурными кодами и субкодами (антропоморфным, теологическим, мифологическим, биоморфным, бытовым, промысловым и др.), а также пространственными координатами, ценностными доминантами и социальным опытом локального сообщества. В этом определении нуждается в пояснении термин «код». Вслед за В.Н. Телией мы трактуем его как «таксономический субстрат» текстов культуры, который «представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в неё природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений»

[Телия, 1999: 20–21]. Лингвокультура (и национальная, и региональная) существует в трёх основных формах: книжно-письменной, мультимедийной и традиционной. Виды лингвокультуры различаются жанрами, формами своего выражения, а также особенностями трансляции от одного поколения к другому. Традиционная лингвокультура выражается и транслируется устными текстами – повествовательными, назидательными, описательными, текстами-рассуждениями, монологическими и диалогическими, диалектными, региолектными, просторечными. Устные тексты фиксируют оценочное отношение говорящего к передаваемой информации, и характер этой оценки во многом обусловлен социокультурным, идеологическим и психологическим факторами. В той или иной степени устные тексты содержат культурно значимую информацию, репрезентируют концепты духовной и материальной культуры, а также этические установки этноса и его субэтнических групп; они являются макроединицей традиционной лингвокультуры.

Смыслы устных текстов значительно шире и глубже их содержания и значения входящих в него лексических единиц. Разделяем точку зрения В.В. Бибикина, отметившего, что смыслы находятся в «неограниченном поле невыраженного горизонта смыслов человеческого мира; полнота смыслов оказывается богаче лингвистической выраженности, более того, смыслы как бы ускользают от оформленности в языке» [Бибихин, 1978: 241]. Существуют разные точки зрения на единицы выражения культурного смысла. Одни отмечают в качестве основных лингвокультурные и культурные концепты [Степанов, 2004]; другие – культурную коннотацию [Телия, 1999]; третьи – культурную сему, культурный фон, культурный концепт и культурные коннотации [Маслова, 2001]. Интересна точка зрения В.В. Воробьёва, который полагает, что единицей культурного смысла является лингвокультурема, которая «аккумулирует в себе собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду». По мнению учёного, в лингвокультуреме диалектически сочетаются лингвистическое и экстралингвистическое, а источниками этой комплексной межуровневой единицы служат культурно-исторические явления [Воробьев, 1997]. Отмечая особенности лингвокультуремы, авторы «Нового словаря методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» подчёркивают, что лингвокультурема «живёт в языке, только пока жив породивший её идеологический контекст» [Азимов, Щукин, 2009]. Иную, ментальную, природу имеет культурный (этнокультурный) концепт, который является важнейшей единицей формирования, фокусирования и отражения культурно значимой информации текста, его культурноносного смысла. Суть данного феномена одним из первых подчеркнул Ю.С. Степанов, отметивший, что «концепт – это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2004: 42]. В ракурсе рассматриваемой проблемы для нас важным представляется и то, что значение культурного концепта является итогом «идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей» [Ковшова, Гудков, 2018: 57].

В рамках исследования выдвигается и доказывается следующая гипотеза: смысловой анализ этнокультурного концепта «малая родина» позволяет охарактеризовать лингвокультурологическую информативность, описать ценностно-смысловой код и этическую наполненность устного ангарского текста как макроединицы традиционной региональной лингвокультуры.

Цель статьи: охарактеризовать этнокультурный концепт «малая родина» как макроединицу лингвокультуры Северного Приангарья и важнейший элемент лингвокультурологической информации устного текста; выявить базовые дескрипторы данного концепта.

*Этноурок для старшеклассников и студентов ведёт О.В. Фельде.
«АНГАРСКИЙ МАРШРУТ» в г. Дивногорске. 21 февраля 2020 года*

Е.А. Колпаков и О.В. Фельде на берегу р. Чадобец, Д. Яркино Кежемский район. 2018

Эмпирическим материалом исследования служат тексты, записанные автором в 2012 – 2018 годы на диктофон от коренных жителей трёх районов Северного Приангарья – Кежемского, Богучанского и Мотыгинского. Эта территория, как много раз уже отмечалось, длительное время была оторвана от культурных центров страны и краевого центра – г. Красноярск, поэтому здесь отчётливо проявляются черты традиционной, патриархальной по своей сути, русской культуры; в живом употреблении функционируют старожильческие сибирские (ангарские) говоры и ангарский региолект.

Методология (материалы и методы)

На этапе сбора эмпирического материала использовались методики направленного фокусированного интервью, когда респондентам заранее сообщалось, что речь пойдёт об их малой родине. Задавались следующие вопросы: что значит для вас малая родина; различаете ли вы понятия «малая» и «большая» родина; каково ваше отношение к малой родине и родине этнической (государству). Было опрошено свыше 50 человек в возрасте от 38 до 85 лет. На исследовательском этапе применялась методика концептуального анализа и элементы лингвокультурологического анализа текста.

Цитируемые в статье тексты размещены в Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья (<http://angara.sfu-kras.ru>), созданном по инициативе и при участии автора статьи.

Обзор научной литературы по проблеме

Феномен культурно значимой информации текста и отдельной единицы языка не раз становился объектом исследования [Зыкова, 2017; Лесохина, 2012 и мн. др.]. Авторы «Словаря лингвокультурологических терминов» понятие культурной информации связывают с «выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе её развития у того или иного народа в ту или иную эпоху» [Ковшова, Гудков, 2018: 55–56]. Безусловно, родная земля, место рождения, именуемая в русской лингвокультуре «малой родиной», относится к общечеловеческой ценности, однако в различных лингвокультурных сообществах этот концепт по-разному осмысливается и «переживается».

Зарубежные исследователи отмечают амбивалентность и «эмоциональную заряженность» понятия «родина». Например, в коллективной статье греческих учёных «The perceptions of “Homeland”: Greek universities students define the term» подчёркивается, что существует два различных восприятия родины: во-первых, она мыслится как конкретное

государство с его границами; во-вторых, воспринимается как продукт общего языка, земли и культуры. Анализируя данные лингвистического эксперимента, проведённого в студенческой среде, учёные пришли к выводу, что в настоящее время родина прежде всего ассоциируется с нацией и государством. Кроме того, понятие «родина» оценочно соотносится с родной землей, с конкретной территорией. Однако отсутствие границ в Евросоюзе, по мнению авторов статьи, делает актуальным ещё одно восприятие родины: как «сообщества народов, вдохновлённых общими идеалами» [Vamvakidou, Paraskevi, Kassidou, Zigouri, 2010: 4546].

В английской лингвокультуре концепт «родина» вербализуется лексемами *homeland*, *mother land*, *native land* и осмысливается преимущественно как «родная страна, из которой прибыла группа переселенцев в Новый Свет». В «Словаре английского языка и культуры» слово *mother land* фиксируется в значениях: 1) страна рождения; родная земля; 2) страна, из которой первоначально прибыла группа поселенцев в другую часть света [Dictionary of English Language and Culture, 2005. P. 117]. В немецкой лингвокультуре концепт «родина» имеет два основных имени – *Heimat* и *Faterland*. Этимологический словарь немецкого языка отражает три концептуальных признака концепта *Heimat*: «место, где человек родился», «страна, где человек родился», «место, где человек ощущает себя дома»: «Ort, Land, wo man geboren, wo man zu Hause ist, Vaterland». Этимологически лексема *die Heimat* восходит к *Heim* в значении «свой угол, домашний очаг, родной дом». До XV века именно слово *das Heim* использовалось в значении «родина» [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, 1993: 525]. Анализируя употребление немецкого термина «*Heimat*», М. Майер отмечает «реакционность» восприятия родины как «воображаемого защитного пространства, защищающего внутреннюю группу от иностранцев и «других», которые, предположительно, способствуют краху порядка» [Mayer, 2018: 45]. Следует отметить, что в западноевропейской и североамериканской гуманитарной науке всё большее распространение получает тезис о космополитизме как высшей форме патриотизма: «*cosmopolitanism, respectful of national identities, appears as a broader vision of patriotism, because it encompasses the human race / космополитизм, уважающий национальную идентичность, предстаёт как более широкое видение патриотизма, поскольку он охватывает весь род человеческого»* [Rebejkow, 2019: 24–42]. Что касается привязанности к месту рождения (малой родине), то считается, что эта особенность выражена преимущественно там, где люди долгосрочно используют природные ресурсы для повседневного выживания. Джесика Грейбилл, например, отметила особенную привязанность к месту рождения, к родной земле, у жителей субарктического острова Сахалин, для которых использование даров природы стало особенно важным после распада Советского Союза. В её статье анализируются эмоциональные рассказы нивхов, эвенков, русских, проживающих на Сахалине, о природе родной земли, о существующей экологической угрозе. Д. Гейбилл вводит понятие «экологической родины» с определённой «эмоциональной топографией, которая может быть нанесена на карту когнитивно, обеспечивая новые концепции эмоциональной, экологической топографии» [Graybill, 2013: 39–50]. Ценностная составляющая понятия родины как конкретной территории, как «природы, окрашенной личной перспективой», по мнению многих зарубежных исследователей значительно ниже ценностной составляющей «родины этнической», то есть государства, в котором проживает тот или этнос. В качестве причин называется и субъективность «личной перспективы», и потенциальная опасность децентрализации страны, и несоответствие привязанности к родине как месту рождения современным реалиям. Так, комментируя высказывание М. Хайдеггера о том, что родина – это то, что есть «рядом с нами», Джулиан Янг отмечает, что «в эпоху реактивных путешествий, телевидения, интернета

и мобильного телефона всё сводится к «равномерному отсутствию расстояния», в котором ничто не является «отдалённым», и поэтому ничто не является «близким», и поэтому ничто не может быть местом обитания» [Young, 2011: 285]. В результате эмоциональное переживание родины в космополитическом, мультикультурном, постнациональном обществе оказывается избыточным. Положительные оценки родины как места рождения и возмужания человека в основном отмечаются в мигрантском дискурсе и объясняются либо ностальгическими воспоминаниями о светлых годах юности, либо политическими причинами [Bridenthal, 2005: 187–218].

Такое осмысление и переживание малой родины представителями западной цивилизации контрастирует с восприятием малой родины большинством представителей славянской и в особенности русской национальной лингвокультуры.

Начало сопоставительным исследованиям концепта «родина» (Patria) было положено в начале 90-х годов прошлого столетия на конференции в польском городе Люблине, посвящённой понятию родины в современных европейских языках [Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich, 1993]. В настоящее время этой проблеме посвящено уже немало работ, выполненных на материале разных языков и культур [Wierzbicka, 1993; Bartmiski, Sandomirskaya, Telija, 1998; Колабинова, 2010; Кучерявых, 2017]. Всеми исследователями отмечается, что в русской картине мира лингвокультурный мегаконцепт «родина» занимает исключительно важное место, его смыслы имеют глубокие архетипические корни, а концептообразующие области сложны и эмоционально окрашены. Любовь к родине, и большой, и малой, является яркой чертой русского национального характера. В известном круге работ, рассматривающих концепт «малая родина» (РОДИНА 1) в русской национальной концептосфере, отметим труды В.Н. Телия [1997, 1999, 2001], В.Г. Воркачева [2008, 2013], А. Вержбицкой [1995, 1995а, 1997], в которых содержатся тонкие наблюдения о смыслах исследуемого концепта и его этической сути.

Далее рассмотрим, какие лингвокультурные смыслы репрезентируют устные ангарские тексты о малой родине и в чём заключается их лингвокультурологическая информативность.

Результаты исследования

Имя концепта «малая родина» в настоящее время относится к достаточно частотным единицам современного русского языка. На запрос «малая родина» в поисковой строке Яндекса нашлось 5 миллионов результатов (121 тысяча показов в месяц, что может свидетельствовать об актуальности понятия малой родины для пользователей РУНЕТА). В Национальном корпусе русского языка данное словосочетание представлено в текстах разных жанров: художественных, публицистических (преимущественно), научно-публицистических. Отмечено также по одному вхождению в устном и мультимедийном подкорпусах, однако это говорит лишь о незаполненности контента этих подкорпусов. Ранний из зафиксированных в НКР примеров обнаруживаем в тексте 1958 года: «Лесной этот край – малая родина; Россия, Союз – большая <...> И всюду он нёс с собою сыновью любовь к родной земле и к малой её частице, согретой живой памятью детства, – надугорской стороне – с её пустошами, лядами, зарослями иван-чая. Там и там – вдруг возникает этот мотив родной земли, как дорогая сердцу, не затихающая в нём песня» [А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1958) // «Знамя», 1989]. По мнению кандидата филологических наук, вологодского писателя В.В. Дементьева, именно А. Твардовский ввёл выражение «малая родина» в широкое употребление и обосновал этическую суть понятия, которое именуется этим словосочетанием. Поэтом был переосмыслен исторический термин «малая родина», который обозначает греческие города-полисы, поддерживающие связи с «большой» родиной – метрополией. В.В. Дементьев пишет: «Автор «Василия Тёркина»

<...> хорошо понимал, интуитивно чувствовал, что «громадьё» великой советской державы должно быть дополнено чем-то близким и родным для каждого человека, что могучую государственность, занимавшую шестую часть земного шара, нужно как-то по-человечески одушевить. Необходимо привнести, как говорил Лев Толстой, «скрытое тепло патриотизма». Такую диалектическую связь малого и большого, частного и общего неожиданно и закономерно выявила и закрепила в народном сознании война. Вечные понятия, взятые в их первородной сути, такие, как «родина», «память», «семья», «любовь», «дом», «возвращение», получили нравственное и психологическое закрепление в душе каждого человека, приобрели очевидный ценностный смысл» [Дементьев, 2008. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/otch/inai/ded/ina/8.htm>].

Большинство контекстов, включающих словосочетание «малая родина», личностно ориентированы («*моя* малая родина») и положительно оценочны. Локусы малой родины различны: это может быть республика в составе большой страны, область, город, небольшая деревня, «красивейшие места на реке Хопёр», Васильевский остров в Санкт-Петербурге и даже «район улицы Куйбышева»: «У каждого человека есть своя малая родина: у кого-то – деревенька, маячащая за дальним косогором, у кого-то – маленький городок «с гудками над крышами, с гудками чуть слышными». А я люблю большой город-миллионник, по праву считающийся столицей Центральной Черноземья, – мой родной Воронеж. Всё лучшее связано с ним: детство, юность, первая любовь...» [Елсуков Владислав. МАЛАЯ РОДИНА – БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ // Труд-7, 2000.11.24].

Анализ современных письменных текстов о малой родине показал дискурсивную вариативность данного концепта. Оценочные смыслы «малой родины» в российском либерально-демократическом и патриотическом дискурсах диаметрально противоположны. Сравним «коды родины» Дмитрия Быкова и Валентина Распутина: «*Гипноз страшного слова «родина» пора бы уже, кажется, развеять. Человек не выбирает место рождения и ничем не отвечает за него. Но место рождения – не более, чем область трогательных воспоминаний*». (Цит. по: [Тимофеева, 2019. – URL: <https://snob.ru/news/176043/>]); «*Любовь к Родине – то же, что и чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. <...>. Для меня Родина – это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию...»* [Распутин В.Г. Всю жизнь я писал любовь к России. – URL: <http://irkutsk.bezformata.com/listnews/zhizn-ya-pisal-lyubov-k-rossii/3377493/>]; «*Малая Родина, родной край даёт человеку гораздо больше, чем он в состоянии осознать. Первые и самые прочные представления о добре и зле, красоте и уродстве берут начало здесь, и всю жизнь затем соотносятся с изначальными образами и понятиями*» [Распутин В.Г. Избранные произведения: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 61.]. Сравнение позиций не только демонстрирует оценочную вариативность концепта *родина*, но и то, что сущность и малой, и большой родины в русской национальной лингвокультуре – этическая. Границы родины человек определяет, исходя из своих идеологических установок, «цивилизационной» ориентации (на Восток или Запад), а также культурно обусловленных представлений о родном и чужом.

Лингвокультурологический анализ устных ангарских текстов о малой родине показал, что этот концепт не столько познаётся, сколько эмоционально переживается. В текстах о малой родине отражены три модуса переживания мира – эмоционально-чувственное, душевное и эстетическое. Как справедливо отмечает И.В. Зыкова, «переживание мира – это один из способов постижения человеком реальности, а также некий способ отражения в процессе познания действительности определенного психического состояния человека», выступающее как «событие» его собственной жизни [Зыкова, 2017: 259].

По своим коммуникативным особенностям и доминантным текстовым функциям устные ангарские тексты о малой родине подразделяются на экспликативные, дескриптивные, апеллятивные и смешанные (последних большинство).

В экспликативных текстах говорящий поясняет смысл словосочетания «малая родина», выражает своё мнение о том, что такое «малая родина»: *«Вот, спрашивают: «Чё, вот, где родина, где у тебя родина? Чё ты сюда приехал?». А тот отвечает: «Там, где пупок обрезали, там и родина». Это, по-моему, очень точное»* (Мт.: Мотыгино, 2017). В приведённом тексте эксплицитно выражен основной дескриптивный признак концепта *малая родина* – «место рождения». В экспликативных текстах вербализуется также дескриптивный такой признак концепта *малая родина*, как «пространство своих»: *«А вообще вот чё такое мала родина, как вот объяснить? Ну, мала родина. Как мы щас в Недокуре живём. Вот и всё. [– Вы здесь родились? – Собир.]. Нет, в Заимке. Километров сто будет отсель. [– А Заимка тоже малая родина? – Собир.]. – Заимка – это родна деревня. Родна деревня, да, была. Родилася там. Это всё ГЭС наделал делов. Просто ни к чаму её затопили. А здесь мы тоже ангарцы, здесь мала родина наша щас»* (Кеж.: Недокура, 2018).

В дескриптивных текстах описывается привлекательный образ малой родины, воспринимаемый органами чувств и ощущаемый как высшая эстетическая и одновременно духовная ценность. Доминанту эстетического переживания родины составляет чувство красоты окружающего мира, чувство прекрасного. Эстетическое отношение к природе родной земли составляет область национально специфического в ценностной картине мира ангарцев. В дескриптивных текстах используются перцептивные глаголы, колорастическая лексика, употребляются оценочные метафоры и сравнения: *«Я не могу это объяснить... я не могла насмотреться на реку, на небо, на всё. Этой голубизны неба я всё равно нигде не увижу. Вот оно голубое, но оно не такое, даже синева не такая... А запах, запах... вот едешь на реке, этот запах-то... налетит ветерок с острова – аж медовым пахнет-то откуда-то с реки. Река тоже... вода пахнет по-своему, как будто сырость такой, какой-то свежестью пахнет... И вот едешь, оно перемежается-то оттуда-то это, вот запах. Это, не знаю, я не знаю, как это описать, как сказать это, это чувствовать нужно»*. (Кеж.: Кодинск, 2013). Именно дескриптивные тексты являются наиболее информативными для исследования образного и аксиологического слоёв концепта «малая родина».

В устных ангарских текстах нами выявлены две базовых метафоры малой родины – родины как родного дома и как земного рая. *«Такой деревни вы не увидите нигде боле, потому что здесь можно жить, вообще ничё не делая. Это рай на земле. Это можно чуть-чуть шевелиться и у тебя будет всё! Понимаете? Я зачастую говорю: да, эдак мы не жили. И эдак, как щас, деревня живёт, не жила никогда вообще со времён её основания, так? Ничё можно не делать, когда хочешь можно вставать, куда хочешь можешь идти, чё хочешь можешь говорить, сколь хочешь можешь спать, куда хочешь можешь съехать – короче, всё, что твоя душоночка желат, всё тебе! Благодать! У всех, вы видите проходите: тут машина, там машина, там трактор, тут трактор – все на кнопках уже живём. Все!»*. (Кеж.:Яркино, 2018). Этот текст свидетельствует о наличии в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья эмотивных и когнитивных эталонов, сформированных христианскими представлениями о мире земном и небесном.

В апеллятивных ангарских текстах о малой родине имеются высказывания, побуждающие собеседника к каким-либо действиям. Как правило, это призывы защищать и беречь родину, делать её сильнее, привлекательнее. В таких текстах ярко проявляется делиберативная речевая стратегия, когда рассказчик размышляет вслух, делится своими соображениями о соотношении понятий «государство» и «родина», «родина»

Интервью О.В. Фельде с И.Н. Рукосуевой, главой Ярkinского сельсовета. Видеосъёмка: В.Б. Вараксина. Д. Ярkiно Кежемский район. 25 января 2020 года

Вид на д. Ярkiно. Кежемский район. 2020

и «власть». В таких текстах нередко акцентируются социокультурные смыслы: *«Малая родина есть малая родина, каждому ведь она мила, а вот жители, они разные. Одни хапают, хапают, хапают и остаётся всё. Вот они, дома есть, где всё украшено, всё сделано, а человека нету. <...>. Мы думаем, что мы всесильные и будем долго жить. Нет, не будем, если мы так к себе относимся. Родина – это моё село родное. И его надо беречь, доглядывать за порядком. Беречь всё должны, потому что мы должны сделать так, чтобы нашей родиной гордились, только гордились. Только говорили: «Вот, посмотрите, как они работают, как живут». Вот так вот»* (Бг.: Манзя, 2017). Анализ устных ангарских текстов о малой родине подтверждает наблюдение В.Н. Телии, что концепт родина¹ (малая родина) «является как бы персональным остовом для всех остальных наименований концепта «patria», если речь идёт о личностной сфере субъекта. В этих случаях «малая родина» (родина¹) сопresentствует в «большой родине» как часть структуры знаний, присущих в скрытом виде остальным наименованиям» [Телия, 1997: 77–79]. Во многих суждениях ангарцев о малой родине слабо дифференцируются понятия «малая» и «большая» родина. [– Вы различаете понятия малая и большая родина? – Собир.]. – Ну, я как-то на этот вопрос особо не задумывался. Но для меня Яркино – это всё, что есть на Земле. И родина, и государство. Для меня нету разницы. Родина – она родина, её любить, её надо ценить, её надо уважать. Библия не учит, что ты наплюй на всё. Нет. Библия учит всё правильно: почитай и родителей, и начальство, и слушайся начальствующих всех, и не преступай слово Божье. Так? Слушаться надо постоянно. Вот и всё. Вот тебе и будущность. А я лично про себя ешио раз добавлю: я не переживаю ни о чём, и не боюсь ничего, и не переживаю ни о чём, потому что я живу с Богом. Вот и всё. А если я с самим Богом, значит, а кого бояться?» (Кеж.: Яркино, 2018). В приведённом тексте эксплицирован важный концептуальный признак: малая родина как центр мироздания, исходная точка нравственного осмысления мира.

Родина воспринимается как родная земля своего народа, нуждающаяся в защите. Эта установка формировалась у сибиряков под воздействием особого сочетания природной среды, истории и культуры социума, сложившегося в XVII–XVIII веках, когда защита всей русской земли, материнской территории для сибирских новопоселенцев была особенно актуальной. Представления о себе как защитниках и спасителях Отечества и поныне определяют ментальность коренного русского населения Сибири: *«Я вот тоже часто задаю себе вопрос, если война.... Победим мы сейчас? ... Хоть говорят, раньше Сталин там столько людей уничтожил, но люди шли в бой, даже зэки с зоны шли, воры в законе шли, хотя они могли сидеть в зоне и ничего не делать, воры в законе, но они шли за свою родину, как говорится, есть родина – земля родная. Её надо отстаивать, эту землю. Мама – земля. Вот они из-за этого и шли. Даже обиженные крестьяне раскулаченные. Да. Как говорится, кроме власти советской есть земля родная. Вот так вот. Не, ну, но у нас ведь героев много и было, и есть, и будет много героев в России. Но, хоть говорят, вот деревенские ребята, но я знаю: наши все пойдут. Я вот так, я уверен. И я как бы сына своего всегда настраиваю, что земля родная есть – за неё надо воевать. Придётся – пойдёшь! Я даже, вот я вам не вру, даже погибнуть за неё готов. Вот я вам честно, руку на сердце ложу, так я говорил сыну, которому щас вот 9 лет, я ему лично сам говорил: «Умри, но не опозорь».* (Кеж.: Яркино, 2018). Архетипические представления о земле-матери, родине-матери, унаследованные ангарцами от предков, передают ощущение сыновней зависимости от родины и сыновней же ответственности за неё. Это важная черта сибирского характера, который уже становился предметом исследования красноярских учёных [Сибирский характер как ценность, 2007].

Все процитированные нами тексты отличаются высокой степенью эмотивности, то есть они сочетают в себе функции эмоционального самовыражения говорящего, положительной оценки малой родины и эмоционального воздействия на слушателя. «Переживание» родины представителем традиционной лингвокультуры Северного Приангарья эксплицируется различными средствами: лексическими (эмотивами, коннотативами, аффективами); единицами образного строя диалектной и народно-поэтической речи; восклицаниями, риторическими вопросами и другими фигурами экспрессивного синтаксиса, а также эмотемами текста. Эмоциональное отношение к малой родине соотносится с эмоцией восхищения. *«Таких, как Яркино, на планете одна. Таких Яркин боле нету. Ну и живите все хорошо, и мы будем хорошо жить, кто мешат. Бог-от всем дал – не однем. Мы живём, но и мы бережём сами, себе добывам. Много не добывам, никому не продаём – сами для себя. А то, ну, сделали электростанцию. Три Чубайса будут жить прекрасно, а вы как хотите. Сколь людей выселили! Сейчас бы меня отсель выселили, всё: я готов – умер. У барсука гнездо тепло, уютно, но орел в ём жить не будет, хоть кого ты ему делай. Орлу надо летать! И нам, так же нам. Почему эти гэсы? Почему цивилизация?»* (Кеж.: Яркино, 2012). В исследуемых текстах выражаются чувства любви, восторга, гордости, которые говорящие испытывают по отношению к своей малой родине. Используется лексика, обозначающая эмоции и эмоциональные состояния: *«Мать-Россия есть и есть моё Паново. Для меня одинаково, да. Паново – центр. Я всегда гордился и называл, кто приезжал, я говорил: «Это наш Пановоград». Я гордился, Пановоград я называл всегда»* (Кеж.: Кодинск, 2018); *«Ну, власть – это ещё не Родина. Родина – то место, где ты родился. Меня тянет домой. Мне охота приехать, я люблю это место. Вот оно, тут всё это родное. Я приезжаю домой, я знаю, куда сходить за грибами, я знаю, где отдохнуть душой и прочее. Ну вот, она, родина. Что ещё надо?! А власти – это совершенно другое. Я говорю, что родина – это ещё не власть. Ну, и государство, да, Родина. Ну, нас, да, нас обижают, нам где-то не дают, нас где-то это... приходится хлопотать, ходить. Ну, это всё быт, жизнь. А я приезжаю домой, мне там хорошо, я вышла на угор – ой, вздохнула: да, как хорошо! Сходила я, покупалась, мне уже легче – всё! И я ДОМА! Это РОДИНА, это вот, это мой дом».* (Бг.: Таёжный, 2017);

«[– Вы считаете себя патриотом? – Собир.]. – А что это за слово такое, патриот? Я не знаю такое слово. [Человек, который любит свою родину. – Собир.] – Как я не буду любить родину? Я тут родилась и выросла тут. Для меня это, что всё СЧАСТЬЕ – ЗЕМЛЯ ЭТА! Как я не буду любить её?! [А что для вас Родина – вся Россия или только Ваше село, Ангара? – Собир.]. – Ну, мне, допустим, только вот тут, Ангара эта, только здесь. [– Не вся Россия? – Собир.]. – Ну, я там не бывала сроду, не знаю, чё там творится, как там бывает». (Бг.: Богучаны, 2017).

Все процитированные выше тексты содержат эмотемы, которые можно сгруппировать по их основным типам: а) эмотемы, основанные на знании прецедентных феноменов (например, текст о Яркино, который рассказчик характеризует как рай на земле); б) эмотемы, основанные на передаче особого эмоционального состояния рассказчика, размышляющего о своей малой родине.

Заключение

Устные тексты о малой родине обладают высокой степенью лингвокультурологической информативности, так как они отражают ценностную картину мира и эксплицируют образы сознания, свойственные менталитету русских старожилов Сибири. Выявлено, что устные тексты о малой родине отражают и транслируют ценностно-смысловой код

лингвокультурного сообщества сибиряков-ангарцев. Ангарцы демонстрируют, выражаясь словами философа И.А. Ильина, «инстинктивную прилепленность к родному». В их текстах о малой родине отражены три модуса переживания мира – эмоционально-чувственное, душевное и эстетическое. Установлено, что в данных текстах отражается только положительная оценка малой родины, которая мыслится и переживается как органичная часть большого географического и лингвокультурного пространства «своих», именуемого большой родиной, Отечеством. «Малая родина» как место рождения, как родная земля является важнейшей единицей концептосферы традиционной лингвокультуры. Данный концепт имеет экзистенциальное значение не только для отдельного человека, но и для всего лингвокультурного сообщества сибиряков-ангарцев; он аккумулирует в себе внеязыковую культурную среду, формирует солидарное чувство патриотизма. Учитывая важность концепта «малая родина» для понимания ментальности сибиряков и характеристики национальной лингвокультуры, представляется перспективным привлечение для сопоставительного анализа региональных книжно-письменных и поликодовых мультимедийных текстов, в которых он эксплицируется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Бибахин В.В. К онтологическому статусу языкового значения // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 231–243.
3. Владимирова Т.Е. Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. № 4 (6). С. 26 – 37.
4. Воркачѳв С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2008. 199 с.
5. Воркачѳв С.Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013. 151 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Изд-во Росс.ун-та Дружбы народов, 1997. 331 с.
7. Дасько А. А. Металингвистический вектор изменения научной парадигмы изучения языка // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 – 27 окт. 2017 г.: в 2 ч. Ч. 2 / БГУ, ФСК; отв.ред. О. И. Уланович. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 55–60.
8. Дементьев В.В. Свет малой родины. Отчина и дедина. М.: Вече, 2008. 528 с.
9. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
10. Колабинова Т.И. Специфика репрезентации концептов РОДИНА, PATRIA, NATIVE LAND в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 Казань, 2010. 22 с.
11. Кучерявых В.С. Способы языковой объективации концепта РОДИНА в современном политическом дискурсе Испании и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2017. 22 с.
12. Лесохина А.М. Формирование у студентов языковых вузов умений извлекать лингвокультурологическую информацию в процессе чтения иноязычных текстов разных жанров: на материале испанского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2012. 26 с.
13. Маслова В.И. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
14. Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2011. № 1 (218). С. 95–98.
15. Распутин В.Г. Всю жизнь я писал любовь к России. – URL: <http://irkutsk.bezformata.com/listnews/zhizn-ya-pisal-lyubov-k-rossii/3377493/>
16. Распутин В.Г. Избранные произведения: В 2 т. М., 1984. Т. 1.
17. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.

18. Сибирский характер как ценность: кол. монография / под общей ред. М.И.Шиловой; Краснояр. гос. пед. Ун-т им. В.П.Астафьева. Вып.2. Красноярск, 2007. 296 с.
19. Телия В. Н. Наименование РОДИНА1 как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследования. М.: ИЯ РАН, 1997. С. 77–79.
20. Телия В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте РОДИНА // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М.Толстой. М.: Индрик, 1999а. С. 466–476.
21. Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 409–418.
22. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.
23. Тимофеева Екатерина. Дмитрий Быков написал колонку, в которой призвал развеять «гипноз страшного слова «родина» в России // Сноб. 23 апреля 2019 г. – URL: <https://snob.ru/news/176043/>
24. Фельде О.В. Лингвокультурологическая информативность устного ангарского текста: код малой родины // Вестник КГПУ им. В.П.Астафьева. 2019. № 4 (50). С. 160 – 187.
25. Bartminski J., Sandomirskaya I., Telija V. Ojczyzna v polskim i rosyjskim jezykowym obrazie swiata // Z polskich studiow slawistycznych. Seria IX, Językoznawstwo. Warszawa, 1998. P. 21–29.
25. Bridenthal Renate. Germans from Russia: The Political Network of a Double Diaspora // In the Heimat Abroad: The Boundaries of Germanness / ed. Krista O'Donnel, Renate Bridenthal, and Nancy Reagan. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2005. P. 187–218.
26. Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2005. 1621 p.
27. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / erarb. im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Autoren: Wilhelm Braun (zeitweilig) ... Berlin: Akad. Verl., 1993.
28. Graybill Jessica K. Mapping an emotional topography of an ecological homeland: The case of Sakhalin Island, Russia // Emotion, Space and Society. Volume 8. August 2013. P. 39–50.
29. Mayer M. Heimat in a multicultural society. Reflections inspired by Ernst Bloch | [Heimat in der multikulturellen Gesellschaft: Oberlegungen im Anschluss an Ernst Bloch] // Argument. 2018. 60 (1). S. 45–53.
30. Rebejkow J.-C. Patriotism and cosmopolitanism in Diderot's work // University of Toronto Quarterly. Volume 88, Issue 1, December 2019. Pages 24–42.
31. Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich / praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. 318 p.
32. Vamvakidou Ifigenia, Golia Paraskevi, Kassidou Stella, Zigouri Elena. The perceptions of “Homelald”: Greek univtrsites students define the term Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2010. Volume 2, Issue 2, Pages 4546-4550. doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.03.728Get
33. Wierzbicka A. Dictionaries and ideologies: Three examples from Eastern Europe // В. Kachru, Н. Kahane (eds). Cultures, ideologies, and the dictionary: Studies in honor of Ladislav Zgusta. Tuebingen: Niemeyer, 1995. P. 181–195.
34. Wierzbicka A. Lexicon as a Key to History, Culture and Society: ‘Homeland’ and ‘Fatherland’ in German, Polish, and Russian // Current Approaches to the Lexicon: A Selection of Papers Presented at the 18th LAUD Symposium, Duisburg, March 1993. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1995а. P. 103–155.
35. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. N. Y. Oxford: Oxford University Press, 1997. 331 p.
36. Young Julian. Heidegger's Heimat // International Journal of Philosophical Studies/ 2011. Vol. 19(2), Pages 285–293. DOI: 10.1080/09672559.2011.560478.

Републикация: См.: ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В.П. АСТАФЬЕВА. 2019. № 4 (50). С. 188-201.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СИБИРЯКИ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Е.С. Смирнов

Одной из новых научных дисциплин отечественной лингвистики является психолингвокультурология, в задачи которой входит «...изучать ряд новых объектов <...> лингвокультуру и человека говорящего (Homo Loquens) во всей совокупности его проявлений» [Красных, Бубнова, 2015: 169]. В последние годы в психолингвокультурологии и смежных науках наметилась тенденция анализа особенностей региональных лингвокультур. О.В. Орлова связывает это с гносеологическим переходом «от выявления экзотических “непохожестей” собственной культуры на другие, к глубинному осмыслению вариантов и форм существования единого русскоязычного культурного универсума» [Орлова, 2015: 16]. Под региональной лингвокультурой, вслед за О.В. Фельде, мы понимаем «целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, детерминированный национальными культурными кодами и субкодами (антропоморфным, биоморфным, теологическим, мифологическим, бытовым, промысловым и др.), а также пространственными координатами, ценностными доминантами и социальным опытом локального сообщества» [Felde, 2019: 58]. Региональная лингвокультура проявляется в разных формах. В настоящем исследовании мы рассматриваем традиционную (старожильческую) ангарскую лингвокультуру сквозь призму концептосферы, а именно сквозь призму концептуального анализа структуры и содержания лингвокультурного концепта «сибиряки», что является ключевой задачей работы.

Выступление Е.С. Смирнова. «АНГАРСКИЙ МАРШРУТ» в г. Дивногорске. 13 ноября 2019 года

Как отмечают исследователи, основной единицей лингвокультуры, в том числе и региональной, является лингвокультурный концепт [Бутенко, 2008: 323–324; Карасик, Слышкин, 2001: 75–78], под которым следует понимать многомерный лингвоментальный феномен, состоящий из понятийного (фактуального), образного и ценностного (аксиологического) слоёв [Карасик, 2002: 91].

Лингвокультурный концепт «сибиряки» наряду с концептами «ангарцы» и «деревенские» под влиянием пространственного культурного кода, который позволяет

структурировать окружающий мир и расположенные в нём субъекты и объекты с позиции их локализации, входит в ядро мегаконцепта «свои» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья.

Источниками данного исследования являются:

1) устные тексты старожил Северного Приангарья (Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края) о «сибиряках», представленные в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья» [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

2) материалы, полученные в результате лингвистического эксперимента (методики дописывания фразы), в рамках которой информантам предлагалось закончить предложение: «Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают следующие картины и образы...»;

3) данные, полученные в результате метода свободного ассоциативного эксперимента, в рамках которого информанты должны были привести слова-реакции на слово-стимул «сибиряки».

Именем исследуемого лингвокультурного концепта является слово сибиряк. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово сибиряк имеет значение: «житель, уроженец Сибири» [Даль, Т.11, с. 74]. В современных толковых словарях русского языка данная лексема имеет сходное значение: «житель или уроженец Сибири» [Толковый словарь русского языка, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>; Ожегов, 2006, с. 703].

Анализ приведённых дефиниций слова сибиряк позволяет выделить два понятийных признака в содержании исследуемого лингвокультурного концепта:

- 1) родившиеся в Сибири;
- 2) проживающие в Сибири.

Анализ устных текстов о «сибиряках» показал, что в содержании исследуемого концепта можно выделить пять базовых концептуальных признаков:

а) потомки поморов, переселившиеся в Сибирь в конце XVI – первой половине XVIII веков: Сибиряки – это русские старожилы, это люди, это поморы, которые осваивали новые земли, новые земли, чтобы жить, чтобы передавать своим детям, внукам то, что они делали, то, что они создавали (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 году) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

б) люди, проживающие на востоке страны за Уралом: Я думаю, что сибиряки – это другие люди, которые живут с той стороны Урала (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) в 2019 году) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

в) люди, проживающие в Красноярском крае и Иркутской области:

[– Где проживают сибиряки? В каких границах? – Собир.]

– Красноярский край, Иркутская область, где-нибудь вот эти (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 году) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

г) люди, родившиеся и прожившие всю жизнь в Приангарье: Которые всю жизнь прожили на Ангаре, всю жизнь. Родились и там жили (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

д) устойчивая общность людей, образовавшаяся в результате формирования общности их территории, экономических и культурных связей: Во-первых, сибиряки – это нация. Вот как ни крути, а сибиряки – это нация. Вот я приведу вам один маленький пример. У меня был один знакомый, крымский татарин, который прошёл всё: Крым, работал в Крыму, работал в Москве, и вдруг он познакомился с сибирячкой. Приехал сюда, здесь жил. И он сказал мне, уезжая обратно в Крым, потому что жене дали, когда Крым стал нашим, она тренер по гимнастике, её по распределению туда, и он поехал. Он не хотел

отсюда уезжать. Он говорил: «Николай (а мы с ним одного года), гордись, что ты, – говорит, – сибиряк. Что в Крыму, – говорит, – что в Москве, люди уже... там уже загнивает всё. А здесь, здесь, – говорит, – самые настоящие люди». И говорит: «Сын у меня родился здесь. И он у меня щас сибиряк».

Мы с ним созваниваемся оттуда, он живёт в Севастополе. Вот будет там празднование Дня Победы, приглашает. У меня в честь освобождения Севастополя песня есть написанная. Он обалдел, когда я пропел ему.

Так что я считаю, что человек со стороны – ему виднее, что вот так, в самом деле, нация. А ведь в Сибири, когда наши предки жили, мой дед всегда говорил: «У них, паря, там в Россее, круговня идёт. У нас-то тут в Сибири всё нормально, тихо и спокойно». Всё, вся муть, мол, оттудова (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 году) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>].

Как показал анализ устных текстов о «сибиряках», наличие образного слоя в лингвокультурном концепте определяется типом дискурса: в устном диалектном дискурсе не содержатся образные признаки, но они представлены в письменном дискурсе. Такие данные были получены в результате проведения лингвистического эксперимента. Анализ полученных материалов показал, что испытуемые описали в основном внешность сибиряков: В холодные зимы ходят в тёплых одеждах: тулупах, валенках, ушанках; Сибиряки – народ, который заботится о покупке тёплой одежды на зиму, т.к. холода – это нередкое в нашем регионе явление. Жители Сибири много средств тратят на то, чтобы хорошо утеплиться; Когда я думаю об образе сибиряка, я всегда представляю перед собой плотного телосложения человека, одетого в ватную куртку и валенки, всегда с красными, как рябина, щеками; Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают следующие картины и образы: передо мной стоит мужчина ростом примерно 1 метр и 70 сантиметров в тёплой шубе, шапке и валенках. У него густая борода и накаченное тело. По его выражению лица видно, что он замёрз и устал от работы. Рядом с ним стоит женщина более низкого роста, также в шубе и валенках, но без шапки, в капюшоне. Рядом бегают двое детей и играют в снежки с медведем; Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают картины и образы могучих мужчин и женщин, которые выходят в 40-градусный мороз из своих изб в пуховиках и отправляются в лес за дровами; Типичный сибиряк – это бородатый мужик с топором верхом на медведе; Женщины-сибирячки, в первую очередь, у меня ассоциируются со старушкой лет 70-ти: не слишком старой, живой, словно она в расцвете своих сил и представляет себя молодой.

Приведённые примеры позволяют сделать вывод, что наиболее часто при создании перцептивных образов испытуемые указывали на то, как одеваются сибиряки. Автостереотипные представления сибиряков опираются на элементы национального обыденного и отчасти на элементы мифологического сознания.

Стоит отметить, что при описании сибиряков, респонденты используют различные образные средства языка, такие как:

1) метафоры: Сибиряки – это сердце России; Сибиряки – соль Земли; Сибирская душа заснежена и необъятна, а люди с этой душой просты и неспешны;

2) сравнительные обороты: Это сильные мужчины, с телосложением, подобным спортсменам-атлетам; Они немногословны, возможно даже угрюмы. Настоящие сибиряки огромные, сильные и монументальные. Их силу и габариты можно сравнить с медвежьими.

Приведённые метафоры и сравнения повторяют газетно-публицистические штампы, в которых сибиряки представлены как люди, на которых держится Россия, как настоящие и простые люди с необъятной душой.

В ценностном слое лингвокультурного концепта «сибиряки» преобладает зона положительной оценки, представленная такими типами оценок, как этическая, нормативная

*Павел Михайлович и Антонида Тимофеевна Казаковы проверяют морды.
Д. Мозговая Кежемский район. 1960-е*

и эстетическая. Данные типы нами выявлены с опорой на классификацию Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988: 198]. В устных текстах о «сибиряках» перечисленные оценки эксплицированы оценочными прилагательными:

1) этическая оценка: Приехала на Ангару когда, ну, женщины здесь, люди... сибиряки хорошие, понравились мне, гостеприимные, чистоплотные, добрые, всё (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

2) нормативная оценка: Сибиряки трудолюбивые (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>];

3) эстетическая оценка: Сибиряк крепкого сложения должен быть в общем-то (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>].

Встречаются контексты, в которых информанты дают сразу несколько положительных оценок, как, например, в этом фрагменте интервью:

[– Как вы себе представляете сибиряка? – Собир.]

– Сильного, смелого, здорового, весёлого, добродушного (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>]. В данном случае коренной ангарец оценивает и этические качества сибиряка (добродушный, весёлый, смелый), и даёт его нормативную характеристику (сильный, здоровый).

Данные, полученные с помощью методики дописывания фразы «Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают следующие картины и образы...», позволили уточнить особенности ценностного слоя лингвокультурного концепта «сибиряки». Испытуемые для описания сибиряков использовали в основном оценочные прилагательные, которые выражают разные типы оценок и формируют зону положительной оценки ценностного слоя.

Во-первых, выделим контексты с этической оценкой, в которых сибиряки характеризуются как люди:

1) суровые (данная характеристика сформирована стереотипными представлениями испытуемых о людях, на которых повлияла суровая сибирская природа): Я их представляю, как людей суровых, так как живут в тяжёлых условиях холодной, суровой Сибири; Все сибиряки схожи в суровости, может быть, холод сильно действует на характер и прививает подобную модель поведения; Ну, во-первых, Сибирь – довольно холодное место. Именно поэтому с ней ассоциируются суровые люди; Я вижу суровых мужчин, не боящихся проблем;

2) душевные: Единая группа людей, которая имеет какую-то душевную связь, которая проявляется в умении помочь друг другу. И вообще я считаю, что сибиряки являются лучшим отражением человечности в нашем мире; Некоторые из сибиряков имеют особый духовный склад; Сибиряки полны и сильны духом;

3) скромные: Скромны, но могут быть агрессивны и ворчливы, когда им что-то не нравится (в данном примере сибиряки характеризуются и с положительной, и с отрицательной стороны); Такие люди скромны, не любят сильно выделяться;

4) дружелюбные: Я думаю, что это дружелюбные, хорошие люди; Это дружелюбный народ, который может помочь в любую минуту. Они уважают культуру и традиции своей страны; Всем прекрасно знакомо гостеприимство и дружелюбность сибиряков;

5) добрые и вольные: Вольные мужчины <...> они бывают либо наивно добрые, либо неоправданно агрессивны; девушки же наоборот: добры и наивны, либо корыстны (в данном примере испытуемые дают как положительную, так и отрицательную характеристику сибиряков); Я вижу милых добродушных женщин средних лет.

Во-вторых, стоит отметить контексты с нормативной оценкой, в которых сибиряки преимущественно характеризуются как люди:

1) выносливые и сильные: Они выносливые – готовы приспособиться к любым условиям жизни. Высокий уровень взаимовыручки; Люди с закалённым, твёрдым и решительным характером; Жителей Сибири я вижу как сильных и выносливых людей; Люди, привыкшие к преодолению трудностей, воспринимают испытания, как что-то само собой разумеющееся; Люди изначально существовали в трудных условиях, что впоследствии позволило им быть более сильными; Люди с крепким здоровьем, закалённые морозами родного региона; Люди крепкие, люди стойкие;

2) трудолюбивые: Сибиряки – это самый трудолюбивый народ, который способен осилить любые трудности и достичь успехов во всех делах; Жители Сибири также известны своим трудолюбием.

В-третьих, можно выделить контексты с интеллектуальной оценкой сибиряков: Являются достаточно образованными людьми; Сибиряк может быть культурным и образованным.

Для раскрытия ценностного слоя и уточнение его особенностей также были использованы материалы, полученные в результате ассоциативного эксперимента. Качественный анализ данных эксперимента показал, что испытуемые на слово-стимул сибиряк привели следующие типы ассоциативных реакций:

1) реакции-пояснения, которые актуализируют ассоциацию, связанную с местом рождения сибиряков: люди, родившиеся в Сибири (4); коренные (2);

2) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Сибири: люди, живущие в Сибири (26); жители Сибири (17); люди, проживающие в Сибири (15); люди, которые проживают в Сибири (7); Сибирь (6); люди из Сибири / с Сибири / в Сибири (6); живут в Сибири (4); те, кто живёт в Сибири (3);

3) реакции-пояснения, указывающие на проживание сибиряков в Северном Приангарье: ангарцы (2); живут в Кудинске (2);

4) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северу: люди, живущие на Севере (2); жители северных районов (2);

5) реакции, актуализирующие представления о погодных условиях Сибири: холод (7); морозы (5); зима (3); привыкли к сильному морозу (2); привыкли к холоду и постоянным заморозкам (2); устойчивы к морозам (2); живущие в холодном климате (1); которые живут в холодном климате (1);

6) реакции, которые актуализируют стереотипные представления об образе сибиряков: ходят в шубах (3); люди, которые тепло одеваются (2); это люди, которые тепло одеты (2);

7) реакции, вызванные самоидентификацией: мы (3); земляки (3);

8) реакции, отражающие определённые исторические знания: ссыльные (2);

9) реакции с национальной ориентацией: русские (1); эвенки (1); тунгусы (1);

10) реакции, отражающие семантические множители слова-стимула: россияне (2).

Испытуемыми были приведены и оценочные реакции, представленные прилагательными, которые эксплицируют разные типы оценок:

1) этическую оценку: счастливые (2); дружные (1); добрые (1); добродушные (1); позитивные (1);

2) нормативную оценку: сильные (4); выносливые (2); закалённые (1); терпеливые (1); смелые (1); трудолюбивые (1); самостоятельные (1); опытные (1);

3) эстетическую оценку: крепкие (8);

4) интеллектуальную оценку: умные (2).

Также, помимо положительных и нейтральных оценочных реакций, были приведены ассоциаты, которые выражают амбивалентное отношение испытуемых к сибирякам: суровые (3) – твёрдые и непреклонные люди, не знающие снисходительности, как к себе, так и к другим.

Таким образом, было установлено, что структура лингвокультурного концепта «сибиряки» состоит из трёх слоёв: понятийного, образного и ценностного. На материале устных текстов и интервью коренных ангарцев, а также данных лингвистического и ассоциативного экспериментов было проанализировано содержание и рассмотрены особенности языковых средств, вербализующих эти слои.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Бутенко Е.Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. № 2. С. 321–328.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в двенадцати томах. М.: Мир книги, 2004. Т.11. Сап–Тех. 400 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
6. Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 168–174.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. 976 с.
8. Орлова О.В. Дискурс томских рок-авторов как факт региональной лингвокультуры: перспективы изучения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 16–25.
9. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Гл. ред. Т.Ф. Ефремова // URL: <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html> (дата обращения: 22.06.2020).
10. Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home> (дата обращения: 22.06.2020) – ЭТКЛСП.
11. Felde O.V. The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. 1. P. 55–76.

АНГАРСКИЙ ОХОТНИЧИЙ НАРРАТИВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О.В. Вязовикина

В статье рассматривается типология устных охотничьих нарративов. Формулируются основные задачи лингвистического исследования данных текстов. Источником изучения являются уникальные материалы, записанные в 2012-2019 гг. в условиях комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций в район Северного Приангарья. Получены выводы о том, что охотничьи нарративы возможно классифицировать по следующим критериям: тематике, жанровой отнесенности, диалектологической принадлежности, типу повествования, виду эмотивной окрашенности.

Ключевые слова и фразы: устный нарратив; охотничий нарратив; Приангарье; текстовая типология; типология охотничьих нарративов.

Яркой чертой современной лингвистики является внимание к естественному живому языку, к устным текстам, в которых проявляются не только особенности речи рассказчика, но и черты национальной и региональной лингвокультуры. Одним из ведущих объектов различных междисциплинарных исследований стал устный нарратив, под которым мы, вслед за Т.И. Поповой, понимаем устный текст, отличающийся наличием нарратора, отделённого от рассказываемого события пространством или временем. Такое широкое понимание нарратива включает в себя и повествование как одно из его главных структурных элементов и описание событий, и их объяснение [12, с. 46-47].

Устные нарративы жителей Северного Приангарья уже становились объектом лингвистического исследования. Так, анализировался ангарский нарратив о переселении из зоны затопления Богучанской ГЭС [16], а также нарративы о ссыльных [13]. На материале устных нарративов анализировались концепты АНГАРЦЫ, ОДНОСЕЛЬЧАНЕ и некоторые другие [15]; описывались речевые портреты [14]. Однако устные нарративы охотников этого сибирского региона в фокус лингвистического исследования почти не попадали. Исключение составляют лишь некоторые работы Г.В. Афанасьевой-Медведевой, которая собрала и опубликовала устные рассказы сибиряков, в том числе и ангарцев, о медвежьей охоте, рассмотрев их с позиций фольклористики, этнографии и этнолингвистики [2-4]. В аспекте коммуникативно-дискурсивной парадигмы охотничий нарратив жителей Приангарья прежде не исследовался, отсутствует также и типология данных текстов. Это обусловило выбор цели исследования, а именно выявление разновидностей устного охотничьего нарратива и определение перспектив его лингвистического исследования. Задачи статьи: предложить критерии для типологии охотничьих нарративов; в каждом из критериев выделить типы нарративов; с помощью языкового материала продемонстрировать некоторые из разновидностей охотничьего нарратива и проанализировать их особенности; доказать значимость ангарского охотничьего нарратива как объекта лингвистического исследования. Актуальность статьи заключается в важности исследования коммуникативного пространства Енисейской Сибири, а научная новизна – в использовании нарративного подхода к рассказам охотников Северного Приангарья, которые на настоящий момент практически не изучены. Практическое

применение результатов исследования возможно на диалектологических, этнических и других тематических уроках, также ценным представляется использование собранного материала для фиксации современного состояния культурных и языковых особенностей исследуемого региона.

Эмпирической базой настоящей статьи служат материалы Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья [17], в котором размещено значительное число текстов об охоте, собранных во время фольклорно-диалектологических экспедиций в Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края [8-11]. Все анализируемые тексты отражают современное языковое состояние и записаны с 2012 по 2019 годы от информантов в возрасте от тридцати до восьмидесяти пяти лет.

Исследуемые нарративы отличаются многообразием с тематической, функционально-семиотической, жанровой и эмотивной точек зрения; в них представлены также различные типы повествования.

Охотничьи нарративы отличаются большим тематическим разнообразием: опасные случаи на охоте; первая охота; виды охоты (медвежья, пушная, утиная и др.); охотник и природа (отношение к природе, выживание в лесу); наставник охотника; воспитание охотника, опыт отцов и дедов; охотничьи собаки (воспитание собаки, отношения с собакой) и др.

Охотничьи нарративы неоднородны и по жанровой принадлежности. Под речевыми жанрами мы, вслед за М.М. Бахтиным, понимаем относительно устойчивые типы высказываний, в которых отражаются специфические условия и цели той или иной области человеческой деятельности посредством тематического содержания, стиля и композиционного построения [5, с. 159].

Типичным жанром охотничьего нарратива является устный рассказ нарративного типа о событии, отличающемся некоторой неординарностью (случай, происшествие, приключение) [1, с. 75]. Также к жанровым разновидностям охотничьего нарратива относятся бытовой рассказ (нейтральное повествование об охотничьем быте), охотничьи байки и анекдоты.

Охотничья байка представляет собой поучительный или юмористический рассказ, основанный на вымышленных событиях или реальных, но часто преувеличенных. Для охотничьей байки характерны эмотивность и наличие диалогов или полилогов; в ней используются междометия и другие экспрессивные средства языка. По размеру байки, как правило, меньше рассказа, но больше анекдота: «У меня – он брат мне и друг – троюродный брат он будет, если по родству. Ну, так мы дружим. Я охотился у него. А на Пуню приезжаю, тут экспедиция. А он любил приврать. Это я... даже сижу, мне даже неудобно порой. Он говорит: “Ты никогда меня не перебивай. Всё соглашайся”. Ну и я в то время выпивал. Он в одном балке там пьют с экспедицией, я – в другом. Проходит коротко время, открываются дверь, заходит толпа мужиков, он во главе с (неразб.). Оне мне говорят: “Так, стоп! Ничё не говори, молчок всем! Всем молчать! Спрашиваю”. Он уже чё-то наврал им... Чё-то им наврал. Я-то не знаю, чё мне сказать. Он говорит: “Сколько медведей добыли?” – меня спрашивают. Оп-п-па! Сейчас я понял, что про медведей. Ну, сколь я скажу? Я откуль знаю, чё он им наврал? Мне надо сказать, столько он сказал. А мы четырёх добыли на самом деле. А он им сказал восемь. Ой-ой-ой! Умножил! Я говорю: “Четыре”. Кольча сразу перебивает: “Так это на воле!”. А я говорю: “Ну, и четыре в берлоге» [11]. В данном примере можно увидеть такие экспрессивные средства языка, как междометия («Оп-п-па!», «Ой-ой-ой!»), повторы («Он уже чё-то наврал им... Чё-то им наврал»), парцелляция и др. Как во многих типичных байках, кульминацией здесь является преувеличение: охотник, хвастаясь друзьям, говорит, что добыл больше медведей, чем на самом деле.

М.Я. Хомайко. 2000-е

Охотничьи анекдоты часто основаны на байках. Они представляют собой короткие истории, передающиеся из уст в уста разными поколениями охотников: «Это как это... в том анекдоте:

- Когда увидишь медведя, кидай ему в глаза го*но.
- А го*но откуда взять?
- Поверь, его у тебя будет много» [8].

Языковым субстратом избранных для анализа охотничьих нарративов являются русский ангарский говор, сибирский региолект, разговорная форма литературного языка и просторечие. Нарраторы-носители ангарского говора – это в основном пожилые охотники. Маркирующими единицами их устной речи является диалектная промысловая и этнографическая лексика: кокольды – «рукавицы с прорезью для пальца, нажимающего на курок охотничьего ружья»; огород – «ловушка на лося» [17] и т.д.

Охотничьи нарративы, отражающие сибирский ангарский региолект, отличаются тем, что их субстратной основой является общенародный разговорный язык, вобравший в себя некоторые лексические и фонетические особенности местных говоров и городского просторечия. Региолектные устные охотничьи нарративы характеризуются наличием регионально окрашенной лексики, которая используется на всей территории Приангарья: и в городах (Кодинск, Лесосибирск), и в сельских населённых пунктах (ангарка – «разновидность деревянной лодки»; верховка, низовка – «виды ветров на Ангаре» [Там же]), а также специфическими особенностями в интонации, возникшими под влиянием ангарского говора. Нарраторами-носителями ангарского региолекта являются преимущественно люди среднего возраста, независимо от их социального положения.

Охотничьи нарративы, записанные от носителей литературного языка, людей с высшим образованием, в нашей текстотеке представлены единичными примерами. Немного и просторечных текстов, которые включают инвективную лексику и просторечные слова (нафиг, обалдеть и т.п.). Это объясняется экстралингвистическими факторами: в регионе преобладает сельский тип расселения; традиционными промыслами (охота и рыбалка) заняты в основном жители отдалённых таёжных посёлков и деревень.

С точки зрения видов повествования охотничьи нарративы можно разделить на собственно повествовательные, повествовательно-рассудительные, повествовательно-описательные и смешанные. Сделать это представляется возможным, проанализировав наполненность «дискурсивных пассажей» [7, с. 20], являющихся составляющими элементами каждого из нарративов (вводная часть, описательная, ретроспективная и объяснительная).

Повествовательно-рассудительные охотничьи нарративы – тексты, в которых охотник рассуждает об охотничьей этике, воспитании охотника и т.д., например: «Костёр развести, как там... ночлег устроить – это всё нужно уметь – мало ли где тебя может застать ночь. Я за это да... я ему благодарен, потому что жил бы я где-то в городе, это бы другая была ситуация, а так как я живу здесь, мне это очень полезно» [8]. Данный отрывок демонстрирует рассуждения охотника о важности своего воспитания отцом. Маркерами рассуждения здесь служат сослагательное наклонение, конструкции с частицей ли («мало ли где») и др. Объяснительный пассаж, таким образом, здесь выражен не менее чётко, чем ретроспективный (то есть возвращающий к предыдущим событиям), что позволяет нам отнести настоящий текст к повествовательно-рассудительному.

Доминирование фонового пассажа определяет нарративы как повествовательно-описательные: «Камневою часть соснового дерева раскалывали повдоль, на доски разрывали специальными инструментами. Ну, сначала забивают, как это... металлический... как топор... вот такой широкий, длинный. Вот такой ширины и вон такой... забивают его. Он трещину даёт, по этим трещинам уже клинья» [10]. В данном примере описывается

зимовьё (лесной дом охотника). Об описательной природе текста можно судить по обилию предметной лексики («инструментами», «топор», «клинья»), качественных прилагательных («широкий», «длинный»).

В собственно повествовательных нарративах описанные выше маркеры рассуждения и описания неявны, а в смешанном типе, напротив, представлены вместе.

Охотничьи нарративы по видам эмотивной окраски можно подразделить на мажорные, нейтральные и аффективные. Под эмотивной окраской, вслед за С.В. Ионовой, мы понимаем ряд языковых и текстовых средств, которые осознанно или неосознанно использует автор, кодируя тем самым эмоциональное содержание текста [6, с. 38].

В мажорных нарративах рассказчик передаёт чувства гордости, радости, повествует о чём-то приятном: «И выскочила коза... две козы выскочило... я одну добыл, всё там... пузо вспорол, разделал маленько, накрыл шкуркой, чтобы сороки-вороны не склевали. Пришёл в деревню, всё...»

– Отец, заводи машину... поехали за мясом.

– Да лааадно!

Я грю: “Ну, а чё...”. Это мне лет тринадцать было. Ох! Ты чё! Это была гордость!» [8]. Радость и мажорная окраска здесь эксплицируются эмотивом-номинативом («Это была гордость») и в целом содержанием повествования: в данном отрывке рассказчик говорит о своей первой серьёзной добыче на охоте. Повышенная эмоциональность также выражена использованием междометий («ох!») и пародированием чужой речи (в данном случае растягиванием фразы «да лааадно»).

Нейтральный тип текстов встречается часто: «А ловушки на медведя... Да тут если пойти, можно шас ещё и встретить и старых, и свежих, это. А также огород городят на него. Ну, это загородку такую. Вот. Вот туда кого там, тухлое мясо, есть ли, чё ли то. Бросают и петлю ставят на... вот сюда, такую...» [10]. Анализируя пример, видим, что эмотивная содержательность текста невысока, средств выразительности мало. Такая эмотивная нейтральность обычно наблюдается в рассказах охотников о тех или иных реалиях охотничьего быта: снаряжении, ловушках, строениях и др.

Аффективная окрашенность встречается в тех рассказах, тема которых до сих пор вызывает у охотника волнение. Одним из наиболее часто встречающихся видов аффективных охотничьих нарративов является рассказ о встрече с медведем: «Я говорю: “Верный, оставайся там, не дай Боже, полезет, нахрен, топором по башке сразу долбану-та и всё”, а сосед говорит-та: “Да ну, нахрен, давай дождёмся, пока он оттуда повыскакивает”. Выскочил, сосед промазал с карабина, а я с двухстволки, сначала с одного ствола, укатился в свою дыру, не вылезит. Я говорю: “Бл*дь, убил, не убил, не вылезит”. И собаки ждут, развалились. Я говорю: “Бл*дь, если бы он оттуда полез, тот бы не дал ему вылезти, странно, бл*дь, надо проверить, так и будем ждать”. А бывает, эта, охотники тоже могут промахиваться, эта. В берлоге может и пестун быть, ещё медведь. Ну, я полез, проверить-та надо, убил я его, не убил» [9]. Характеристиками данного примера являются: частое использование сниженной ненормативной лексики, самоперебивы, повторы («убил я его, не убил»); также используются междометия («да ну»), клишированные фразеологизмы «не дай Боже» и трансляция прямой речи. Все перечисленные черты в совокупности с недосказанными фразами и парцелляцией (в данном примере не представлены) являются характерными маркерами аффективного нарратива.

Таким образом, выявлены разновидности устного охотничьего нарратива по пяти критериям: 1) тематика (нарративы об опасных случаях на охоте, охотничьих собаках, видах охоты и др.); 2) жанровая принадлежность (рассказ о неординарном событии, бытовой рассказ, охотничьи байки и анекдоты); 3) диалектологические характеристики (нарративы, характеризующиеся ангарским говором, сибирским региолектом,

разговорной формой литературного языка и просторечием); 4) тип повествования (собственно повествовательные, повествовательно-рассудительные, повествовательно-описательные и смешанные нарративы); 5) эмотивная окраска (мажорные, нейтральные и аффективные). Перспективой лингвистического исследования нарративов может быть дополнение типологии устных охотничьих нарративов за счёт расширения эмпирической базы исследования и использования новых классификационных критериев. Значимость ангарского охотничьего нарратива как объекта лингвистического исследования заключается в высокой лингвистической информативности текстов, о чём свидетельствует их тематическое, жанровое и языковое богатство, описанное в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 74-91.
2. Афанасьева-Медведева Г. В. Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири (структура и содержание образов, ареалы и семантика именований): автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 1997. 27 с.
3. Афанасьева-Медведева Г. В. Медвежий культ и отражение его в устной народной прозе русских старожилов Восточной Сибири: семантика, сюжетно-мотивный фонд нарративов, номинации: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2011. 48 с.
4. Афанасьева-Медведева Г. В. Русская охота на медведя в Сибири // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2002. Вып. 1. С. 105-124.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159-206.
6. ИONOBA C. B. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1998. 197 с.
7. Плунгян В. А. Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики / отв. ред. В. А. Плунгян. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. С. 7-36.
8. Полевой материал автора статьи Вязовикиной О. В. Богучанский район Красноярского края, д. Карабула. 2018.
9. Полевой материал Фельде О. В. Кежемский район Красноярского края, г. Кодинск. 2018.
10. Полевой материал Фельде О. В. Кежемский район Красноярского края, д. Недокура. 2018.
11. Полевой материал Фельде О. В. Кежемский район Красноярского края, д. Яркино. 2012.
12. Попова Т. И. Нарратив и повествование: соотношение понятий // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 46-50.
13. Смирнов Е. С. Концепт «ссылльные» в ангарской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3 (75). С. 217-222.
14. Сперанская А. Н. Индивидуальный речевой портрет языковой личности на примере жительницы Северного Приангарья // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 97-115.
15. Фельде О. В. Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 190-192.
16. Фельде О. В. Другие среди своих (на материале устных рассказов коренных жителей Северного Приангарья о ссылных сталинской эпохи) // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Г. В. Звёздной и приуроченной к её юбилею. Липецк, 2017. С. 115-123.
17. Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/> (дата обращения: 01.10.2019).

Републикация: См.: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ. 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 135-138

ОСВОЕНИЕ ВЕЧЁРОЧНЫХ И ХОРОВОДНЫХ ПЕСЕН ФОЛЬКЛОРНЫМИ КОЛЛЕКТИВАМИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА

И.Н. Горев, Е.В. Горева

Тема досуга деревенской молодёжи в традиционной культуре интересовала исследователей фольклора на протяжении всей истории науки. К изучению этого явления обращались многие собиратели фольклора, начиная с XIX века (В.С. Арефьев¹, А.А. Макаренко²), советские фольклористы (В.Е. Гусев³, А.И. Лазарев⁴, В.И. Чичеров⁵). Во второй половине XX века появляется много исследователей в этой области как по всей России (Ф.Ф. Болонёв⁶, А.А. Климов⁷, А.М. Мехнецов⁸), так и в Красноярском крае (О.В. Крахалёва⁹, Н.А. Новосёлова¹⁰, К.М. Скопцов¹¹, Н.А. Шульпеков¹²). Результатом их исследовательской и собирательской работы стало большое количество изданных материалов, которые представляют интерес как с научной, так и с практической точки зрения. Однако не было разработанной методики передачи образцов песенного фольклора с соблюдением принципов традиционной преемственности в современных условиях.

Фольклорный ансамбль «Живая старина» (г. Красноярск) под руководством И.Н. Горева с 1998 года занимается исследовательской деятельностью, направленной на изучение и трансляцию русской традиционной культуры Красноярского края. Знакомство с традицией ансамбль осуществляет в фольклорно-этнографических экспедициях. Целью деятельности коллектива является практическое освоение вечерочных и хороводных песен Красноярского края с учётом традиционных механизмов передачи навыков.

Рассматривая песенные традиции, бытующие в районах Красноярского края, с точки зрения обусловленности их формирования историко-этнографическими, социально-экономическими и другого рода предпосылками, мы можем достаточно отчётливо проследить четыре основных музыкально-этнографических слоя. Старожильческий (фольклорные традиции в поселениях XVII-XVIII вв.), старообрядческий (фольклорные

1 В.С. Арефьев. *Крестьянские вечерки в Енисейском округе.* // *Енисей* №34,36,37,39. – Красноярск, 1898.

2 А.А. Макаренко. *Сибирский народный календарь.* – Новосибирск, изд-во «Наука», 1993.

3 В.Е. Гусев. *Эстетика фольклора.* – Ленинград, изд-во «Наука», 1967.

4 А.И. Лазарев. *Уральские посиделки.* – Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1977.

5 В.И. Чичеров. *Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX вв.* – Москва, изд-во АН СССР, 1957.

6 Ф.Ф. Болонёв, М.Н. Мельников. *Хороводные и игровые песни Сибири.* – Новосибирск, изд-во «Наука», 1985.

7 А.А. Климов. *Основы русского народного танца.* – Москва, изд-во МГУКИ, 2004.

8 А.М. Мехнецов. *Песни русских старожилов Западной Сибири, вып. 1.* – Москва, изд-во «Родник», 2000.

9 О.В. Крахалёва. *Традиционные зимние собрания молодёжи Енисейского района (Красноярского края).* – Новосибирск, изд-во «Книжица», 2006.

10 Н.А. Новосёлова. *Вечёрки и игрища Приангарья.* – Красноярск, изд-во «Власть Советов», 1993.

11 Личные фонды фольклорных аудиозаписей собирателя.

12 Фонды фольклорных аудиозаписей «Красноярского училища искусств».

традиции в поселениях XVII-XIX вв.), новопоселенческий (фольклорные традиции в поселениях второй половины XIX - начала XX вв.), смешанный или переходный слой с неоднородной этнокультурной характеристикой (фольклорные традиции в поселениях XIX – XX вв.).¹³

Чтобы внести ясность в жанровую особенность представленного материала, мы предлагаем условную классификацию вечерочных и хороводных песен Красноярского края, так как местные их названия иногда размывают тонкую грань отличия одной группы песен от другой.

Проходочные песни («походячи»¹⁴, «вечерочные рождественские»¹⁵, «проходячи»¹⁶) сопровождают шествие одного или нескольких участников действия. Начинаются с сольной проходки и выбора пары. Поются либо парням, либо девушкам, либо парам – парням с девушками и заканчиваются поцелуем. Их шаг не совпадает с темпом музыки. Ритмо-организующая основа здесь не является главной. «Эта разновидность лиродраматических песен в силу специфики климата и соответственно календаря земледельцев получила особенно широкое развитие в Сибири и составила основу сибирской вечерки».¹⁷

Хороводно-игровые песни, в основе которых лежит драматическая игра, игровое перевоплощение лицедеев – главное, но не единственное средство создания художественного образа. Участники игры раскрывают содержание произведения, его нравственную направленность и эстетическую основу в танце и песне. Исчезновение одного из составляющих компонентов ведёт к усечению художественного образа, к переходу песни в другую жанровую разновидность (при утрате хореографического компонента – в игровую песню, при утрате хороводного действия – в проходочную)¹⁸.

Хороводные (медленные) песни сопровождают хореографические действия, где ритмо-организующая основа, как и в проходочных песнях, не является главной. В темповом отношении хороводные (медленные) песни близки к протяжным. Шаг не совпадает с ударными долями музыки. Он может быть медленней или быстрее, чем сама песня. Движение может идти по кругу либо представлять собой сложную орнаменту. «В таких хороводах отсутствуют лицедеи. Драматическую основу здесь составляет поэтический текст».¹⁹

Хороводно-плясовые песни – ритмо-организующая основа является главенствующим фактором. Как правило, эти песни исполняются в быстром темпе, и шаг обязательно совпадает с ударными долями музыки. Они могут иметь разную структуру. Например, круговую одночастную, круговую двухчастную, орнаментальную двухчастную структуру.

В старожильской традиции проходочные, хороводно-игровые, хороводные (медленные), хороводно-плясовые песни ввиду суровости климата в зимнее время года исполнялись в избе, а в весенне-летний период (кроме проходочных) – на улице. Отличие в старообрядческой, новопоселенческой среде и среде с культурой смешанного

13 И.Н. Горев. *Вечерочные и хороводные песни Красноярского края.* – Красноярск, изд-во «Семицвет», 2010, с. 4.

14 «Походячи» – локальное название проходочных, хороводно-игровых, хороводных (медленных), хороводно-плясовых песен в Красноярском Приангарье.

15 «Вечерочные рождественские» – локальное название проходочных песен, исполняемых в Святки в с. Талом Ирбейского района.

16 «Проходячи» – локальное название проходочных песен в Енисейском районе.

17 Ф.Ф. Болонёв, М.Н. Мельников. *Хороводные и игровые песни Сибири.* – Новосибирск, изд-во «Наука», 1985, с. 6.

18 Там же.

19 Там же.

Выступление фольклорного ансамбля «Живая старина». День благодарения Малой Родины. 2019

Выступление фольклорного ансамбля «Живая старина». Фестиваль старожильческих народов Красноярского края. 2017

«АНГАРСКИЙ МАРШРУТ» в г. Енисейске. 26 сентября 2020 года

Фольклорный ансамбль «Живая старина». Д. Чадобец Кежемский район. 2018

типа состоит в том, что хороводные (медленные) песни исполнялись только в весенне-летний период и только на улице. Вероятно, в метрополиях не старожильческих поселений существовала «улошная» хороводная традиция.

Рассмотренная нами жанровая система является начальной ступенью в освоении локальных песенных традиций Красноярского края творческим коллективом.

В экспедиционной работе редко удаётся записать песню в её полной фактуре. В условиях отсутствия устойчивых этнографических ансамблей часть песен записана от одного исполнителя, и лишь иногда, с использованием двух магнитофонов, применяя искусственное наложение «голоса на голос», удаётся записать двухголосный вариант. Современные же творческие коллективы имеют, как правило, большее количество человек. Кроме того, многие полевые записи плохого технического качества. Эти факторы ведут к осложнению освоения традиционного пения и использования подлинных фольклорных образцов в творчестве коллективов, поэтому автор проделал работу по реконструкции многоголосной фактуры материала на основе песенной традиции исследованных районов. Исходя из того, что вечерочный фольклор имеет устойчивые мелодические формулы, переходящие из одной песни в другую в виде вариантов основного напева, мы имеем возможность наложения, сведения в одну песню всех имеющихся вариантов голосов. В результате получается очень развитое многоголосие с сохранением лада и ритмической организации. Таким образом, автором была разработана и апробирована методика освоения традиционного музицирования на опыте творческого коллектива в условиях городской субкультуры, которая приведена ниже.

Изучение основ народной музыкальной культуры начинается не с решения технологических задач (постановки голоса, развития дыхательного аппарата и т.д.), а с непосредственного восприятия звучания, накопления слухового опыта, формирующего неповторимый образ той или иной певческой традиции, народного певческого коллектива. Таким образом, на начальной ступени обучения преобладает эмпирический способ постижения народной музыки. Этот период «адаптации» к русской народной песне как к новой, ранее неведомой музыкально-языковой среде, во многом является следствием абсолютной неподготовленности в области музыкального фольклора современного человека.²⁰

Первый этап. Погружение в традиционную культуру участниками ансамбля происходит через ведение экспедиционной работы: непосредственное общение с носителями традиции и работой с аудио- и видеоматериалами.

Работа коллектива имеет систематический репетиционный характер. При этом считаем нецелесообразным использовать хоровую систему распевания участников по полутонам на основе венской гармонии, так как она противоречит ладовой системе фольклорной традиции и искажает фактуру в связи с различием тесситурных возможностей голосов народного хора и фольклорного ансамбля. Вечерочные и хороводные песни отличаются от протяжных отсутствием длительных по времени распевов, образностью содержания текстов, отвечающих интересам неженатой молодёжи, но сохраняют основные музыкальные характеристики традиции, например, фактуру, лад, ритмическую организацию. Движение под пение позволяет решить некоторые проблемы, связанные с техникой пения, например, дыхание и чувство ритма. Исходя из этого, фольклорный ансамбль «Живая старина» начинал освоение традиции с исполнения вечерочного фольклора.

Следующий этап – разучивание нового материала, где основой является работа с фонограммой. Участники располагаются так, чтобы все могли слышать аудиозапись и имели возможность писать.

²⁰ С.Ю. Власова. Традиционное пение: музыкальная логика и вокальная техника. // Вестник РФС № 1. – Москва, 2004 г., с. 26-41.

Расшифровка. Каждый из участников записывает текст песни с имеющимися распевками, огласовками, словообрывками и пр. Работа с текстом включает в себя толкование диалектизмов, выстраивание образного хода событий в песне, пересказ своими словами.

Одним из главных параметров, коренным образом определяющих вокально-исполнительскую специфику традиции, является диалект. Зависимость песенной речи от диалектных особенностей местного говора настолько велика, что без пристального внимания к изучению речевой манеры достоверное владение вокальным

Мастер-класс по хороводно-плясовым песням. «АНГАРСКИЙ МАРШРУТ» в г. Красноярске. 22 февраля 2020 года

стилем невозможно. «Владение диалектом ... заключается в изучении синтаксических, морфологических, фонетических и других особенностей диалекта и освоении всего комплекса элементов диалектной речи, оказывающих влияние на певческий процесс».²¹

Для работы используется многоканальная аудиозапись или запись «скользящий микрофон», где прослушиваются тембры и мелодические линии всех исполнителей. Во время расшифровки текста выявляются все варианты и инварианты мелодических голосов, на схеме отмечаются:

- совпадения голосов (унисоны);
- направление движения голосов;
- степень плавности или маркированности звуковедения и слогапроизнесения, связанная с характером атаки;
- присутствие или отсутствие вибрато (для вокального стиля некоторых традиций характерно именно отсутствие вибрато). Вибрато имеет место в поздней песенной традиции;
- различные формы «мелизматика, тремолирования (качания звука), глиссандирования».²²

Схематические обозначения вводятся самими участниками, то есть каждый выражает графически мелодию настолько, насколько высок его слуховой барьер и воображение.

В результате проделанной работы выявляется «композиционная и звуковысотная логика песни, система вариантов для каждого голоса».²³ Преимущество перед нотной записью состоит в том, что схемы могут быть понятны всем, в том числе и не музыкантам,

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

достаточно полно отражают музыкальную логику песни, оставляют большую свободу певцу, чем нотная запись. «Учить» песню певец начинает сразу с группы вариантов какого-либо «голоса», постепенно осваивая всю фактуру: варианты других «голосов», их связки-соединения, перекрещивания, комбинации разных версий».²⁴

Звуковысотное интонирование (пение). Каждый участник ансамбля пропевает один из голосов на весь текст. Возможен вариант, когда поющие исполняют по одному куплету попеременно, добиваясь монолитности песенного полотна, без запинок, пауз и пр. Совместно выявляются количество исполнителей и варианты нижнего голоса, которые пропевает каждый по очереди. Затем добавляется верхний подголосок. Последующие исполнения направлены на пропевание всех подголосков каждым из участников ансамбля, что позволит им свободно варьировать мотив и ориентироваться в фактуре песни.

При исполнении разученного материала важно учитывать и формировать тембральную окраску звука, которая обеспечивает выявление регионального компонента, а значит, отвечает за особый стиль звучания песни. Необходимо обращать внимание на следующие моменты.

Характер артикуляции. У народных исполнителей он может быть оценен и на слух, и визуально, при общении в экспедициях. На это надо специально обращать внимание и определять, как одну из важных задач при «исполнительском» типе экспедиций. Артикуляция может быть внешней – создаваться акцентированной подвижностью губ, языка, нижней челюсти, и внутренней, когда активность речевых процессов происходит за счёт чётких детализированных внутренних движений, а «крупная» артикуляция лишь иногда помогает и усиливает внутреннюю. «Кто внимательно наблюдал за пением народных певцов, тот всегда замечал спокойное выражение лиц, лишённое нарочито «эмоционально-выразительной» мимики и артикуляции. Это свидетельствует о преобладании артикуляции внутреннего типа, на которую и следует ориентироваться, достигая чёткости, свободы и осмысленности речи».²⁵ В традиции старожильческого пения Красноярского края артикуляционная амплитуда минимальна, при исполнении песни носители традиции не открывают широко рот – преобладают чистые гласные с тенденцией к звуку «э» или «е». Особенно такую плавность переходов можно заметить у верхнего подголоска, в то время как произнесение гласных у основных голосов почти всегда более контрастное. Открытые звуки «а» и «я» связаны со спецификой говора.

Существует проблема в молодёжном ансамбле с тесситурным выбором исполнения, особенно, если коллектив смешанный по половому составу. В традиционной культуре старожиллов края мужчины поют в относительно высоких тесситурных условиях, тогда как женский состав звучит предельно низко (фа малой октавы – фа первой октавы), даже если поют без мужчин. В современных условиях считаем целесообразным для начинающих исполнителей припеваться к носителям традиции, чтобы развить нужные резонаторы. В момент исполнения надо подбирать оптимальную высоту для конкретного коллектива с учётом его тесситуры.

Последним этапом освоения вечерочного репертуара является исполнение песни с движением: танцем, игрой. Окончание репетиции включает в себя исполнение ранее разученных образцов вечерочного фольклора. Большое значение в работе коллектива имеет самостоятельная домашняя работа, ибо слуховой опыт является одним из обязательных условий успешного освоения традиции.

Таким образом, процесс овладения местными певческими традициями фольклорным ансамблем позволяет проникнуть в тайны народного музицирования, постичь внутренние закономерности строения народной песни и общие принципы существования фольклорных традиций региона.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

С. Кежма. 1970-е

Люди земли Ангарской

ПРОЙДЕННЫЙ МНОЮ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

А.Т. Заборцев

Родился в 1904 году, за два дня до Казанской, то есть 18 октября, в деревне Заимка Кежемской волости Канского уезда Енисейской губернии (в то время существовала царская власть), в семье как бы середняка. Отец, мать жили-были, четыре сына. Имели они пять-шесть коров молодняка, три-четыре лошади, земли имели пахотной десять десятин (сами корчевали) и покоса семь десятин, засеивали пять десятин, а пять десятин ежегодно «парились», то есть за период лета пахали на три ряда и бороили два раза.

Семья составляла двадцать-двадцать два человека. Жили в одной избе, мебели было две-три койки, скамейки, лавки кругом, стульев мало, три-четыре чурки, полаты были, на них спали и на полу. Были неграмотные все – в то время в деревне было грамотных человек семь-восемь.

В семье руководил старший брат, остальные подчинялись ему. Техники не было, применялся ручной труд. Были деревянные бороны и сохи. После стали приобретать рогальюхи, потом колесухи, навроде, стало облегчение в пахоте, потому что соху нужно было сдерживать на руках, запрягали одну лошадь, а колесухой запрягали две лошади, и её не нужно сдерживать, так как у неё стрела ложилась на ось с колесами.

Хлеб сеяли руками, рассеивали, жали серпом, снопы вязали, ставили в суслоны. Когда соберут, выжнут хлеб, затем скирдуют, зимой возят из скирдов на ток или гумно. Была рига, в ней сушили снопы. Когда подсохнет, выбрасывали и расстилали по гумну в один ряд, и начинали молотить цепами с часу ночи. Обмолотят, собирают солому, выносят на улицу, в огород, около гумна мечут стог, после обмолота сгребают в кучи, в ворох. Для того чтобы проветять, ждуг ветра (веялок не было). Приготовленное зерно нужно размолоть. Мололи на водяной мельнице, как бы мутовке, ездили за тридцать километров.

Летом в лодке плавали, речка называлась Череве. Помню, в то время ещё были в окнах вместо рамы со стёклами скотские пучины. Большая нагрузка [была] на женщин. Мануфактуры мало было – коноплю, лён мяли, пряли, ткали, шили нижнее бельё, верхние штаны, зипуны.

О себе: в восемь лет пошёл в школу. Школы в 1912 году не было ещё, а в частной избушке. Тетрадей не было и карандашей. Задачи решали на доске: проверит учитель и стирают, другое задают. Учитель злой был, сильно [его] боялись: он бил линейкой, кубиками бросал. На второй год открыли школу (в 1913 году), затем перешёл в третий [класс]. 1914 год – началась русско-германская война, в августе учителя взяли на фронт. Его звали Александр Ульянович Яковицкий. Окончил третий класс в 1915-1916 году. Учили Закон Божий. В школе перед занятиями вставляли на молитву и после занятий пели.

В 1916-1917 годы, перед революцией, были сосланы политические на Ангару – грамотные люди, которые уже шли против царской власти.

1918 год. Гражданская война, появились партизанские отряды, белые и красные. В 1920 году шла армия Колчака по Ангаре на Иркутск, там его разбили. За период революции в деревне Заимка убили двадцать человек: со стороны белых – девять, а красных – одиннадцать человек.

В 1920 году отец с братьями поделились. Нас у отца было четыре сына, две дочери – семья восемь человек. Хлеба не хватало, пришлось нам самим корчевать землю, тайгу разрабатывать. Без земли плохо, приходилось мне работать за два фунта муки в день. В 1925 году Заимка горела, сгорело больше ста домов. После пожара, с 1925 по 1929 годы, поправились люди.

Пошла организация колхозов в нашем районе. В 1926 году был организован крестьянский комитет бедноты, я был председателем комитета до 1929 года, потом председателем сельского совета в 1930 году. Организовали колхоз имени Сталина. При моей должности ездил, землю делил частникам, которая площе была.

В 1931 году поступил продавцом. Был закрытый распределитель, затем он объединился с обществом потребителей, а я стал заведующим хлебозаготовками на пункте. В него входило пять деревень: Заимка, Гусевка, Сухая, Недокура, Алёшкино. Ни хлебохранилищ, ни складов не было. Принимали все виды заготовок: хлеб, овощи, картошку, капусту, яйца, масло, грибы, ягоды со всех деревень. Хранилось всё по частным амбарам в домах.

При коллективизации, кто не шёл в колхоз, раскулачивали и облагали налогом, давали твёрдое задание. Были батраки, бедняки, середняки, кулаки и подпевалы-бедняки.

С хлебом было много труда – влажный хлеб нужно было сушить, обработать. Сушилок не было, приходилось возить по печам, сушить у частных лиц и в ясные дни развезить по сараям, набирать брезенты, половики и подсушивать на солнце. Была у меня бригада рабочих из среды ссыльных, они работали по-честному. Так было до 1934 года. В 1934 году приготовили склад-зернохранилище, тогда стали возить в него и построили сушилку, до этого [хранили] в шестидесяти амбарушках. Отгрузки хлеба не было, катеров не было, поэтому хлеба скапливалось много, нужно было сохранить, не допустить порчи хлеба и знать его качество, натуру, влажность, проверить в лаборатории, - всё это необходимо знать, чтобы не допустить плохого качества, ниже базиса.

В 1928 году, в январе, женился. В 1933 году мы с братьями поделились, жили врозь. Родители были с младшим братом, отец помер раньше матери, до войны (в 1939 году).

И вот 1941 год, в июне месяце началась война. Фашистская Германия вероломно напала на нашу Советскую страну. В начале войны у нас брали тех, которые были в армии, служили на действительной, а в августе 1941 года был большой набор. Я был оставлен по брони заведующим на хлебном пункте, а в 1942 году в мае пошёл на фронт. В Красноярске сформировались, зачислили связистом. Была сначала отдельная кабельная ш/рота. В 1943 году, в мае, организовался батальон связи 420-й при стрелковом корпусе 33-м. С мая 1943 года были отменены комиссары, было как бы двоеначалие – командир командовал частью и комиссар. Ввели партторгов рот, [они] вели партработу, вот и меня назначили. До мобилизации, до октября 1945 года, выполнял [эту работу].

Уходя на фронт, оставил жену, троих детей: старшей - двенадцать лет, младшей – четыре года. Без запаса хлеба. Трудно было им.

На фронте прошли большой военной боевой путь: 1942-1943 годы – по нашей территории, освобождали Винницкую область, Житомирскую, Воронеж, Харьков, Ростов-на-Дону, Запорожье, Кировоград... Форсировали реку Прут, первыми перешли государственную границу с Румынией. За обеспечение непрерывной связи командования с войсками получил двенадцать благодарностей от Верховного главнокомандующего товарища Сталина. Награды: Орден Славы – три, медаль «За отвагу». Прошли Россию, Румынию, Чехословакию, Югославию, Венгрию, Австрию (тут кончилась война). За три с половиной года не один десяток тысяч километров пришлось пройти по разной местности – по горам, лесам, по болотам. Сколько рек: Волга, Днепр,

Днестр, Прут, Дон, Северский Донец, Тиса... Не просто прошли – сели и проехали, а пешком и ползком, и на лошадях, под огнём противника, кушали и спали, когда можно. Бывало, по неделе без хлеба, ели павших убитых лошадей, сахарную свёклу, зерно пшеничное. Были случаи, кушали супы с мышами – ночами они попадали в походную кухню. Да, были, греха нечего таить, в длительное время боёв вши. Некогда было с ними заниматься, после боёв жарили гимнастёрки, брюки. Всё пережили. Был девиз: «Быстрее разбить противника!». Освободить родину! Вернуться домой, к своей семье! Страшная была ненависть к противнику.

В октябре 1945 года прибыл домой, встретился со своей семьёй – женой и детьми, и с матерью. Это было счастье великое, не думал, что останемся живыми.

В ноябре 1945 года поступил на работу в организацию Заготзерно заместителем директора, в селе Кежма. В 1946 году – обратно в Заимку, завпунктом. В 1954 году, по зову партии, меня направили на укрепление колхозов бригадиром. Год проработал. По семейным обстоятельствам пришлось переехать в Кежму: в колхоз обязали. В 1956 году – снова в Заимку, в колхоз, учётчиком от МТС. В 1960 году – в Заготконтору заготовителем (пушнина, скот, овощи, рыба) до 1965 года, затем на пенсию ушёл.

За эти годы выполнял партийную, советскую работу: три года занимался ликвидацией неграмотности; семь лет – уполномоченным по подписке на заём и сборку денег; член в сельском суде, председателем пятнадцать лет.

В мае 1975 года пришлось переехать в Красноярск из-за состояния здоровья жены.

Любил охоту, рыбалку. Как интересно добыть зверька, рыбку! Из зверей добывал: медведей – два; волка – один; лис, росомаху, соболей, колонок, горностаев, лосей, оленей, белку, ондатру, бурундуков, зайцев. Из птиц – гусей (пятьсот), уток разных всех видов на чокуре.

Нужно сказать, что перед страной в долгу не был. Трудовой стаж – тридцать восемь лет. В профсоюзе тридцать лет платил членские взносы, не пользовался ни отпусками, ни домами отдыха, не был на курорте. В партии с 1940 года. На фронте три года пять месяцев прошёл с боями. Семь стран освободил.

Здесь стояла д. Заимка. 2000-е

ЛЮДИ ЗЕМЛИ АНГАРСКОЙ

В.Я. Заборцев

В канун праздника иконы Казанской Божьей Матери шуга на Ангаре шла уже так плотно, что «курочке негде клюнуть». Значит, в течение суток река встанет. Семьи ждут выхода охотников из леса...

Афанасья легла посумерничать, когда услышала тихое ржание лошади и стук в ворота.

– Пашенька, пойди-ка посмотри, приехал кто, может, отец вернулся?

Сын, не одеваясь, выскочил из избы. Скрипнули ворота, прошуршали по двору сани. Павел вбегает в избу с криком:

– Мама, там тятя!

У Афанасьи зашлось сердце – что-то неладное. В саних лежал мёртвый, уже остывший, Василий, муж.

Так Афанасья Фадеевна осталась вдовой с тремя сыновьями: Степан – четырнадцати лет, Гавриил – одиннадцати лет, Павел – восьми лет. Семья жила в достатке, Василий вёл хозяйство рачительно: земли и скота было немного, так, чтобы обеспечить себя, и со всем управлялись своими силами.

Первую посевную сыновья провели самостоятельно, под руководством матери, но год выдался неудачный: урожай плохой, хлеба хватило лишь на зиму, но семян не было. Пришлось Афанасье ехать в Кежму, к своим. Она была родом из зажиточной семьи Горюновых. Семенами обеспечили, и жизнь пошла своим чередом.

– Надо, мама, расширить посевы, – выдал старший сын, – не дело каждый год занимать или выпрашивать семена.

И сыновья начали отвоёвывать землю у тайги. Так шли годы, росли и мужали сыновья, росло и крепло хозяйство. Посевы достигали двадцати десятин, увеличилось поголовье лошадей для обработки земли.

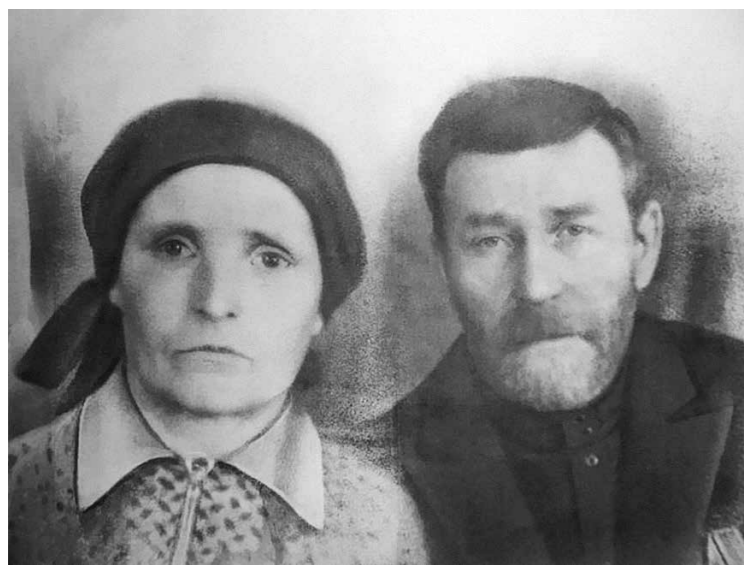
По окончании уборки хлеба Степан уходил на Ленские прииски заработать денег. На первые заработанные деньги купили жатку-самосброску – первую в деревне. Гавриил был неплохим охотником: пушнину сдавал купцам – всё шло в единые руки, матери. Позднее, таким же образом, в складчину с Ивановскими купили конную молотилку.

Сыновья переженились – семья разрослась, отцовский домик был небольшой. Между прочими делами пристроили к дому прируб. Жили одной большой семьёй. Всем руководила умная и мудрая Афанасья Фадеевна. Все три невестки беспрекословно выполняли каждая свои обязанности по дому.

Когда старшие братья уходили на заработки, в доме оставался младший Павел. Он во всём имел хозяйственный подход. Любил животных и особенно лошадей. Часто донимал старшего Степана:

– Что у нас за кони? – спрашивал он. – Стыдно в люди выехать: ни виду, ни тяги у них нет. Надо менять породу. И коровы величиной с овечку, и удой ложками меряется. Зря корм едят.

До Степана дошло. Осенью надобывали под порогом Аплинским красной рыбы, забили несколько голов на мясо, нагрузили два воза рыбы, мяса, масла, и Дворецким трактором Степан с Гавриилом ушли в Тайшет торговать. На вырученные деньги купили молодого

Степан Васильевич и Анастасия Харитоновна Сизых. П. Недокура Кежемский район. 1953-1954

водовозную лошадейку и были вывезены на болото, в тайгу, затем – уже на берег реки, у Косой шиверы, и там, вместе с другими раскулаченными, построили посёлок Косой Бык.

В эти годы организовывался Кежемский леспромхоз, и все трое братьев пошли туда работать. Гавриил с Павлом стали речниками. Гавриил был одним из первых капитанов судов и отработал за капитанским штурвалом тридцать лет, без аварий, что случалось нередко на мелководной Ангаре. Степан Васильевич остался работать в леспромхозе: работал вальщиком, лесовозчиком на лошадях.

Всем известно: лесоповал – тяжёлая и опасная работа. Лес валили лучковыми пилами: снимали с себя телогрейки, оставались в нательных удлиненных рубахах (чтобы при наклоне не оголялась поясница), и через несколько минут работы от спины шёл пар. Так работали стахановцы. По мере убывания здоровья и сил, работал плотником, готовил снаряжение для плотов (сплав леса): воробные доски, рей, шпонки и т.п. Особого мастерства требовало изготовление лесовозных саней с подсанками, способных выдержать груз (три-четыре кубометра сырого леса). Степан Васильевич готовил их круглосуточно, уже в мастерской, и обеспечивал многие лесоучастки.

Руководство леспромхоза высоко оценивало труд Степана Васильевича. По итогам каждой пятилетки он представлялся к правительственным наградам: награждён был орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», медалями «За трудовую доблесть».

Уже будучи старым, далеко за семьдесят лет, приболел. Впервые в жизни потребовалась медицинская помощь. Была распутица, и в районную больницу можно было доставить только самолётом, по санзаданию.

Главврач упёрся:

– Не могу дать санзадание: больной не транспортабелен, не ясный, острый сердечный приступ.

Я обратился во «всемогущий» райком партии. Первый секретарь, Терёхин Григорий Ильич, вызвал главврача и говорит:

жеребца-двухлетку, кобылицу и породистого бычка. Павел чуть ли не спал во дворе. Жеребец карей масти был гордостью. Со временем у многих крестьян в деревне появились карие жеребята и телята новой породы.

Но недолго семья пользовалась результатами селекционной работы. Приближалась коллективизация, мужики понимали: хозяйство большое – надо делиться. Одновременно начали строительство двух домов, построили на скорую руку вместе с хлевами, навесами, амбарами. Но не успели, жить в них никому не пришлось.

Однажды погожим мартовским днём всё было изъято. Сами погрузились на свою же

– Позор и стыд нам будет, если не спасём орденосца, у нас их не так уж и много. Так что, думай.

Санзадание было подписано.

Со своей женой, Анастасией Харитоновной, они воспитали пятерых детей (из них четыре дочери) и помогли вырастить внуков. Как и большинство ангарцев, Степан Васильевич был заядлым рыбаком. Слава Богу, рыбы в Ангаре было много и разной. С четырнадцати лет он стал стержнем большой семьи: вначале только одной своей, а затем и семей всех своих детей.

Для меня он был образцом твёрдого мужского характера, великого трудолюбия и выносливости, образцом честности, светлой чистоты и высокого достоинства.

Он прожил всего лишь семьдесят восемь лет, всё-таки не выдержало его «большое» сердце. Все мы прозываемся «Стешины»: так ласково – Стеша – называла его мама, Афанасья Фадеевна, с малолетства и до конца дней.

Всё наше большое семейство хранит о нём светлую память.

Красноярск, апрель 2016

Общий вид на п. Косой Бык. Кежемский район. 1979. Фото А.Г. Журавлёва

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

В.Я Заборцев

Холодный осенний ветер дохнул в лицо Сергея, за спиной гулко стукнула дверь проходной тюремного заведения. Он глубоко, до боли в груди, вдохнул свежий воздух.

«Неужели всё? Свобода?» – вопрошало его сознание. Шёл сентябрь 1944 года, здесь он провёл долгих двенадцать лет. Он стал считать, сколько же ему лет. Посадили его в 1932 году – ему было сорок два года. Стало быть, мне сейчас пятьдесят четыре года? Это что? Много? Мало? Нет! Будем жить!

Сердце бешено заколотилось в груди, защемило в груди, в памяти пронеслись годы, прожитые в родном доме с детства и до ареста: жена Евдокия Ивановна, брат Андрей... Как сейчас им живётся? Где Яков – приёмный сын? Идёт война, и Яков наверняка там, воюет, жив ли. Писем Сергей не получал, и сам не писал, судом он был лишён права переписки. Своих детей у них с женой не было. «Не дал Бог», – вздохнул Сергей. Якова им передал брат Андрей, после смерти его жены у него осталось шестеро детей, Якову было одиннадцать лет. Официального усыновления не было, просто так, по-свойски, решили братья.

Некогда было предаваться воспоминаниям и раздумьям, жажда жизни гнала вперёд. По наезженной дороге дошагал до железнодорожного разъезда, вскочил на подножку последнего вагона товарняка, проходящего в Иркутск. Городов он в жизни не видал и, конечно, с любопытством ко всему присматривался. Так, ворочая головой по сторонам, он дошёл до берега Ангары, почувствовал близость дорогого для него мира, расслабился – захотелось есть. Достал из мешка сухарь чёрного хлеба, помочил в реке, перекусил. Это всё, что съел он за целый день. В насыпи, у моста через реку, обнаружил нишу непонятного для него назначения, там было сухо и не доставал ветер – в ней он провёл ночь.

С рассветом пошёл вниз, по течению реки, придерживаясь берега. К полудню начался пригород с частными домостроениями и огородами. На пологом склоне Сергей заметил: женщина с двумя детьми-подростками копает картошку. Она склонилась над полем на широко расставленных ногах, её движения быстры, она умело, привычно выкладывает рядками картошку, а дети ведрами относят её к мешкам.

Немного понаблюдав, подошёл к изгороди, крикнул: «Бог в помощь!». Женщина медленно расклонила, тыльной стороной ладоней отбросила с лица свалившиеся тёмные волосы, подбоченясь, прогнулась в пояснице. О Боже, как давно он не видел женщины! На него смотрело красивое женское лицо, широко открытые карие глаза, густые чёрные брови. Всё в ней было красиво: и движения, и родная ангарская, с растяжкой, речь.

– Хорошо бы ещё кто-нибудь, кроме Бога, помог. – отвечала женщина. Вытирая руки о передник.

– У меня времени много, могу и помочь, – ответил Сергей.

Женщина подошла ближе к изгороди:

– Кто такой будешь? Не здешний ты.

– Не здешний. Мой дом далеко отсюда. Там, далеко, – указал рукой вниз по реке.

Женщина оказалась словоохотливой, разговорились, и Сергей, соскучившись по человеческому общению, рассказал, кто он, где его дом и семья и что он намерен добраться до дому плавежом вниз по реке.

– Ой, парень, далеко ведь, сколь километров, двести, триста?

– Больше тысячи километров.

– Что ты, парень, река замёрзнет, не доплывёшь, погибнешь.

– Не погибну, места жилые, везде есть люди.

– Может, ты отдохнёшь немного у нас, места в доме много, баню истопим, отмоешься от тюрьмы-то.

Сергей замаялся: баня, тёплый деревенский дом – озноб мелкой дрожью прошёл по спине, сколько лет он мечтал об этом.

– Хозяин-то как посмотрит на это, я же каторжанин.

– Нету у меня хозяина, похоронка пришла ещё в сорок втором.

– Ах ты, беда, прости. Как зовут-то тебя? Я – Сергей.

– Дарья, – ответила женщина.

Разговор ненадолго прервался. Она с интересом рассматривала незнакомца, рассуждая про себя: «Худой... Давно небритый, усталый, пожилой человек. Лет шестьдесят ему, наверное, но глаза живые, приветливые... Добрый, видать, человек. Господи, за что страдают люди? Ведь не вор же он, не убийца – двенадцать лет каторги! Можно с ума сойти...».

– Ну, пойдём, обогреем тебя, отдохнёшь.

Глубоко вздохнув, Сергей перешагнул через изгородь, вошли во двор. Большой крестьянский дом, сарай-навес, баня, хлев, всё по-хозяйски прибрано, небольшой запас дров. Про себя Сергей заметил, что на длинную сибирскую зиму количество дров надо бы устроить.

– Садись, пообедай с нами.

Сергей не стал отказываться, поднялся, перекрестился на угол с иконой, присел к столу. Свежая картошка, малосольные огурцы, грибы – рыжик. От запаха закружилась голова, потемнело в глазах. Справился – отошло.

– Костенька, позови бабушку.

Из-за печи вышла пожилая женщина – свекровь. Харитина, так звали женщину, проявила немалый интерес к судьбе Сергея, и ему пришлось всё заново рассказать.

– Господи, – взмолилась женщина, – сколько можно изводить свой народ. Раньше хорошо не жили, а сейчас война всё до конца довела. Тяжело, Сергей, живёт народ. Мужики все на войне, остались старики да дети, работать некому. Лонись хлеб убрали не полностью, завалило снегом. Живём огородом да рекой, налогами задушили деревню, уже мало кто держит скотину. Но надо доживать как-то, погнали немцев-то, может, скоро и конец войне-то, дал бы Бог.

– Баня готова, – доложил Костя.

– Идите семьёй в баню, я пойду позднее, а сейчас мешки с огорода занесу в сарай.

В бане он помылся, попарился берёзовым веником, лёг отдохнуть и не заметил, как уснул, проснулся уже затемно. В доме слабо светило одно окно, его ждали... Переступив порог, упал на застеленную у двери лавку и уснул за смертью, как никогда в жизни не спал. Проснулся, когда семья уже работала на огороде, а на крыльчке дома Сергея встретил крепкий мужик лет семидесяти. Поздоровались. Оказалось, это сосед – Ефим Карпович.

– Мне бабы всё рассказали, лихое дело ты задумал уплыть самосплавом до дому. Проплыть можно, но времени на это уже нет. Октябрь подходит, а там – пуга, ледостав, и всё, конец пути.

– Мне всё известно, но выбора у меня нет, в кармане у меня – одна справка об освобождении, и больше ничего. Выход один: домой, к семье, и только рекой и самосплавом. Всё это я продумал ещё там, в тюрьме, запасся тёплым бельём, робой, ботинки армейские – почти новые, небольшой запас сухарей. Может, осень будет долгой да тёплой, успеть доплыть до кежемских деревень, там уже легче будет, реку я знаю.

– Да, вижу я, тебя не остановить. Раз так ты решил – надо спешить, ещё и потому, что время тревожное: война, загребут по новой. Поможем тебе, чем можем. Возьми одну из моих лодок с вёслами и багор, дам топор, пилу. С Дарьей соберём чего-нибудь из продуктов, бабы отдадут тебе старый зипун, но он ещё крепкий и тёплый.

Сергея задушили слёзы благодарности, с трудом проговорил:

– Спасибо, люди добрые! Как мне вас благодарить?! Останусь жив – до смерти за вас молиться буду.

– На лодке доплывёшь до Падуна, порог обходи горой, лодку подтащи на берег, может, кому и пригодится. А дальше – плот, если лодки не найдёшь. Удачи тебе, мученик, с Богом.

Ефим легонько толкнул лодку. Сухая, она качнулась на волне, течение подхватило её. Ефим с берега, а Дарья с семьёй с огорода, махали вслед руками.

Первые сутки плавания стояла сухая, тёплая погода. Сколько проплыл, Сергей не знал. С рассветом миновал какую-то деревушку и решил перекусить. Развязал рюкзак и, кроме съестного, обнаружил тёплые зимние рукавицы-коколяды, большой моток бечевы, волосяную скрученную рыболовную леску и коробочку с крючками разной величины. Снова с благодарностью вспомнил Ефима: с голоду не пропаду, будет ещё и свежая рыба.

Но хорошего всегда много не бывает. К вечеру подул холодный встречный ветер, пришлось налечь на вёсла, чтобы продвигаться вперёд. В отдельные дни приходилось пережидать ветры на берегу, разводя небольшой костёр, чтобы вскипятить горячий чай. С рассветом – снова на вёсла, так пошли день за днём. Сергей потерял счёт времени. Вдруг как-то неожиданно потеплело, пошёл снег, затихли ветра. Это дало возможность плыть дальше от берега, где течение быстрее, и ускорить движение, но Сергей спешил и вёсел не бросал.

К половине октября он проплыл много мелких деревень и несколько городских поселений. Падунский порог услышал по приближающему шуму. Как и говорил Ефим, лодку оставил, с большим сожалением, набросил рюкзак, прихватил багор и пошёл горой. Обойдя порог, спустился к реке и с удивлением и радостью увидел выброшенный на берег паром, на котором переплавляли какую-то гусеничную технику, о чём говорили следы гусениц. Паром был крепко сколочен скобами и болтами из сухого бруса и лафета. Сергей быстро сообразил, что лучшего материала для плота не найти, придётся крепко поработать и, не теряя времени, взялся за дело. Плот получился на славу: лёгкий, маневренный, поставил на него две чурки, найденные на берегу, получился стол и стул. Сергей повеселел: всё же есть Бог на свете!

На этом плоту он проплыл Илимский район и всё многоостровье уже Кежемского района. В условиях ветров плот имел преимущество перед лодкой: он не подчинялся встречным ветрам, упрямо шёл по течению. Шуга началась в деревне Аксёново, резко похолодало, появились крепкие забереги, плот обрастал льдом, становился тяжёлым и менее послушным. Весь путь до посёлка Косой Бык Сергей хорошо знал: впереди Аплинский порог, короткий по продолжительности, но очень крутой по спуску и характеру.

Силён и коварен Аплинский, могуч и горд своей непокорностью. Каждый, кто проходил его, испытывал чувство страха перед ним, и торжества и уверенности в себе после его покорения. Того это удовольствие стоило! Немало жизней поглотил этот монстр, немало судов и судёнышек распорол он на своих камнях. Каждого водителя судна, подошедшего

Аплинский порог на Ангаре. Кежемский район. Фото А.В. Брюханова

к порогу, охватывает чувство беспокойства и волнения. Нетрудно понять, какие чувства испытывал Сергей, подплывая к порогу, – он знал его характер...

Судовой ход пролегает посередине реки, но небольшой проход есть у самого берега слева, его и выбрал Сергей для прохода плотом. В случае опрокидывания или развала плота, есть шанс выпрыгнуть на берег. Расстояние от порога до посёлка всего-то тридцать километров, летом это расстояние проплывёшь за шесть-семь часов. А сейчас? Хватит ли полного дня? Шуга идёт так плотно и медленно, кажется, река вот-вот станет. Пешком ему не дойти, и нового плота он уже не сможет сделать. Силы его иссякли, мороз сковал его, промокшая одежда покрылась льдом. Решение одно – идти в порог на плоту. Мелькнула надежда, что плотная шуга уменьшит волнение порога.

К порогу поднесло в раннее утро.

– Спаси, Господь-Батюшка, – перекрестился Сергей.

Закинул за спину рюкзак, где было сухое бельё и запасная тюремная роба, широко расставил ноги, упёрся багром в плот, превратившийся в большую льдину, и... плот свалился в поток. Вода хлынула на плот, но плот устоял и всплыл, поровнялся с бушующей шугой и пошёл своим ходом, близко прижатый к забереге. Успокоившись, Сергей сел на чурку (вторую снесло), снял ботинки и сырые портянки, обмотал ноги сухим бельём из рюкзака, встал на ноги. То, что он остался жив, взбодрило его и придало сил. День прошёл в борьбе с наседающим льдом, шуга становилась всё плотнее, давила его к забереге. Ход реки почти остановился, но там, недалеко, в морозной дымке, показался посёлок – тот, к которому он стремился. Вечерело, и на Сергея навалилось какое-то спокойствие, и он, кажется, задремал.

Очнулся и, совсем рядом, близко, видит женщину. Она проверяет снасти, расставленные на налима. Протёр заиндеветшие ресницы и, кажется, он сходит с ума: он узнаёт

в женщину свою родную сестру Варвару. Хотел окрикнуть, но получилось какое-то мычание, собрался с силами и «Варюх-х-ха-а» прохрипел Сергей. Женщина крутит головой, слышит голос, но никого не видит. С большим трудом она увидела глыбу льда, похожую на человека. «Братка!» – закричала женщина и помогла Сергею перебраться на заберегу, на родной берег. Крики и причитания Варвары услышали люди на берегу, подошли и повели Сергея в дом Варвары.

Варвара жила на окраине посёлка. В этом же доме, за стенкой, жила и Анна – старшая сестра Сергея. Не надо было никого оповещать: весть о возвращении Сергея облетела посёлок сама по себе. В считанные минуты дом Варвары окружили жители посёлка, они стояли стайками, по три-четыре женщины, все разводили руками и удивлялись, как мог Сергей в такую стужу проплыть на плоту в шуге и не замёрзнуть.

А в доме Варвары сёстры и племянницы снимали с Сергея мокрую, мёрзлую одежду, растирали его спиртными настойками, медвежьим топлёным жиром, приводя его в чувство, и он медленно оттаивал. И, кажется, произошло чудо: Сергей не обморозил ни руки, ни ноги, все пальцы были целы, и не было признаков обморожения.

Евдокия к дому Варвары летела с разметавшимися по плечам волосами, с широко распахнутыми руками, как молодая лань. Перешагнула порог дома и на коленях поползла к Сергею, истошный крик «Се-рё-жа» огласил дом и прилегающие улицы. Она беспомощно опустила свою голову на колени мужа, и всё её тело сотрясилось от рыданий. Объятия, целования и слёзы заняли достаточно много времени. Никто не смел первым начать какой-либо разговор, все чего-то суетились, ходили из комнаты в кухню и обратно.

Спустя некоторое время успокоились. В доме были только близкие родственники. Сергей и Евдокия – рядышком, и большинство родственников сидели за накрытым столом. Все приняли по чарке спиртного. Лицо Сергея разгорелось нездоровым румянцем, глубоко ввалившиеся глаза широко открыты и ошалело осматривают всех присутствующих. Он обратил внимание на двух дочек брата Андрея, позвал их к себе.

– А что братка Андрей? Он дома?

Повисла долгая тишина, все замерли на своих местах. Тишину нарушила Евдокия:

– Нету Андрея, Серёжа. Забрали ещё в 38-м году, многих забрали, погрузили в илимку, уплыли вниз по реке – и всё.

Сергей уронил голову на стол, на подставленные кулаки, и долго так сидел молча, словно ожидал новых сообщений. Удары посыпались на его голову один за другим.

– Яша погиб. Похоронка пришла в 43-м, – продолжала Евдокия, – жена его с тремя детьми переехала в деревню Алёшкино. На Николая Андреевича было сообщение – пропал без вести. Ивана Андреевича арестовали следом за тобой, в 32-м, и тоже о нём никаких вестей.

Сергей медленно расклонился, поднял мокрое от слёз лицо, обвёл всех спокойным взглядом, тихо проговорил:

– Значит, весь род извели, один я остался, – расправил спину, откинулся на спинку стула, запрокинул голову, и всё его тело затряслось.

Перед утром Сергея и Евдокию проводили до дому. Спал Сергей беспокойно, часто вскакивал, кричал в бреду. Через день его увезли в больницу. После обследования приговор был жестоким: туберкулёз в тяжёлой форме. Пошли годы тяжёлой битвы за жизнь, которая продлилась всего девять лет. Сергей скончался в 1953 году...

Такова цена за девять лет жизни на свободе.

Красноярск, 2018

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В СИБИРИ

И.Н. Заборцев

В детстве Алёнка была за старшую после матери, всё хозяйство она вела худо-бедно. А в хозяйстве были и коровёнка, и овцы, и за малыми ребятами надо было присмотреть.

В 1908 году (двенадцати лет от роду) она ездила с отцом на лодке на Сенной остров, что стоял против деревни, там у них был покос. Оставалось немного сгрести копен, а то, не дай Бог, пойдут дожди – останешься без сена. Вот и позвал отец Алёнку на подмогу.

Сгребли, сметали, получился небольшой зарод, да припозднились и пришлось переночевать у зарода. А назавтра утром ещё кое-что подгребли. Когда солнце подсушило траву, стали собираться домой. Отец – на корме, Алёнка – в гребях. Не доехали до своего берега метров сто, Гавриил схватился за правую щёку, как от ожога. Глянул вверх, а там – второе солнце: катилось оно быстро, под сиверную сторону. И только причалили к берегу, так громыхнуло, подумали, светопреставление. В некоторых домах лопнули стёкла. Впоследствии они уже узнали от учёного мужика [Л.А. Кулик], который проезжал через Кежму, что пролетел и упал метеорит, севернее Кежмы километров триста-триста пятьдесят.

Шестнадцатилетней Алёну выдали замуж. Николаю тогда было девятнадцать лет. Молодые любили друг друга. На поля ли, на рыбалку ли ездили чаще всего вместе. В первый или во второй год замужества Алёна с Николаем поехали ставить самоловы на красную рыбу (стерлядь). Якоря были обвязаны корягами. В тот раз получилось, чуть не утонул Николай: бросая якорь, зацепился за него рубахой и вместе с якорем пошёл ко дну. Что пережила Алёна за то время, пока его не было и он не появился на поверхности... Рубаха прочная, холщовая, скоро не порвать, и стал Николай задыхаться, как он опосля рассказывал. Однако родился он под счастливой звездой – как-то ему удалось отцепиться.

Второй раз ему ещё горше досталось. Пошёл с родственником, Александром Ивановичем, на охоту. Алёна отвозила их на вьючных лошадях до зимовья. Обратная ехала одна, привязав лошадей уздами за хвост впереди идущей лошади. На обратной дороге было какое-то странное предчувствие, подозрительно закололо сердце, но она не придавала значения, а беда случилась страшная. Нет, не с ней. Алёна доехала домой нормально, а вот Николай с Александром чуть не погибли.

На охоте случилось вот что. Пробыли они там до поздней осени, собаки начали вязнуть в снегу, пора было возвращаться домой, а до дому – не близкий путь. Накануне они сходили ещё на охоту, добыли по две-три белки. Пришли в зимовьё, стали собираться домой. Завтра чуть свет надо выходить. Наступили уже холода. Александр затопил печку, поставил на неё ведро с маслом: надо было растопить, вымыть, что осталось, домой унести.

Николай стал считать шкурки белок, соболей, освещая берёзовой лучиной. И надо же такому случиться, что маленький уголёк с треском упал в то место, где был охотничий провиант. И тут так бабахнуло, что они не успели ничего сообразить. С зимовья слетел потолок, а их выбросило на снег. Через некоторое время очнулись.

– Александр! Ты живой? – окликнул Николай, услышав невдалеке стон.

– Николай, что делать будем? Замёрзнем.

Дело аховое: обгорели мужики, сил не было, и боль мучила. Подползли друг к другу – всё же умирать вместе легче. Собак позвали к себе – всё потеплее. Рассветало.

Глянул Николай на Александра и не узнал его: лицо распухло, глаз не видать – одни щелочки. У Николая так же, к тому же Николай сожёт спину: был он ближе к пороху, где бабахнул взрыв, вот ему и досталось боле. Стали советовать, что делать далее. Решили: гнать собак от себя, чтобы бежали домой, а там сразу поймут, что с ними что-то случилось, если собаки вышли из лесу без охотников, тогда и подмога подоспеет. Но собаки не оставляли хозяев одних, упирались, не шли, а только выли. Помучились так до обеда, кое-как начали двигаться. Знали, что в двух-трёх километрах от зимовья шла санная дорога, по которой ангарские мужики ездили в Оскобу и Ванавару.

Поползли они к этой дороге, может, кто и подвезёт, если встретится, а нет, значит, такой наш век. Ближе к вечеру доползли до дороги. Тихо в лесу, только сучья трещат от мороза. Всё тело ныло, горело, видно, поднялась температура. Хватали снег обожжёнными губами, чтобы унять жар.

– Что ж, Николай, прощай! Что было плохого, не вспоминай.

– Что ты, Александр, держись, всё равно кто-то проедет.

И тут услышали скрип санных полозьев – в морозном воздухе далеко слышно. Подождали. Стихло. Наверное, померещилось. Через некоторое время из-за поворота показалась первая лошадь, запряжённая в кошёвку, за ней ещё несколько везли поклажу на санях. Поравнялись с нашими мужиками. Те взмолились:

– Дядя, будь милосерд, отвези нас в Кежму.

Глянул обозчик: лежат два тунгуса на снегу, глаза – щёлки, лица распухшие, обгорелые.

– Вы кто? – спрашивает. – Тунгусы?

– Кежемские мы. Я – Николай Турухановых, а он – Александр Костиных.

На этом потеряли сознание. Заволок мужик их на сани и скорее погнал в Кежму. Привезли их чуть живых. Началась борьба за жизнь мужиков.

***

В этот год урожай выдался на славу. Убирали всем миром – от мала до велика. Ребята постарше кидали снопы на гумно. Мы, не разгибая спины, жали серпами пшеницу. Овёс убрали раньше. Семён Андреевич, глава семьи, был доволен.

– Нынче мы с хлебом, – говорил он, садясь за ужин.

Семья была большая, одних только взрослых – десять человек, да ребяташек тоже около десятка. Невестки кухарили по очереди. Больше любили, когда была неделя Алёны.

Семён Андреевич обратился к сыновьям:

– Вот уберём всё с поля, начнём строиться. Тебе, Николай, и Василий, надо строить дома. Гаврил, ты как? Здесь остаёшься или всё-таки собираешься в Туру?

– Поеду, отец, в Туру. Подзаработаю деньжонок, потом и строиться буду.

– Нет, негоже так, сыновья. Кто семьями будет строить дома, лошадёнки останутся с нами.

Всю зиму заготавливали лес, вывозили на лошадях – Кургане и Пегашке. Остальных лошадей – Копейку, Мухомора, Гнедко – занимали в других хозяйствах: надо воды привезти, дров, навоз вывезти из конюшен. Всю зиму работали с радостью, чтобы заготовить лес для строительства. Рубить стали уже на следующую зиму. В ноябре сыновья Семёна Андреевича вышли из лесу, где были на охоте и хорошо добыли пушнины.

Семён Андреевич засобирались в Канск: сдавать добычу. Путь не близкий – на лошадях без малого 800 километров, но не впервой это было. Каждую зиму, как сыновья выходили из лесу с пушниной, он ездил в город, а ближе не было скупщиков этого товара. Накладно это было: расстояние немалое, да и отдавали за бесценок. А что делать? Всё же какой-никакой доход.

На вырученные деньги покупали инвентарь для хозяйства, да и надо сахарку, конфеток, соль, спички купить, да мало ли в семье какая нужда имелась. Опять же и наряды к праздникам Христовым надо. Из города Семён Андреевич всегда привозил всем, без исключения, подарки: бабам – платки или материю на платье, невесток не обижал, а ребятам сладости вёз. Встречали его всей семьёй, высыпав на улицу: кто лошадей распрягал, кто из саней поклажу выносил – для всех дело было.

Вечером за ужином Николай, старший сын, похвастал:

– А мы, батя, сруб срубили, завтра будем ставить строила. Думаю, за эту зиму один дом будет готов. Никанор уже сделал косяки и рамы.

Так за три зимы мы поставили дома. Всем хотелось поскорее отселиться, уж больно тесно было в отцовском доме. Сыновья и их жены хотели жить самостоятельно, своим хозяйством. Предварительно уже разделили коров, лошадей, овец. Николаю досталась одна корова Чернуха да кобыла Копейка. Рад был Николай: Копейка приносила здоровых жеребят.

Василий выбрал себе Кургана – ломовую лошадь. А Гавриил отказался от всего, всё собиравшись уехать из дому. Как ни бился отец с ним, ничего не мог сделать. Гавриил забрал свою жену Агафью и укатил ещё дальше на север – на Нижнюю Тунгуску.

В мае 1929 года Алёна, жена Николая (мои родители), родила ещё одного малыша (Ивана, меня то есть). Ребёнок был больной, ночи напролёт изводился криком. Приходила бабушка Аграфена, наговор делала, водой окропляла, говорила: «Лихоманка на нём».

Думали, что Богу душу отдаст. Бог дал, Бог взял. Однако малец выжил, наперекор всему.

В тот год стали поговаривать о коллективизации. Правда, толком никто не знал, что это такое. По слухам, всех соберут под одну крышу: и людей, и скот, весь скарб. Тревожно на душе стало у сельчан. Размеренная, налаженная столетиями жизнь кончается. Что будет? Что ждёт? У кого не было за душой ничего, живущих одним днём, по пословице: «Бог даёт день, Бог даёт пищу», – да те, у кого здоровье не блестяще для работы, а детей в семье, как в садке мокчёнов, тем было всё равно. А середнякам больно было расставаться с годами нажитым добром.

Семён Андреевич по натуре был общительным мужчиной. Он и на гармошке играл на гулянках по праздникам, был членом продкооператива, созданного при сельском сходе. И побалагурить, и посмеяться любил. Однажды с ним приключилась вот такая оказия. Будучи в Канске, шёл он поздним вечером по улице. А в то время было не спокойно, шалил всякий сброд, грабили, были случаи, и убивали за понюшку табака. Идёт, значит, он по тёмной улице Канска, а навстречу – три образины и к Семёну Андреевичу:

– Давай выкладывай, что у тебя в карманах.

Скумекал Семён Андреевич, что дело – дрянь. Деньги за проданную пушнину были при себе. Но быстро у него созрел план. В одном кармане полушубка у него лежал замёрзший полкалачик. Недолго думая, выхватывает он его и, как револьвер, наставляет на бандитов.

– Пристрелю, гады!

А в темноте-то не разобрать, что у него в руке. Те и дали тягу. Долго мы вспоминали в семье этот случай.

***

К 30-му году семейные дома уже были готовы. Все были рады. Алёна и Ефросинья, невестки старших братьев Николая и Василия, загадывали к весне, в мае, когда потеплеет, переходить в новый дом. Но не суждено было сбыться их мечтам.

Как-то в начале марта Семёна Андреевича вызвал к себе председатель РИКа Г. Рубцов. Забеспокоились в семье: по какому поводу вызывают, вроде, ничего плохого не делали. Семья была трудолюбивая, трезвая, разве по рюмке-две выпивали в праздники, но, чтобы напиться до чёртиков, – никогда! Никогда не буянили, жили тихо, воды не замутят. «Почему вызывают?» – запричитали бабы. Глава семьи иногда был и крут:

– Хватит причитать! Советская власть народ свой не даёт в обиду. Живём не за счет других: что есть, всё заработано своими руками. Вот они, мозоли-то, не сходят с рук.

И отправился он в РИК. Не так далёк путь до центра села, однако много передумал он. Как сиротой взяли его к себе бездетные Культочины, жил в их семье, как сын родной. Но не родные есть неродные. Пришёл он к ним уже смышлённым парнишкой и не мог забыть родную мать, которая ушла из жизни рано, оставив на свете двоих малышек. Брата Никиту забрали в Заимке, где они жили с родителями. Его же увезли за сорок километров, в большое село Кежда. Вспомнил, как женился на Насте, как невзлюбили приёмные родители Настёну, особенно сама Культочиха. Всё понукала: там не так сделала, здесь не то поставила. А однажды уехал Сенька за сеном на Большой остров, к вечеру возвращается. Обычно его встречала в ограде Настя с первенцем Николкой, а тут не вышла. Заколотилось сердце у молодого мужика. Забегает домой:

– Где Настя?

Из кути голос хозяйки:

– Ушла к своим, насовсем.

Быстро сбросил сено с саней, взял за рога корову и лошадь, которые были приданым Насти, и уехал к тестю. Так и прожил в этом доме многие годы. Настя родила шестерых сыновей и дочь. Когда дети были малы, бедствовали, а подросли ребята – из года в год стали поправлять хозяйство. Работали от зари до зари, и к тридцатому году семья не знала нужды.

И ещё вспомнилось ему, как в 20-м году карательный отряд под командованием есаула продвигался по Енисею и Ангаре к Иркутску. Основные силы Колчака отступали по магистрали. Были отряды, которые бежали от красных водным путём. В Кежду они прибыли днём и начали искать коммунистов и сочувствующих им. Нашёл среди жителей и наводчик – пустой мужичонка Миша, по кличке Шалекин. Он приводил белогвардейцев в те дома, где имелось оружие. Пришли и к Семёну Андреевичу.

– Показывай, где хранишь оружие?

– Вот, висят на стене, на виду.

– Ты мне зубы не заговаривай! Где винтовка?

– Какая винтовка? Вот всё, с этими берданками мы на охоту ходим.

Перерыли всё в доме. Но, если нет, так что найдёшь.

Однако забрали Семёна Андреевича и старшего сына Николая, увели к церкви, где белогвардейцы чинили расправу плетями, на концах которых вплетены были металлические гайки. Избили до полусмерти обоих: отца и сына, спины были кровавыми, живого места не осталось. Провалились они до заморозков. Лечили их маслом да травами. Зажило, но рубцы остались до самой смерти. Вот и размышлял по дороге Семён Андреевич, что не должны с ним и его семьёй плохого сделать.

Сбил снег с ног у крыльца, зашёл в избу. Председатель РИКа был человеком душевным. Много он повидал на своём веку, знал и нужду, сам батрачил на богатеев. Но в этой глухомани видел он, что здесь люди другие, чем в центральных районах. Вечная борьба с суровым климатом не озлобила их, они были душевнее, добрее, помогали друг другу. Знал председатель РИКа, что раскулачивать здесь, в вверенной ему местности, почти некого. Но он был ставленником бедняков, а среди них были горлохваты на чужое добро. Вот и не мог он ничего сделать по совести. Сверху давили: «Давай план!».

– Зачем вызывали?

– Знаешь ли, Семён Андреевич, тебя раскулачивают.

– Что я – богатей какой, эксплуататор? Работаем только сами, своей семьёй. Прорыду не даю сыновьям и невесткам. За что?!

– Бедняки так постановили.

Председатель взглянул сочувственно в глаза посетителю.

– Куда бы ты хотел переехать с семьёй?

– Да что же такое! Неужели обязательно переезжать? Примите в колхоз!

– Нельзя. Ты считаешься не бедняком.

– Ну, тогда у меня есть пашня на Большом острове. Там и домик есть. Будем жить.

– Нет. Тот остров, и всё, что на нём есть, – хозяйство колхоза. Давай, собирайся! В апреле – последний срок.

***

Нагрянет беда – не знаешь бежать куда. В марте 30-го года описали всё имущество, дома сыновей, родительский дом – всё перешло государству. Инвентарь, лошадей, коров и всю остальную живность передали колхозу «Красный пахарь». Месяц жили не дома, а в людях. Оставили одежку да из хозяйства по мелочи, чтобы обосноваться на новом месте.

В один из апрельских дней на лошадях Семёна Андреевича, которые ему уже не принадлежали, повезли их вниз по Ангаре за 70 километров в небольшое стойбище, где был всего один барак да небольшой огород под картошку и овощи. Таких кулаков было там ещё три семьи.

В добрые времена ехать по Ангаре в апреле – одно удовольствие. Солнце пригревает, санные дороги покрыты ледком, лошади без труда везут любую тяжёлую поклажу. А теперь не до радости – едут в неизвестность.

Днём стало припекать, на дороге образовались лужи. Ребятишки сидят в плетёных коробах. Мальчуган лет четырёх с испугом поглядывает на эти лужи, а его дяде, шестнадцатилетнему Гошке, всё нипочём: он будто едет к родным, в гости. Подъезжают к очередной луже, он кричит четырёхлетнему племяннику:

– Андрюшка, опять «синее море»!

А тот плачет и причитает:

– Кака ты наша жизнь, лешаковая доля, опять «синее море».

Был в том коробу и годовалый ребёнок, Ванюшка. Алёна, мать их, вся почернела от горя. Да не лучше её были все остальные, кроме Гошки. Ему хоть бы что! Всё шутит.

***

Алёна вышла замуж за Николая из очень бедной семьи. С восьми лет жила в няньках у родственников, в деревне Фролы, что стоит на острове. Такое часто практиковалось в деревнях, если семья не могла прокормить детей. А с четырнадцати лет Алёна была в семье уже за старшую: мать её умерла при родах, родив Ромку. Парнишка выпал, а матери не стало. Загоревал Гаврила, отец Алёны, но сколько не горюй, а жить надо. Вон их сколько, открытых ртов, надо прокормить и поднять. Так Алёна до своего замужества не видела ни дня, ни ночи. Только и увидела свет, пожив в семье Семёна Андреевича. Правда, работы там было невпроворот, но она с малолетства привыкла работать. Зато не смотришь на кусок хлеба: то ли сегодня съесть, то ли на завтра оставить. Да, недолгой была сытая жизнь. Вот едут и не знают, что завтра будет.

На место ссылки приехали только к вечеру следующего дня. К ночи похолодало. В бараке не жарко, в окошках нет стёкол. Мужики взялись затыкать дыры, заготавливать дрова. Затопили печку. Немного стало жильём пахнуть, кое-как переночевали. Взрослые

Алёна (в центре) с невесткой, сыновьями и внуками. 1950-е

не спали совсем, а ребятшек закутали во всё, что было из тряпья.

Утром колхозники, привозившие семью, стали собираться домой. Все высыпали на улицу. Страшно было смотреть на лица оставшихся. До сих пор их связывали с прежней жизнью лошади, на которых их привезли сюда. Они были им родными. И вот их уводят!

Как жили все эти три года на новом месте, знают только они. Бывало всё: и хорошее, и плохое, плохого, правда, больше. Забывались в работе. Прикопали к огороду ещё делянки, садили там картошку, овощи. Хлебом снабжал ОРС: привозили раз в неделю. Стали привыкать и обживаться здесь. Человек, если он не лентяй да здоровый, везде проживёт.

Три года прошли не как один день. У Николая с Алёной родился ещё сын – Валя. Стала семья из шести человек, четверо деток. Ребята росли смирными, всего боялись. Видать, от взрослых передался страх: клеймо «лишенцы».

Однажды приехал к ним представитель от крестьян ближнего колхоза с приказом.
– Вам нужно уезжать отсюда. Земля отводится нашему колхозу.

И опять закрался страх в душе, тревога, неизвестность. Снова повезли их, ещё ниже по течению Ангары, через пороги и шивера, до места Косой Бык. Это название дали и будущему посёлку спецпереселенцев. Место в лесу, жилья нет, надо было самим строить. И опять взялись за работу мужики и бабы. Сначала вырыли землянки-временки. Благо, лето, можно там жить до первых заморозков. Строили дом шесть на восемь на две семьи, а в каждой семье одной ребятни по пять-шесть человек. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Жить можно.

Посёлок стал разрастаться: пригнали ещё спецпереселенцев из других мест России и Сибири. Были украинцы, евреи, русские, татары, поляки – собрали почти весь Интернационал. Образовали сельхозартель «Власть Советам». Всем работы не хватало в артели – большинство мужчин ушло в леспромхоз и на транспорт.

Тяжело переживали исконные земледельцы, что родную землю им уже не обрабатывать, не сеять, не жать и хлеб не убирать. Собирались по вечерам и вспоминали прежнюю жизнь. Группы собирались по своим деревням, их так и называли: привалихинские, фроловские, савенские, соколовские, усольские, селенгинские, пановские, кежемские и пр. Всех остальных, кто не с Ангары, звали трактовскими, наверное, от слова «тракт».

Андрей Семёнович со старухой Настей и младшими сыновьями жили в одном доме с семьёй сына Василия, перегороденным на две половины, на верхнем краю посёлка Косой Бык. Николая с семьёй, шесть человек, поселили с Андреем Митрофаным Быковым.

Алёна работала в сельхозартели, а Николай ходил на илимках по Ангаре: вывозили из района в город пшеницу, мясо, рыбу, а привозили разные продукты, промтовары. Работал он вместе с братом Василием и младшим братом Гошей, которому в то время было девятнадцать лет. Работали почти без отдыха, приезжали домой ненадолго и опять уходили в рейс.

В то время не было ни катеров, ни теплоходов. Тянули илимки по-бурлацки, бечевою: идут по берегу человек десять, у каждого – лямка на плече, и тащат, как тягловые лошади, выдыхаясь изо всех сил. А питались в те времена не ахти как.

Вот и случилась беда. Позарились братья на государственное добро: взяли по ведру испорченной пшеницы, промокшей на барже. Кто-то увидел это дело и донёс на них.

Старшим братьям, Николаю и Василию, дали по десять лет, а Гоше – шесть лет. Нашлись «добрые люди», посоветовали Гоше писать кассацию. Так, мол, и так, виноваты во всём старшие братья, я тут ни при чём. Внял Гоша советчикам, написали ему кассацию, приходит пересуд: сравняли срок с братьями до десяти лет. Увезли троих сыновей Настасьи и Семёна Андреевича отбывать срок в 1934 году.

***

И началась горемычная жизнь женщин – «соломенных вдов». Ефросинья, жена Василия, осталась одна без мужа с пятью детьми, и у Алёны, жены Николая, четверо на руках. Вскорости Алёну с малыми ребятами выгнали из той половины, где они жили. Весь дом занял сосед Андрей Митрофаныч, глазом не моргнул, не пожалел детей малых. Жаловаться некому: кто смел, тот и всё съел.

О том времени много лет спустя написал один из её сыновей, Андрей Заборцев, пусть и не совершенное, но выстраданное душой стихотворение:

Село над быстрою рекою,
Куда сослали мать, отца.
Да, трудно было нам порою –
Лишеньям не было конца.
Отцу грозила смерть, тюрьма
За чашечку ржаного колоса,
А мать осталась с четырьмя,
И в 30 лет – седые волосы.
Что прожила, перетерпела,
Так хватит горя на двоих.
Сказать в артели слов не смела,
Потоки слёз без выходных.
Без выходных и на работе,
И дома некому помочь.
В те годы ты была в заботе,
Не хватит дня – прихватишь ночь.
Чтоб прокормить детей ораву,
Своих силёнок не жалела.
Тебе бы орден дать по праву,
Да разве в ордене суть дела.
Мне горько, трудно вспоминать,
Как ты ходила на подёнку.
Так извини, родная мать,
Что мы кричим тебе вдогонку.
Просили есть, разинув рты,
И, плача горькими слезами,
Но на работу торопилась ты.
Дамоклов меч висел над нами.

После выселения Алёны из своего дома поселили её с детьми в половине другого дома. Жили, как могли. Дети подрастали. Старшая дочь Александра помогала по дому, училась в школе. Второй сын, Андрюшка, который при переселении кричал: «Лешакова ты наша

жизнь!», – тоже учился. Учился хорошо, хоть и недоедали. Алёна, как могла, тянула лямку жизни. Как бы трудно ни было, ни одного ребёнка не сунула куда-нибудь с глаз долой. Всех поднимала, учила.

Выгнали из дому и во второй раз. На этот раз за неуплату жилья: не было денег, чтоб заплатить. Переезжать было легко, так как из вещей были только подушки да одеяла. Собрала своих детей, как курица цыплят, и отправилась к председателю артели Толстоброву проситься в казённое жильё. Хоть и кулаки они были, но советская власть не оставила семью под открытым небом. Дали комнату в огромном бараке, где в одном крыле – четыре квартиры, в другом – столько же, а середина барака была отдана под интернат.

В то время посёлок Косой Бык был культурным центром в районе. Была школа-семилетка, выстроен новый клуб вместо старого Нардома, новая больница, баня. Другие семьи, где были мужики, жить стали лучше. Повеселела жизнь в посёлке. По воскресеньям молодёжь устраивала игры, гулянья. Жизнь брала своё. В клубе показывали первое немое кино. Народ валил в клуб, всем хотелось посмотреть на чудо: на стене двигались люди, как в жизни. Ребятам тринадцати-четырнадцати лет просили киномеханика покрутить динамо, лишь бы увидеть хоть малые отрывки.

В 1937 году с Косого Быка забрали мужиков и повезли их в Архангельскую область железную дорогу строить. Рассказывают, баржа, на которой их везли, затонула в Енисейске. Спасся только один.

*Ефросинья с невесткой и внучкой Любой.
Г. Пермь. Начало 1970-х*

Алёна и Ефросинья работали в бане водовозами и банщицами. Каторжная была работа. Зимой, все обледенелые, возили воду на лошади с Ангары, из проруби. Надо было начерпать оттуда воды в бочку, подняться в гору, привезти в баню и снова вычерпать в кадки. Пятница и суббота были банные дни. В остальные дни недели работали в поле летом, а зимой было труднее с работой. То коноплю мяли, сучили из неё верёвки. Весной, как только сходил снег, женскими бригадами корчевали пни, вырубали лес под новые поля. Первое время на этих полях нельзя было пустить сеялку – пенёк на пенёке, поэтому сеяли вручную. Да и по посёлку идёшь по улице, расквасишь нос, если заглядишься на небо. Так и случилось с одним из детей Алёны – Ванюшкой. Пошёл он тогда в первый класс, в год 1936-й. Проходил неделю, да нелёгкая понесла его в школу другой улицей. Завернул головёнку наверх и бряк об землю. Прибежал домой весь в крови. Обмыли, успокоили. Однако упрямец не пошёл больше в школу, хоть убей. Наталья Николаевна, учительница его, домой приходила. Не помогло. Отступились. На следующий год пошёл опять в первый класс.

Вот так и жила Алёна, маялась. Подрастали ребята. Дочь Шура и старший сын Андрей помогали летом в артели. Муж Николай изредка писал письма из заключения. Выучился там грамоте. Был он в городе Свободном, где-то за Читой. Сообщал, что раз даже был в Красноярске, сопровождал грузы, стало быть, был бесконвойным.

В 1938 году, в мае, Николая досрочно освободили за хорошую работу. Пробыл он в заключении 4 года. А родной брат его, Василий, остался навеки в Красноярской тюрьме. Как говорили, проколол он там ногу ржавым гвоздём, пошло заражение – и конец. Другой, младший брат Гоша, отсидел десять лет на Колыме, от звонка до звонка. Не заезжая домой, два года пробыл на фронте. Прибыл в родные края в тридцать два года и без зубов – все потерял в колымских лагерях.

После освобождения Николай вернулся на Косой Бык. Добирался домой пешком из Тайшета, по царскому тракту. Алёна по возвращении мужа как будто скинула десяток лет: есть теперь кому заступиться, и у самой сил прибавилось. Семья стала жить намного лучше. Николай не остался в артели, а пошёл работать в леспромхоз. Его ценили за золотые руки. Работник он был – дай Бог каждому: по плотницкому ли делу, печь ли сложить, научился за те четыре года перелистывать книги и грамотёшкой по тем временам не был скуден. Как-то Андрейка, старший сын, выполнял уроки по арифметике. Задача из пункта А в пункт Б не давалась решению, да и на самом деле она была какая-то заковыристая. Бился он долго над ней. Отец отдыхал после бани.

– Что, Андрюшка, не получается? Ну-ка, прочитай, прочитай.

Андрей думает: где уж тебе. Отец задумался и через какое-то время говорит ответ правильный. Недожинные способности были в этой голове, которая не кончила ни одного класса.

***

Через некоторое время семья нашла подходящее жильё, и до самой войны зажили не хуже других. В Алёниной жизни мало было лёгких дней, проблеснут, как заря, и потухнут. Сейчас, когда семья стала жить нормально, что-то сосало под ложечкой, болело сердце, предчувствуя беду. Вроде и не было причин для беспокойства, однако тревожно было на душе. Старшая дочь Шура окончила десять классов и стала работать учительницей младших классов в глухой деревушке. Вроде пристроена, а материнское сердце обо всех болит. Николай Семёнович приезжал к семье раз в неделю, по воскресеньям, а потом его перевели дальше от посёлка, и стал бывать ещё реже.

В сорок первом году, в конце февраля, родился заскрёбыш, назвали Василием. А в июне началась война. До войны молодых парней из посёлка спецпереселенцев не брали в армию как неблагонадёжных кулаков. А в 41-м и 42-м подчистили так, что до сорока пяти лет мужика и не увидишь. Николая Семёновича в армию не взяли по брони как кадрового рабочего, было ему в то время сорок шесть лет. Всё реже и реже стал приезжать он домой, объясняя загруженностью работой. Да, в то нелёгкое для страны время так и было: «Всё для фронта. Всё для победы». Долго тянулись эти четыре года. Казалось, не меньше десяти лет длилась война, хоть и был глубокий тыл, не рвались снаряды там, однако все жили только надеждой победы над врагом.

Первые похоронки пришли уже в 41-м году. Младший сын Андрея Семёновича, Артемий, ушёл на войну в 1941 году и как в воду канул, а было ему от роду двадцать лет. Был ещё сын Фёдор, тот пошёл по учёной части. Ещё до раскулачивания выучился Фёдор на учителя и работал долгие годы, до выхода на пенсию, в Канске. Война не обошла стороной и его: служил на фронте офицером. Гаврила, который уехал до раскулачивания в Туру, пришёл с войны без ноги, весь израненный, контуженный. Не было в эту войну семьи, не потерявшей своих близких и родных.

Сердце-вещун оправдал долгую тревогу Алёны. В 1943 году забрали в трудовую армию семнадцатилетнего сына Андрея. Ночью, зимой, как заключённых, собрали ребят и повезли за тысячу километров на лошадях в Подтёсово. Там был затон на реке, и заставили их отдалбливать пароходы ото льда. А летом, исхудалые, измождённые

от непосильного труда, от жестокого отношения начальства, он с двоюродным братом Иваном, отец которого скончался в тюрьме, сбежали домой. Все тысячу километров они шли пешком: где по тайге, где берегом реки. Местами были выставлены посты для поимки беглецов, некоторых из них вернули обратно, кто знает, как сложилась их судьба. «Счастливики» добрались до дома чуть живые.

Неоправданная жестокость по отношению к молодым, пусть от начальства или старших в армии, никогда не приносила добрых результатов. И не надо списывать на войну. Если бы к молодым, семнадцатилетним ребятам, начальство относилось бы по-отечески, никто бы не побежал.

***

Трудные годы войны оставили отпечаток на жителях посёлка. После войны уже не было ни праздников, ни игр, ни гуляний, как прежде до войны. Да и некому было гулять. Молодые, кто ушли на войну, немногие вернулись с неё.

Трудно было, но тянулись ребяташки к знаниям. Андрюша закончил десять классов в районном селе Кежме, откуда был сослан с семьёй как кулак. Эти три года в Кежме достались ему трудно. Прирабатывал, где можно, по хозяйству: дрова колот, огород копал. Андрей окончил десять классов круглым отличником, тянул на золотую медаль. Однако в медали отказали – сын кулака.

За тридцать километров от Кежмы, на левом берегу Ангары, приютилась деревня Аксёново. В эту деревню и отдали замуж дочь Семёна Андреевича Матрёну за Степана. Хоть и не было в их семье лишнего, но тётка Матрёна подкармливала племянника Андрюшку. Окончив десять классов, решил он учиться дальше: подал заявление в Томский институт, где проучился учебный год. На лето приехал домой. Мать родная не узнала его: до того был худ – одна кожа да кости. Стал учительствовать, сорвалось его учение. Женился. Появился сын Вовка.

В семье Алёны что-то раскололось. Николай стал всё реже и реже приезжать домой. Стали «добры» люди Алёне передавать, что есть у него какая-то женщина на стороне. Не верила Алёна, надеялась на лучшее. Но в 47-м году, в марте, плюнула на всё и сказала младшим ребяташкам: «Поехали к отцу!». Думала, что дети остепенят его. Про себя же говорила: был бы молодой, а то ведь под пятьдесят! Молодым не ходил на сторону, так сейчас решил наверстать.

Собрались в путь. Корова, кормилица и поилица, была за лошадь. Запрягли её, в санки поклажу погрузили да семилетнего поскрёбыша Васятку и поехали. Шестьдесят километров протащились за два дня. Николай проживал в заезжем доме, но ночевал там редко: присушила его одна вдова, у неё проводил свободное от работы время. Заезжий дом встретил тишиной: ни скрипнут ворота, ни собака не залает.

– Здесь Николай Семёнович проживает?

– Да. Числится здесь.

И поведала сердобольная дежурная по дому, что к чему. Переменилась Алёна в лице. Загорелись глаза диким гневом.

– Не скажешь, где квартирует?

Дежурная поспешила объяснить, как найти нужный дом.

Оставила Алёна младших на попечение сторожихи, а сама с Иваном отправилась искать правду-матку. Откуда силы появились, как будто и не шли они в этот день тридцать километров по морозу! Им бы после такого перехода в тепле прикорнуть, отогреться да отдохнуть от усталости. Нет, надо узнать всё до конца, испить всю чашу горя.

Нашли дом. Постучали.

– Входите.

Как увидел Николай Семёнович жену и сына, словно остолбенел.

– Вы откуда здесь?

– А всё оттуда. Ты-то что тут делаешь?

Как разошлась Алёна, загнала мужика на печь. Поднялся тут крик. Одна кричит:

– Как тебе не стыдно бросать семью?!

Другая:

– Николай, что это такое?

А как увидела разлучница у парня нож в кармане, заревела лихим матом:

– Беги, вызывай милицию! У парня нож!

Да какая тут милиция поможет, самим надо разбираться, надо бы сына припугнуть.

– Да, Ванюшка, достойны мы этого, – вымолвил отец.

И присмирел парень, обмяк, обошлось без поножовщины.

Переночевали уже все в заезжем доме. Назавтра сходила Алёна к начальству. Нет, не жаловаться на Николая, просила работу для себя и детей, которые постарше. Так и устроилась она на месяц, в четырёх километрах от деревни, в коровник.

***

В ту весну 47-го года ледоход начался рано. Отпраздновали Первомай, как могли, а со второго на третье мая, утром рано, ещё затемно, кто-то вышел по нужде, открыл дверь и угодил в Ангару. Подошла Ангары к самому порогу и стала заливать первые ступеньки. Раздались крики: «Вставайте! Потоп!». Соскочили люди с постелей, заспанные, не знают, за что хвататься. Однако мало-помалу пришли в себя и взялись выносить из барака свои пожитки. Шестнадцать дней уровень воды на Ангаре стоял высокий. Бараки, штабеля леса плавали на воде. Как могли, запеленговали их тросами, чтобы не унесло по реке. Шестнадцать дней жили взрослые и дети под открытым небом. А май в Сибири в ночные часы не такой, как на юге: частенько просыпались с инеем на ресницах.

Прилетали самолёты бомбить Ангару. Образовался затор изо льда и перегородил реку, как плотина. Шестнадцать дней измученные люди работали в ледяной воде до изнеможения, чтобы сберечь заготовленный за зиму лес, – тысячи кубометров первосортной ангарской сосны. Сохранили. Ни одного бревна не унесло дикой водой. Наконец, река вошла в своё русло. Освободилась Ангары ото льда. Засобирались Алёна с детьми на Косой Бык. Что раскололось – не склеишь.

В ледоход Иван с братом Валентином переняли лодчонку и отремонтировали, как могли. Валька убежал пешком домой. А Алёна, Иван да маленький годовалый Вася и с ними «Дочка» (корова) опять поехали «Сибирь качать». В лодке – мать на корме, с маленьким сыном. Не дай Бог выпасти за борт! Ванюшка с коровой по берегу бечевой тянут. Золото, не корова. Она и за лошадь, и за бурлака.

Глухую шиверу подняли с трудом. Всё вытащили из лодки, братишку и корову оставили на берегу, а мать с Иваном, из последних сил, боролись с течением реки, тащили лодку. Подняли шиверу, погрузились – и снова в путь. Сказала мать сыну: «Нет у вас больше отца».

***

На новый учебный год Андрея перевели работать в Савино. Зимой переехали к нему остальные члены семьи. Деревня Савино и все верховые деревни Кежемского района стояли на островах. Берега матёры не были приспособлены для жилья. Первые переселенцы, облюбовав эти места, на них и поселились. Ловили рыбу, а это – главное питание ангарского жителя. Про них и поговорка была: ангарский мужик любит рыбку душну да кашку жирну.

Сын Андрей и его жена учительствовали, Иван работал в савинском колхозе, Валентин зимой учился, летом подрабатывал, а младший Вася уже кое-чем помогал. Алёна устроилась

уборщицей в школе. Зажили. Старший сын Андрей – Николаевич теперь. А как же его называть? Учитель! Пристрастился он летом к рыбалке. Стерлядь и всяка другая рыба у него из рук не выскальзывала. Кормили двух свиней, держали корову. Кормить есть чем. В ту осень только картошки накопили двести кулей, полное подполье засыпали.

После ненастья всегда приходит ясная погода. Так и в жизни – на одном уровне трудно прожить. Алёна за свою жизнь натерпелась много и, если выдавались добрые времена, радовалась не за себя, а за детей. К старости у неё выработалось такое мнение, что её дети всё делают хорошо и, если где-то не так, виноваты не они, а кто-то другой. Слепая материнская любовь. Но она не повлияла на её детей, не избаловала их, все стали хорошими людьми, простыми тружениками, честно работающими на своих местах.

***

Осенью 1949 года Иван, которому уже было двадцать лет, уехал на лесозаготовки от колхоза в Чекарму. Валил лес всю зиму, не выезжая. Весной, выполнив план работы, получил расчёт, убежал пешком за сотни километров домой с заработанными деньгами в кармане. В Кежме остановился в семье Василия Семёновича, где жили тётка Ефросинья, вдова родного дядюшки, младший их сын Шурка и Иван, которым было девятнадцать и двадцать три года. Все взрослые парни, при встрече у них и в мыслях не было купить что-то из спиртного. Иван купил на свои деньги тушёнку «Великая китайская стена», и этим отпраздновали встречу.

Другой раз смотришь: идёт сейчас какой-нибудь сопляк пьяным, не заработавший сам ни копейки, да ещё куражится. Его бы туда, в лес, от темна до темна поперечной пилой помахать! Другое было время...

В 1947 году всех жителей посёлка Косой Бык, бывших кулаков, признали реабилитированными гражданами страны Советов, и почти все переселенцы поужезжали в родные места. Осиротел посёлок. Впоследствии разобрали строения в дворцеком колхозе и рядом стоящем леспромхозе и перевезли к себе, на новые места, а оставшуюся часть пожгли на дрова. Так и закончилась эпопея кулаков. Сейчас на том месте построены новые дома из бруса химлесхоза, собирающего живицу.

По последнему пути, когда уже забереги водой наполнились, Иван вернулся из Савино в Кежму, устроился в Райрыболовпотребсоюз ходить на илимках. Продержался одну навигацию, а зиму пилил дрова. В марте 1950 года ушёл служить в армию. Проезжал те места, где отец в тридцатых годах отбывал срок за ведро пшеницы. Служить Ивану пришлось ещё дальше, на самом восточном краю нашей родины. Братья и мать ещё год жили в Савино, а потом перебрались в Кежму. Так завершился круг сроком в двадцать лет: откуда была изгнана семья, туда и прибилась снова.

Валентин окончил десять классов и поступил в лесотехнический институт, стал инженером. Поработал немного в Енисейске, перебрался в Башкирию и все годы жил там, работая начальником, и дошёл до директора предприятия. Умер 2 мая 2007 года.

Андрей окончил педагогический институт, факультет математики. Всю жизнь посвятил педагогике. Во втором браке было две дочери. Последние годы учительствовал в Свердловске. Умер 20 января 2001 года.

Вася тоже окончил десять классов, дальше учиться не стал. Работал электросварщиком. Имел двух сыновей. Скончался от рака лёгких в 2010 году.

Мать Алёна, когда Иван служил в армии, младшие, Валентин и Вася, были при ней. Её жизнь закончилась в 1981 году.

Иван прослужил три с половиной года и демобилизовался летом 53-го. В то время вся семья жила в Енисейске, туда и приехал он после армии. Проработал летом в транспортном отделе сплавной конторы, к осени уехал в Красноярск учиться на шофёра. Приглянулась ему эта специальность ещё в армии.

***

Вернулся Иван после учёбы в 1954 году в Кежму, с матерью и братом Васей. Выехали из Енисейска первыми катерами, по Ангаре ещё вверх не ходили. Они добирались на перекладных: из Стрелки до Богучан, из Богучан – на катере сплавконторы, которые завозили такелаж в Болтурино. Доехали до Болтурино – и стоп: уехать в Кежму не было никакой возможности. Иван с одним парнем отправились в Кежму пешком по берегу Ангары, а расстояние – сто двадцать четыре километра. Мать с Васей остались ждать попутных катеров. Как добирался Иван, можно было написать отдельный рассказ.

В Кежме жила старшая дочь Алёны Александра, со своей семьёй. В небольшой избушке набилось пять человек: сами, двое детей да ещё отец мужа. Иван первое время пожил у сестры, устроился шофёром на МТС. Здесь он встретил техническую трудность. Дали ему полуторку, которую давно уже надо было списать, приходилось ремонтировать её чуть ли не каждый день. Через некоторое время нашёл квартиру у молодой одинокой женщины с ребёнком, а потом Иван с Капой поженились. В 1956 году родился у них сын Лёня. Решили строить дом, старый был уже мал, да и возможность была у Ивана вывезти лес на машине, заготовленный ещё раньше. Стали строиться. Перешли в новый дом в 1960 году.

В это время Иван по зимнему пути ездил из Кежмы в Красноярск, возил запчасти для ремонта сельхозмашин. Бывали рейсы, что не выходил из кабины по десять суток. Дорог, как таковых, вовсе не было. А как заметёт метель, пробивались за ночь по два-три километра, не выпуская из рук лопаты. Как только вспомнишь об этом, жуть берёт!

В 1962 году, съездив два рейса в Красноярск, переоборудовал машину под лесовоз и стал возить лес. В один из мартовских дней, в субботу 22 марта, вся его жизнь изменилась после этого злополучного дня. При разгрузке леса с машины был он травмирован: перелом левой ноги, тазовых костей, разрыв уретры. Полгода провалялся в больницах: сначала в местной, кежемской, а после – в краевой и городской № 20, перенёс несколько операций. Выписался из больницы инвалидом. Инвалид второй группы в тридцать три года! Измучилась Капитолина с ним: не проходило ни одной ночи, чтобы не возобновлялись боли, тогда бежала искать лошадь, чтобы увезти скорей в больницу. Мало-помалу здоровье начало восстанавливаться. В 1963 году, в декабре, у них родилась дочь Оля. Через год дали третью группу инвалидности. Стал возить директора на газике.

Летом 64-го года приехали к нему в Кежму двоюродные братья – Александр из Перми и Иван из Свердловска. Стали уговаривать Ивана Николаевича переезжать в город, там, мол, легче жить: ни воды носить, ни дров заготавливать. Сами-то они уехали из Кежмы в 1954 году в Пермь, к их сестре Елизавете. Внесли смуту в душу Ивана. Съездил он в 1964 году в Свердловск, вступил там в жилищный кооператив, а в 1966 году всей семьёй переехали в этот город.

И.Н. Заборцев в период службы в армии. 1952

Родственники в гостях у И.Н. Заборцева. С. Кежма. 1964

Первые года Иван не находил там себе места. Родина есть то место, где родился и воспитывался. Он же родился на реке, вырос на ангарской воде, а теперь, вдалеке от родины, сожалел о прожитых годах: не о тех, что жил в лесу, любовался рекой, а о тех, что прожил в городе, где потерял душевный покой.

Мы не замечаем той красоты, что окружает нас с рождения: вроде, примелькалась, так и должно быть всегда. Думалось Ивану, что жить человек должен там, где родился, где корни его рода.

Только не стало его родины, ушли корни рода под воду, затопило водой с Богучанской ГЭС родные сердцу места ...

В Екатеринбурге похоронил свою жену Капу, в 2008 году. Остался один в своей кооперативной квартире, где проживает до сих пор, окружённый заботой и вниманием своих детей.

P.S. Пусть эти искренние воспоминания Ивана останутся в сердцах близких ему людей.

В настоящее время Заборцев Иван Николаевич проживает в Екатеринбурге. Его родители: отец – Заборцев Николай Семёнович, 1896 г.р., Заимка; мать – Елена Гавриловна Брюханова (1898-1981). Дети Николая Семёновича: Александра (1924 г.р., Кежма – 19.01.1979, Кежма); Андрей (1926 г.р., Кежма – 20.01.2001, Урал); Иван (13.05.1929, Кежма); Валентин (1933-02.05.2007, Уфа); Василий (1941, февраль, Косой Бык – 2010, Новосибирск). Дед и бабушка: Заборцевы Семён Андреевич (около 1877 г.р., Заимка – умер около 1946 года, Кежма), Анастасия (около 1877 г.р. – около 1952 года, летом, Кежма). Дети Заборцева Семёна Андреевича: Николай (1896 г.р.), Гавриил (1901 г.р.), Василий (1902 г.р.), Фёдор (около 1905 г.р.), Георгий (1914 г.р.), Артемий (1920 г.р.–1941, без вести пропал на войне). Семья Семёна Андреевича имела кличку «Туруханята».

Воспоминания передала Любовь Ивановна Заборцева, двоюродная племянница И.Н. Заборцева.

БИОГРАФИЯ ДЕДА

Д.Н. Деревянных

*Памяти
Григория Родионовича Деревянных*

«Родился 21 июня (по нов. ст.) 1900 года в семье крестьянина-бедняка, в деревне Савиной. Родители занимались ведением своего небольшого сельского хозяйства. Когда мне исполнилось семь-восемь лет, отец мой, совместно с матерью и мною, выехал на заработки на Ленские прииски, где с 1908 по 1918 годы работал рабочим-шахтёром в шахтах, тогда ещё ленских золотопромышленников. 21 января 1918 года отец мой умер в больнице после продолжительной болезни.

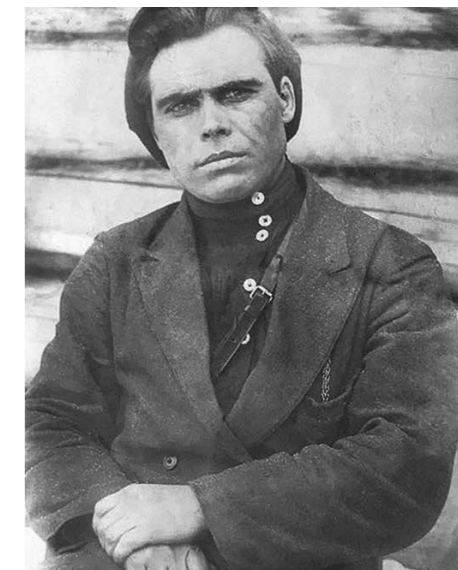
С 1909 года по июнь 1917-го, во время зимнего периода, я учился. За этот период, из-за переездов отца с прииска на прииск, я одну зиму не учился. Во время летних каникул, последние годы моей учёбы, я помогал отцу. Помощь моя была в том, что я таскал дрова, воду и выполнял прочие работы домашнего быта.

Окончил я четырёхклассное начальное училище, или, как его ещё называли, «городское». После окончания школы, в августе 1917 года, я поступил рассыльным в примирительную камеру бывшего Федосеевского прииска (ныне Артёмовский). В сентябре перешёл чернорабочим и стал выполнять разные работы при механических мастерских этого прииска. В ноябре поступил в слесарный цех, где проработал до момента ареста меня бандой атамана Красильникова 19 августа 1918 года.

В феврале 1918 года, при организации Красной гвардии на приисках, я вступил добровольцем в Федосеевский отряд, в котором пробыл до момента захвата белыми советской власти на Ленских приисках, где, как выше указано, был арестован, посажен в тюрьму и вывезен в село Усть-Кут на реке Лене, откуда отправился в свою деревню Савино на реке Ангаре.

В 1919 году проживал в Савино, работая у крестьян. С 1920 года до июня 1927 года занимался своим сельским хозяйством. В этот период также нёс общественные выборные должности, а в 1920 году, во время прохождения белых по Ангаре, участвовал в красно-повстанческом отряде, принимал один бой. В январе-феврале 1921 года по распоряжению волревкома был откомандирован агентом по продразвёрстке в Заимский и Алёшкинский сельские советы, по окончании – уволен.

18 апреля 1922 года был мобилизован Кежемским волревкомом на должность секретаря Фроловского сельского совета (после раскрытия контрреволюционной белобандитской группы), где проработал до марта 1923 года.

В 1924 году был избран председателем ревизионной комиссии Черновского общества потребителей Нижне-Илимского района, проработав до 1926 года. В 1926 году был избран председателем ревизионной комиссии Фроловского сельского Совета и, с переходом пайщиков Пановского общества потребителей (тогда – Интеграл), был избран председателем ревизионной комиссии указанного общества, где проработал до 1927 года.

В июне 1927 года поступил секретарём Фроловского сельского совета, где в декабре 1927 года был принят кандидатом в члены ВКПб. 30 сентября 1928 года, по решению Кежемского РК ВКПб, был командирован в распоряжение Кежемской районной конторы Госторга, от которой был направлен заведующим фактории Оскоба на реке Тунгуска (ныне Чунский район Эвенкийского округа). Проработав до апреля 1929 года, уволился по болезни.

В мае 1929 года РК ВКПб предложил мне начать работу по организации сельхозартели в моей деревне Савиной. В ноябре 1929 года я организовал сельхозартель из восьми хозяйств. Меня избрали председателем сельхозартели. В этой должности я проработал один год и два месяца. За это время в колхоз вошли все единоличники деревни.

В декабре 1930-го был избран председателем ревизионной комиссии Фроловского сельского совета. В январе 1931 года решением Кежемского РК ВКПб был командирован секретарём Фроловского сельского совета. Сельсовет объединял четыре колхоза. 20 апреля 1931 года Кежемским райисполкомом был кооптирован на должность председателя Фроловского сельского совета.

10 сентября 1931 года постановлением Кежемского РИКа был выдвинут на должность секретаря Кежемского райисполкома. В феврале 1932 года был послан на работу в Кежем-

Ангара, Малиновая протока. 2012. Фото А.В. Брюханова

скую КК и РКК на должность инспектора. В июне 1932 года послан на финансовую работу на должность инспектора мобилизации средств.

По решению Кежемского РК ВКПб 11 августа 1932 года направлен на учёбу в город Иркутск в Комвуз, на три года. В Комвузе я проучился до декабря и по болезни (катаральное состояние желудка) был отпущен в свой район. Во время пребывания в Комвузе нёс общественную нагрузку уполномоченного МОПРа и партийную – пропагандистом на заводе имени Куйбышева.

По прибытии в район (14 декабря 1932 года) Кежемским РК ВКПб, райполкомом выдвинут на должность народного судьи Кежемского района. Народным судьёй проработал до 6 апреля 1935 года. (Характеристика на судью Кежемского района Г.Р. Деревянных: «Политически развит слабо, с работой судьи справляется плохо. Решения суда формулирует политически безграмотно, оппортунистически. Пример: «Добытый потом и кровью колхозниками хлеб воровали кулаки с государственных амбаров». Когда т. Сталин сказал, что в Советском Союзе труд является честью, славой, доблестью, геройством. Подобных политических вывихов у него является масса. Ставим вопрос снятия с работы. Судьи в районе нет, просим выслать из края. Райкомпарт. Тарасов. Кежма. 28.03.1935 г.» – Государственный архив Красноярского края, Фонд 26 «Крайком КПСС», оп.10к, д. 1056, 4 л.).

С 1 июля 1935 года по 1 февраля 1936 года работал начальником Кежемской базы ГУСМП, ушёл по своему желанию, и 10 февраля стал работать инспектором госдоходов Кежемского райфо. С 1938 года работал заведующим Кежемским райфо, с 1939 года - секретарём Кежемского РИКа.

27 декабря 1939 года

(Государственный архив Красноярского края, ф. П 20 – Кежемский РК КПСС, оп. 4, дело 237, л. 6).

С августа 1941 года по октябрь 1945 года воевал в составе 1246 стрелкового полка 374-й стрелковой дивизии (командир транспортной роты) на Волховском, Ленинградском, 2-м и 3-м Прибалтийском фронтах. Награждён медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

После войны проходил службу в органах внутренних дел, в должности коменданта, до 10 сентября 1952 года. С 30 марта 1957 года по 3 августа 1959 года – заведующий центральной сберкассой села Кежмы.

Был дважды женат: на Усольцевой Евдокии Фёдоровне (с 1919 по 1935 годы), родили семерых детей (Лида, Лариса, Анна, Клеопатра, Евдокия, Геннадий, Николай). И на Привалихиной Варваре Андреевне (с 1935 по 1969 годы), родили троих детей (Альберт, Лиля, Михаил).

Адреса, по которым проживал в селе Кежма: улица Советская, дом 26 (в 1939-м); переулок Зверевский, дом 9 (в 1947-м); улица Партизанская, дом 21 (в 1960-м).

Умер 7 декабря 1969 года в Кежме. Перезахоронен в 2011 году в городе Кюдинске.

С КАКИХ БОГАТЫХ МЕСТ НАС СОГНАЛИ!

А.П. Панова

Наша деревня – Дворец Кежемского района Красноярского края – стоит на реке Ангаре и подлежит затоплению, как и многие населённые пункты района строительства Богучанской ГЭС. Сейчас эти деревни почти опустели.

Дворец – деревня небольшая, было дворов шестьдесят, – всего одна прямая улица образцового порядка и чистоты. Дома были аккуратные, около каждого дома – зелёные насаждения, изгороди палисадников покрашены. Дорога была отведена за деревню, а деревня обведена изгородью – жерди, вставленные в столбы. Летом, когда цвёл незабудковый луг, с самолёта его принимали за воду,

а деревню заполнял тонкий, нежный аромат. Всё это было, а теперь пришло в запустение. Я была там нынешним летом: жилых домов осталось пять или шесть, всё поросло травой.

С каких богатых мест нас согнали! В Ангаре ловили осетра, иногда килограммов по восемьдесят, стерлядь, хариуса, тайменя, окуня, шуку, ленка. В лесах была хорошая охота на зверя, а ягоды всякой – полным-полно, из грибов мы брали только грузди и рыжики, а остальные считали поганями. Крестьяне здесь всегда занимались хлебопашеством, скотоводством, промыслом. Ещё до революции молодые мужчины ходили на год – два на заработки на золотые прииски, ходил и мой папа, тогда ещё холостой парень (у нас сохранились фотографии с приисков).

На противоположном от нас берегу Ангары когда-то стояла деревня Монастырь с большой кирпичной церковью. В настоящее время ни деревни, ни церкви нет. Я помню церковь уже закрытой, а мама рассказывала, что раньше, в престольный праздник, в Крещение, наезжало столько народу, что, бывало, лёд на Ангаре трещал, когда святили воду, и люди выходили на реку. С закрытием церкви жители постепенно покидали Монастырь. Многие переселились во Дворец: у нас и пашни, и луга, а вокруг Монастыря был только лес. Пустую церковь постепенно разобрали: люди брали кирпич на свои нужды. Кирпич был крепкий, аж звенел, светлый, размером крупнее современного.

Во время коллективизации организовали колхоз, назвали его «Власть Советов». На колхозных полях выращивали рожь, пшеницу. Были фермы крупного рогатого скота, свиней, до войны были ещё и птицеферма (куры), и овцеферма.

В коллективизацию у нас, как и везде, шло раскулачивание. Раскулачили и нашу семью: всё конфисковали, выселили из дома, но никуда не сослали. Нас пустила на квартиру жена старшего папиного брата. Брат папы умер, а самого папы, мне кажется, в это время с нами не было: его арестовывали, а потом отпустили, но я, по малости лет, не помню, когда точно это было и в связи с чем. Позже, помнится, мама говорила, что отца не было дома месяцев десять. Он, как вспоминал двоюродный брат, вернулся худой и обросший, пришёл пешком по Тайшетскому тракту – тракт проходил через Дворец на деревню Червянку Иркутской области. Наверное, папу отпустили как бывшего партизана.

Причину нашего раскулачивания и то, как его проводили, уточнить сейчас мне не у кого, так как все мои родные уже умерли. А семья наша на тот момент была такой:

мама – Евдокия Гавриловна Рожкова (1902-1982), мой старший брат Николай Петрович Рожков (1920-1963) и я, Анна Петровна Рожкова (1925 г.р.). Хозяйства у нас большого не было. Двоюродный брат помнит, как трясли конфискованные холщовые половики.

В 1938 году, весной, по нашей деревне прошли аресты. Арестовали и моего папу, Рожкова Петра Васильевича (1896-1938). Арестовали дома, поздно вечером или уже ночью. Кроме отца, арестовали Попова Ивана Константиновича. Возрастом он был немного старше папы, примерно с 1890 года, где работал – не знаю (его дочь, Карнаухова Мария Ивановна, живёт в Саяногорске). Панова Петра Трофимовича, кажется, ровесник папы (примерно 1894-1896 г.р.), был рабочим леспромхоза у нас на лесопункте от Кежемского леспромхоза. Верхотурова Никона Васильевича, он был постарше отца (его сын, Верхотуров Степан Никонич, живёт в Красноярске).

Всех арестованных я не помню, только помню, ещё жили в нашей деревне два политических ссыльных, интеллигенты, откуда-то с Запада, с больших городов. Фамилий их не знала, только имена: Иван Иванович, уже пожилкой, брил голову, и Анисим Николаевич, был помоложе, ходил с нашими женщинами в лес по ягоды. Жили они за счёт того, что присылали родные (посылки, деньги), сами они не работали. Так вот, Ивана Ивановича и Анисима Николаевича тоже арестовали. Я это хорошо помню, потому что, когда они все сидели перед отправкой по этапу до Кежмы, а содержали их в одной из нижних комнат двухэтажного здания, бывшего тогда школой или клубом, и было их там много, то я, двенадцатилетняя девчонка, пролезла к отцу по какой-то щели у дымохода, и когда я появилась у них, Анисим Николаевич засмеялся: «Вот и Анютка к нам пришла!».

Вообще, они не унывали. Когда, я помню, плакала, отец говорил мне: «Ну, что ты плачешь, роднуля? Я ведь ни в чём не виноват: только до Кежмы, а там обратно вернусь». Но никто из них не вернулся. Ходили слухи, что их везли по Ангаре на илимках (большие крытые лодки, которые тянет катер), а потом, уже на Енисее, затопили.

Чтобы узнать, что же случилось с отцом, я обратилась в марте 1990 года с заявлением в прокуратуру и УКГБ Красноярского края. Мне ответили: «Ваш отец, Рожков Пётр Васильевич, 1896 года рождения (даты рождения не имеет), уроженец и житель д. Дворец Кежемского района Красноярского края, русский, гражданин СССР, беспартийный, грамотный, привлекался к уголовной ответственности дважды. Первый раз он арестован 23 апреля 1932 года. Обвинялся в том, что занимался антисоветской агитацией направленно и против коллективизации, высказывал угрозы отдельным колхозникам. Решением тройки полномочного представительства ОГПУ Восточно-Сибирского края от 16 февраля 1933 года Рожкову П.В. назначена мера наказания в виде десяти лет лишения свободы. По данной судимости Рожков П.В. реабилитирован прокуратурой Красноярского края 28 июля 1989 года, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов». Второй раз Рожков П.В. арестован 24 марта 1938 года Кежемским РО НКВД и привлечён к уголовной ответственности. Он обвинялся в том, что, являясь участником контрреволюционной повстанческой организации, принимал участие в нелегальных собраниях, на которых обсуждались вопросы о вооружённом восстании, среди населения распространял провокационные слухи о войне и свержении Советской власти, клевету на руководителей партии и Советского правительства. Решением тройки УНКВД Красноярского края от 14 апреля 1938 года Рожкову П.В. назначена исключительная мера наказания – расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 28 октября 1938 года в г. Енисейске Красноярского края. В связи с отсутствием документации установить место захоронения не представляется возможным. Постановлением Президиума Красноярского краевого суда от 21 июня 1958 года постановление тройки от 15 апреля 1938 года отменено, и делопроизводство прекращено за отсутствием в действиях Рожкова П.В. состава преступления.

Рожков П.В. – реабилитирован». «В связи с привлечением Рожкова П.В. к уголовной ответственности в 1933 и 1938 гг. имущество его не изымалось и не конфисковывалось».

Из этого письма мне было неясно, почему, получив по первой судимости десять лет лишения свободы, отец месяцев через десять вернулся домой. Чтобы это выяснить, я пошла в УВД. Там мне сказали, что в деле нет никаких других сведений, кроме тех, о которых мне было сообщено в письме. Я думаю, что папу освободили как участника партизанского движения во время колчаковщины: у нас сохранилась свидетельская справка об этом от 25 мая 1932 года, подписанная бывшими партизанами и заверенная печатью Дворцовского сельсовета. До этого времени мы ничего не знали о судьбе папы.

Когда началась война, где-то в течение года детей «врагов народа» (таким был и мой брат) и раскулаченных в действующую армию не брали, а с 1942 года стали брать всех, тогда призвали и моего брата.

Во время войны, в 1942 году, к нам во Дворец были высланы на поселение русские немцы. Они работали в колхозе, отличались трудолюбием. Их дети учились в нашей школе вместе со всеми. Вот кого из немцев помню: семья Бауэр (из них помню только Милю), семья Шмидт, Крип Александр (примерно 1920 г.р.); Андреас Андрей Иванович (примерно 1926 г.р.), его сестра Андреас Фрида Ивановна (примерно 1927 г.р.) и она же жена Андреаса Александра Петровича (примерно 1926 г.р.) – они однофамильцы с женой; сёстры Александра Петровича – Андреас Мария Петровна (примерно 1929 г.р.) и Андреас (в замужестве Павлова) Эмма Петровна (примерно 1927 г.р.). Из Андреасов Александр, Эмма и Фрида живут в Красноярске. Семьи братьев Флейшман – Мартына Христиановича и Роберта Христиановича – живут в Красноярске, купили кооперативные квартиры, выехали в связи с затоплением.

В 1948 году в посёлок Болтурино, основанный примерно в 1946 году на месте плотбища на берегу Ангары и приписанный к Дворецкому сельсовету, прибыли на поселение литовцы и грузины. Они сначала жили в бараках, потом построили дома. Болтурино стало крупным посёлком – здесь находилась контора Болтуринского лесопункта Проспихинского леспромхоза Кежемского района. С 1954 года я работала секретарём Дворецкого сельсовета, и поэтому многих помню.

Из литовцев помню: Науёкас Иван (примерно 1927 г.р.), Ланкутис Константин (примерно 1927 г.р.), Андреускайте Регина Антоновна (примерно 1940 г.р.), она ещё года два назад жила в Красноярске, работала в краевом аптекоуправлении, жила с отцом. Сестра её Дануте жила в Лесосибирске, была у них ещё сестра – Виктория, её судьбы не знаю. В Болтурино умерла от сахарной болезни молодая девушка Бабарскене (или Бабарските) Юра, красавица, смуглая, похоронили её на Болтуринском кладбище (в посёлке было одно кладбище, там хоронили всех умерших).

Из грузин, живших в Болтурино, помню: Напитворидзе Тит Калистратович (примерно 1915 г.р.), Шарашидидзе Измаил (примерно 1915 г.р.), Окрашидзе Тарас Георгиевич (примерно 1917 г.р.) – осуждён по 58-й статье, был членом партии, его реабилитировали и восстановили в партии (после смерти Сталина), у нас он избирался депутатом сельского совета. Тарас Георгиевич уехал в Тбилиси в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов. Переписывался с болтуринскими и однажды приезжал в гости, у него жена была русская – Анна Васильевна, женился он в Болтурино. Умер Тарас Георгиевич в семидесятые годы. Из Грузии ещё помню: Лордкипанидзе (женщина), Мамия, Гвилия (мужчины). Дети грузин учились тоже в русской школе и научились хорошо, чисто говорить по-русски.

После освобождения литовцы и грузины уезжали к себе на родину, а немцы разъехались кто куда, многие оставались до строительства ГЭС. Сейчас и посёлок Болтурино подлежит затоплению. Строят новый посёлок с таким же названием за шесть километров от Ангары, в тайге.

*Записала К.А. Дзюба,
Красноярское общество «Мемориал»,
апрель-сентябрь 1990*

«ВСЯ ДЕРЕВНЯ – ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ»

В.Х. Страшникова

«В деревне Рожково я жила тридцать лет. Самой распространённой фамилией была фамилия Рожковы. Односельчане мои были людьми трудолюбивыми, добрыми и отзывчивыми. Вся деревня – одна большая семья. Состояла деревня из двух улиц, был клуб, медпункт, где работала Варвара Ивлевна Богданова. Учились рожковские ребятишки в начальной школе, особенно мне запомнилась Галина Павловна Воронцова – учительница этой школы.

На крутом берегу стояли добротные дома, их было видно издали. Две улицы деревни назывались просто и понятно: Передняя улица и Задняя. Жители были объединены в колхоз, который назывался «Красная Звезда». Основные колхозные покосы были на островах, сено там заготавливали много, а главное, работали без сеток, потому что на островах нет гнуса! Названия у островов были такие: Большой, Тунгусский, Кочёглы. Остров Таловик располагался ближе к деревне Сосново. На покосы на острова ездили на лодках (на гребях) и пели. Песни разносились далеко по ангарской глади, было время отдохнуть перед работой, пока добирались до острова. После трудного сенокоса плыли домой на тех же лодках, уставали очень, но на любимые песни всё же хватало сил. Песни радовали душу и просветляли лица. Летом на острова вывозили коров, удои сразу же увеличивались, а доярки и ранним утром, и вечерами приезжали на дойку, а пока лодка добиралась до острова, женщины пели любимые душевные песни. Это были минуты вдохновения и отдыха, трепетной радости и раздумной печали. Все колхозные поля были рядом с деревней, под рукой, как говорят. Было хорошо и людям, и лошадям, работали и отдыхали на привычных местах.

В Рожково находился сельсовет, он был один на две деревни - Сосново и Рожково. Конечно, был и клуб, куда собирались люди всех возрастов. Там проводились собрания, концерты, танцы. Электричество и радио в деревне появились в середине шестидесятых годов XX века.

Многие жители Рожково сейчас живут в Заледеево, какая-то часть рожковцев поселилась в городе Кодинске. Каждый рад встретить односельчанина, потому что память о родном Рожково живёт в наших сердцах - это наши общие корни, это наша молодость, это наша малая родина.

В памяти Валентины Харитоновны остался Григорий Фадеевич Колшаков, председатель рожковского колхоза. При нём пришли первые трактора, это было ещё до начала Великой Отечественной войны. Её папа взял её с собой в кабину трактора и прокатил на железном «коне» – вот такое незабываемое событие было в жизни деревенской девчонки! Добрую память односельчан заслужил и Попов Василий Иванович, колхозный бригадир.

*Записано членами краеведческого клуба «Земляки» ЦДОД
(г. Кодинск)*

ДОМ КУЛЬТУРЫ В ПРОСПИХИНО

Г.А. Кузнецова

Я хочу рассказать о культурной жизни села Проспихино. Я помню клуб, который был в центре деревни, рядом была колокольня, где позже разбили сквер. Потом построили клуб на базе. Это здание было уже и просторнее, и уютнее. Здесь проводились все праздничные мероприятия ко всем знаменательным датам, здесь чествовали лучших работников села, демонстрировались кинофильмы (до четырёх сеансов в день), работали кружки художественной самодеятельности.

Конечно, культурная жизнь была наиболее высоко поставлена, когда построили новый Дом культуры на территории между базой и деревней. На этом месте были колхозные склады для хранения муки, а мельница – недалеко, чуть пониже. Этого события ждали очень. ДК стоял над речкой – красивый, двухэтажный, что, по сельским меркам, было замечательно. Строили, как говорится, «всем миром». Объявляли субботники, чтобы заготовить камни для бетонного фундамента. Камни брали из речки. Стены были брусовые. Здесь были задействованы местные мастера по дереву – Иван Ефимович Панов, Василий Иннокентьевич Попов, Степан Егорович Колпаков.

Проспихинский ДК был не только центром развлечений, но и центром всех мероприятий, которые проводили работники объединения «Кежмалес». Здесь проходили и большие конференции, и собрания, а также все избирательные кампании и даже публичные суды.

В этом же здании находилась библиотека для детей и взрослых. Читателей было много, ведь телевизоров тогда ещё не было, и все новости узнавали из книг, газет и радио. Библиотекарями в разные годы работали Нина Петровна Колпакова, Валентина Девяткина. Были отдельные комнаты для занятий кружков и репетиций. В фойе ДК располагался бильярдный стол. Мужчины не прочь были поиграть перед началом киносеанса или в выходные дни.

Юбилейный концерт в честь лесников.
П. Проспихино. 1979

По вечерам здесь звучала музыка, и были танцы под магнитофон или баян. А директором ДК многие годы был Леонид Григорьевич Колпаков. Я не знаю, было ли у него специальное образование, но то, что он смог сплотить вокруг себя много людей разных возрастов и специальностей, это факт.

Коллектив художественной самодеятельности (я говорю о шестидесятых-семидесятых годах) был не только интересным, но и живым. Люди приходили сами, кого-то мы приглашали. Готовили концертные программы на все праздники, ездили и в другие деревни с концертами. Летом – на катерах, зимой – на машинах,

Участники демонстрации. П. Проспихино. 7 ноября 1967 года

которые выделяли в леспромхозе, а, бывало, и на лошадях. Лесорубы и колхозники всегда тепло встречали выступления самодеятельных артистов. В основном, концертные программы включали в себя сольное исполнение (Надежда Коваленко, Галина Дубьяк, Екатерина Рукосуева, Галина Кузнецова, Владимир Привалихин, Николай Войкин, Валентина Воробьева и другие), сатирические сценки, художественное чтение и даже танцы. Всё это происходило в сопровождении вокально-инструментального ансамбля под руководством Романа Прокопьевича Ярыжко, позже – Леонида Ивановича Акулова. В его состав входили люди разных профессий: Анатолий Шелестюк – товаровед ОРСа, Анатолий Шевчук – рабочий. В сценках играли: заведующий центральным складом Адольф Васильевич Попов, Иван Павлович Гуржей, рабочий Владимир Косяков, парикмахер Валентина Бабашкина, медицинский работник Галина Кузнецова. В подготовке профессиональных праздников – День учителя, День медицинского работника - активное участие принимали учителя и медработники. Центром всего этого был Леонид Григорьевич Колпаков, директор ДК, умный, смешной, требовательный и внимательный.

Номера придумывали сами, искали в журналах, песни перепевали от знаменитых артистов, которых слушали по радио и кино. Однажды мы поставили большой спектакль, а это, в условиях сельского ДК, дело нелёгкое. Сами шили костюмы, делали декорации и, конечно, вживались в роли. И всё получилось!

Ежегодно принимали участие в районных смотрах художественной самодеятельности. Программы всегда были наполнены идейным содержанием, разнообразием жанров, культурой исполнения. И не раз занимали призовые места, и получали награды.

Летом с гастролями приезжали театры со всего края: Норильский Заполярный, Ачинский драматический, Красноярская филармония с концертом Галины Бобровской.

Жаль, что всё это не повторится. И только в памяти останется жизнь, самобытность, природа и наше село с его людьми...

Апрель 2017

ПОЕЗДКА ЛЕСНИКОВ

И.Ю. Бралкова

«Заря» осторожно перекачивалась на волнах. В салоне было шумно: не смолкали разговоры, иногда их прерывал неумолчивый, как выяснилось позже, гармонист, и затягивал тогда кто-нибудь песню. А потом главный организатор и почётный житель Проспихино Виталий Фёдорович Колшаков призвал к вниманию и поделился легендой о происхождении названия одного села: «Плыл казак молодой из Кежмы на плоту. У него было задание: пристать к берегу у речки Кежма и там начать обустриваться, но он проспал, проснулся только через десять километров от указанного места. Прозвали парня Проспихой, а село – Проспихино».

С цветами, хлебом-солью, песней – вечной спутницей таких встреч – «Величавая Ангара» встречали проспихинцы, в основном, женщины и дети, своих земляков, ветеранов. Слезы и радость от узнавания родных лиц:

– Пойдёмте в деревню.

– Да, подождите, я ещё не со всеми повстречалась.

– Вы меня помните! А так... – женщина снимает платок, мужчина отрицательно кивает головой, – ну вспомните, я ещё у вас тёлку покупала, – и, что вы думаете, вспомнил!

...Ветераны здесь пели и плясали. И местные бабушки помолодели на несколько десятков лет, от души стараясь развеселить и порадовать гостей. Всем пришлось по сердцу

Участники поездки на родину. Июль 1992

и такая задумка: свежей родниковой воды предложили хозяева испить из берестяного коробочка да подарили каждому узелок с горстью родной земли. Той земли, что вырастила, поставила на ноги этих людей, а они прославили её своим трудом и подвигами на войне. Чтобы рассказывать дальше, нужно вспомнить немного из истории.

В 1929 году в Проспихино был создан Кежемский леспромхоз, в районе к тому времени было уже несколько плотбищ – лесопунктов, которые вели заготовку и сплав древесины. В 1930-31 годах плотбища давали леса по тысяче кубометров, а в 1936 году – уже сто десять тысяч... Постепенно лесопункты оснащались техникой. Увеличился объём производства. С тысячи кубометров лесозаготовки выросли до 850 тысяч кубов в год. Многие рабочие были удостоены тогда высоких наград. В 1952 году четверо в крае были награждены орденом Ленина, из них трое – из Кежемского леспромхоза: возчик леса П.М. Емельянов, плотник И.Д. Пенькин, возчик И.В. Попов. Орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие» были награждены в тот же раз десятки других возчиков, плотников, лесорубов, мастеров Кежемского леспромхоза.

Среди них и мастер Иван Андреевич Акулов. Его судьба – это отражение судеб многих ветеранов. Иван Андреевич прошёл путь от рабочего до мастера, начальника сплавной конторы. С тринадцати лет ему пришлось работать, валить лес. Позже ему удалось организовать звено по приёмке леса с лесосек. И всё это – с утра до ночи. В 1942 году его взяли мастером лесозаготовок в Кюдинский лесопункт. А вскоре – призыв в армию. Вначале учёба на радиста, потом Калининградский фронт. С ротой связи стрелковой дивизии прошёл Акулов немало вёрст войны. Был дважды ранен, награждён орденом Отечественной войны и тремя медалями «За отвагу». В 1944 году под Ригой был ранен в живот, комиссован. На лошадях, длинной, нелёгкой дорогой вернулся в Кюдинскую Заимку. Женился на девушке из Проспихино. До 1975 года работал начальником сплавной конторы, правда, лет пять пробыл председателем профкома объединения «Кежмалес» (преобразованного из леспромхоза Кежемского). За всё время трудовой деятельности Ивана Андреевича сменилось двенадцать директоров. Особенно запомнился Михаил Васильевич Верхотуров. Рядовой солдат, радист, он стал вначале заместителем директора, потом и директором, своим, доморощенным. Про него говорили «душа – человек».

В это время был очень беден соцкультбыт в деревнях. За счёт средств ЛПХ было выстроено и оборудовано три клуба – в Проспихино, Недокуре и во Дворце. Выписывали костюмы, аппаратуру даже из Москвы.

Позже Иван Андреевич ушёл в сплавную контору, а потом – надо было определять свою судьбу, а будущее вдруг для всех в районе стало зыбким, и Акулов уезжает в Красноярск. Но и там его не забывали: как знатока, попросили вести набор рабочих для ЛПХ. За три года, с 1976 по 1979, он отправил три тысячи человек. А потом, как известно, леспромхозы были ликвидированы, на смену им пришло МВД.

Пусть не обидятся на нас те, о ком мы не скажем здесь. Возможно также, что те или иные факты, легенды кто-то бы рассказал по-своему, но давайте не будем забывать, что восприятие – вещь субъективная, и право на существование имеют разные взгляды, разные толкования. Мы разговаривали с И.А. Акуловым за щедрым столом, подготовленным проспихинскими женщинами (кстати, не раз благодарили их и главную хозяйку – главу администрации Проспихино О.Л. Марченко). А напротив нас сидел, к примеру, Михаил Георгиевич Брюханов. Вернувшись с фронта, он работал директором Заимской школы, потом преподавал историю. Но жизнь заставила сменить работу, и... он ушёл в леспромхоз, где и проработал двадцать семь лет. Начиная рабочим нижнего склада, закончил – мастером.

Отплывала от берега «Заря». Остались там, у реки, проспихинцы. А наш путь лежал дальше – в Болтурино. Но, по просьбе ветеранов, теплоход приставал в Рожково

и во Дворец. Во Дворце поднялись все к старому, заросшему травой памятнику. Подошли и к родному дому Михаила Андреевича Панова, тоже – заброшенному, с пустыми глазами окон, прогнившими досками надворных построек. Скрипела на ветру дверь в нежилом уже доме, наворачивались слёзы на глаза ангарца, замерли ветераны, слушая Алексея Фёдоровича Карнаухова, который читал свои стихи:

Вхожу во двор, родной до боли.
Сверкает, искрится роса.
Ограда, как пустырь у поля,
Травой – бурьяном поросла...

Подъезжали к Болтурино. Николай Ильич Усенко, который до войны работал в Кежемском ЛПХ мастером сплава, а после войны – диспетчером Дворецкого лесопункта, не мог усидеть последние метры, встал, вышел на палубу теплохода: «Как будто снова на рейде». А у памятника погибшим, по просьбе остальных ветеранов, он рассказал о том, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза (при форсировании Днепра он отличился как связист), как был ранен.

После всех выступлений был праздничный обед и концерт. И спасибо всем: работникам администраций Проспихино и Болтурино, культработникам и самодеятельным артистам. Они не поскупились и не поленились, проявили истинное ангарское гостеприимство.

Газета «Советское Приангарье», 04.07.1992

ШКОЛА В КЕЖМЕ

Н.С. Кузина

*«Они глаза нам открывали
и к свету за руку вели ...»
А.Ф. Карнаухов*

Передо мной на столе – две дорогих моему сердцу фотографии: моих одноклассников, выпуска 1957 года, и учителей КСШ [Кежемской средней школы] пятидесятых годов. Посмотрела внимательно фотографию учителей и удивилась: средний возраст учителя КСШ тех лет – тридцать-сорок лет: совсем молодой коллектив!

Нашему выпуску повезло – в начале пятидесятых годов в Кежемскую школу приехали молодые специалисты, многие из них – выпускники Ленинградского пединститута. Это было событие! Молодые, симпатичные, красиво и со вкусом одетые, ...загадочные. Мы привыкали к ним.

Да и они тут обвыкались,
В кедровом нашенском краю.
Я не смеюсь, не зубоскалю,
Нет-нет, я гимны им пою...

Директором школы (1950-1954 годы) был Воронов Савватий Савватьевич – мой отец. Коренной кежмарь, окончил Канское педучилище, до войны работал заведующим РОНО. В первые годы войны по приказу Сталина у учителей была бронь, но в 1943 году его мобилизовали. Учился в военном училище города Ачинска, где готовили офицеров. После демобилизации в 1945 году он работал директором Проспихинской семилетки, где в то время жила наша семья. В 1950 году его назначают директором Кежемской средней школы.

Савватий Савватьевич был начитан, образован, эрудирован. Сельчане любили его слушать: он рассказывал просто, ярко, интересно, хорошим русским литературным языком. В школе преподавал русский язык и литературу. В семье выписывали центральные газеты, журналы «Пионер»

Н.Ф. Коростелёв ведёт урок физики. Кежемская средняя школа. 1950-е

и «Огонёк», в котором в те годы был вкладыш репродукций картин Третьяковской галереи. Мы хорошо знали эти картины, изучали, собирали в папки. В 1954 году его назначили редактором газеты «Советское Приангарье». В 1959 году семья уехала из Кежмы. Заочно он окончил учительский институт и всю жизнь был учителем.

Школа в Кежме была центром образования и культуры. Помню, к годовщине Октября ставили спектакль «Любовь Яровая» (моя мама играла главную роль), пьесу «Без вины виноватые» по Островскому, в которой играли учителя и ученики старших классов. В пятом классе мы участвовали в постановке по книге «Сказка о потерянном времени» Шварца. Я играла девочку, а в фильме эту роль исполняла Рина Зелёная. На всю жизнь запомнился момент. В угловом классе, в нижнем корпусе, сделали сценку – небольшой настил сантиметров пятьдесят. По ходу сказки мы убегали и прятались под этим настилом, а там душно, темно, пыльно, тесно. Когда можно было, мы пулей вылетали оттуда. В шестом классе я играла русалочку по Гоголю. К каждому празднику – концерт художественной самодеятельности: хор, песни, танцы, стихи. Не знаю, какие мы были исполнители, но главное – участие! А в верхнем корпусе была большая сцена – весь коридор был всегда полон: учителя, ученики, родители, сельчане. Здесь же проходили общешкольные линейки, митинги, диспуты, конференции, в Новый год ставили большую ёлку...

Учителя давали интересные уроки, работали творчески, применяли передовые (по тем временам) методы обучения, щедро делились своими знаниями. И не случайно ребята моего выпуска (1957 года) почти все получили высшее и средне-техническое образование. На наших встречах одноклассников мы обязательно вспоминаем наших учителей добрым словом и с благодарностью.

Завучем школы многие годы была Косолапова Анна Фёдоровна. Учитель учителей, педагог с большой буквы. Всегда строгая, собранная, энергичная – учебный процесс был в надёжных руках. Сегодня, когда я сама отработала сорок семь лет учителем в школе, понимаю, что значит быть заведующей учебной частью, и могу сказать, что процесс обучения в КСШ был организован на высшем уровне. Анна Фёдоровна регулярно готовила совместно с учителями-предметниками тематические конференции, диспуты по книгам («Витя Малеев в школе и дома», «Как закалялась сталь» и др.), слёты отличников и ударников учёбы. У меня сохранилась фотография лучших учащихся школы 1952 года. Многие ребят поощряли летом поездками в Красноярск.

Нашему выпуску повезло – нас обучали приехавшие молодые специалисты.

Дворецкая Зинаида Аркадьевна – математик, наш классный руководитель. Мы её любили и немного побаивались. Чёткость, каждая минута продумана, она первая давала нам индивидуальные карточки. Много делала для того, чтобы мы любили её предмет. И знания были хорошими, крепкими. Как классный руководитель Зинаида Аркадьевна работала с нами на строительстве Кежемской ГЭС (1953 год), на уборке урожая в Паново, на Большом острове (жили там по месяцу). Помню, в колхозе сажали кукурузу новым (квадратно-гнездовым) способом.

Федяева (Котова) Ия Клавдиевна – учитель литературы. Она покорила нас в восьмом классе, читая наизусть своим красивым бархатным голосом целые отрывки из «Слова о полку Игореве». Учила владеть словом, чётко высказывать свою мысль. Ввела внеклассное чтение, проводила диспуты по произведениям советских писателей. Благодаря ей, я открыла для себя Симонова, Твардовского. О войне в те годы вообще не говорили, День Победы не праздновали, ветеранов не чествовали. Было так...

Кирьянова Клавдия Михайловна – учитель истории по образованию, у нас она вела психологию и логику (был такой предмет в программе). Нам казалось, что она знает всё. Её предмет позволял нам поспорить, по дискутировать, порассуждать, посидеть

в библиотеке, покопаться в книгах. Она учила нас думать, а это редкий дар педагога. Она приехала из Красноярска, с ней была её младшая сестра Зина – моя подруга на всю жизнь.

Особое слово о моей любимой учительнице – Серебряковой Галине Сергеевне, учителе немецкого языка. Высокая, стройная, обаятельная, красивая, со вкусом одетая и какая-то загадочная. Недавно кончилась война, немцы – враги. «На черта в стране советской изучать язык немецкий», – с этими словами мальчишки бросали портфели и сбегали с уроков. Но она сумела привить нам любовь к немецкому языку. Уже в те годы, в начале пятидесятых, мы на уроках прослушивали пластинки с текстами на немецком языке. Галина Сергеевна ставила нам сценки из немецкой классики: «Коварство и любовь», «Разбойники» Шиллера, читали и учили наизусть лирику Гёте и Гейне. Один раз в четверть выпускали тематическую стенгазету на немецком языке. Когда я окончила школу, мой выбор был уже решён – пединститут, иняз. Отработав три года, она уехала из Кежмы, а добрая память о ней осталась.

Коростелёв Николай Филиппович – физик. В класс всегда входил энергичной, стремительной походкой, и мы вытягивались в струнку. Любил шутить на уроках, а это всегда нравится ученикам. Помню, однажды он вызвал к доске Попову Гету. Замялась, что-то начала рассказывать, запинаясь, а с первой парты ей по-дружески подсказывает Панов Валентин (Семёнович). Николай Филиппович как будто этого не замечает.

В результате: «Гета, молодец, садись – 4, а тебе, Семёнович, – 2. Дневник!». Проходящий случай, а запомнился на всю жизнь. Ещё однажды Николай Филиппович заходит в класс и брызгает одеколоном от двери до стола. Мы – в недоумении. Оказывается, это начало объяснения новой темы о движении атомов в воздухе. Нехитрый педагогический приём, а остался в памяти.

Надо сказать, что и по физике, и по химии (учитель Потехина Алевтина Константиновна) достаточно часто на уроках ставили опыты. Была лаборантская. Мой одноклассник – Панов Валентин (Алексеевич) – после занятий готовил лабораторные работы для объяснения нового материала.

Не могу не сказать о моей маме – Кузнецовой Евдокии Николаевне (родом из Проспихино). Учась в КСШ, жила по квартирам, у знакомых – интерната ещё не было. Выпускница 1938 года.

Тридцать восьмой: не только жертвы –
Начала наши, наш исток,
В нём – средней школы выпуск первый,
И первый видимый итог...

Училась отлично. В Проспихино в тридцатые годы ввели «десятидворки». Ученики учили односельчан читать и писать. Своего отца, моего деда Николая (он ставил крестик вместо подписи), научила читать. Потом он читал газеты.

Л.А. Кулик, первый исследователь Тунгусского метеорита, в 1938 году возглавил аэрофотосъёмку места взрыва космического тела. Прибыл 1 июня в Кежму, до середины августа жил у нашей бабушки, в амбаре. Кулик проводил свой досуг вместе с молодыми учителями: нашим отцом, его другом Семёном Васильевичем Косолаповым и другими ребятами. Они рыбачили, купались и играли в футбол, волейбол, городки, вели интересные беседы. Кулик присутствовал на первом выпускном вечере КСШ. Он пригласил на танец выпускницу Дусю Кузнецову, разговорились. Кулик предложил ей поехать в Москву, поступать в институт вместе с его дочерью и жить у них. Мама побоялась ехать далеко и поступила в Иркутский мединститут. Закончила два курса, вышла замуж, родилась я. А потом началась война.... Всю жизнь проработала учителем, преподавала математику. Кстати, будучи восьмидесяти с лишним лет, в магазине считала сдачу в уме, на удивление кассиров.

В 1988 году прислали ей приглашение на 50-летие КСШ. Ей было тогда семьдесят лет, еле уговорили ехать, и потом была благодарна.

На Школьной площади особо
(у нас аж слёзы на глазах)
Стояли Дуся Кузнецова
И с ней Зырянов Елизар...

Есть видеofilm об этом событии и фотографии выпускников 1938 года... На одной из фотографий есть Коля Черных, её одноклассник, она часто вспоминала его.

Морозова Мария Васильевна – историк. Очень строгая, мы её побаивались. Дисциплина в классе была – «муха пролетит...». Очень интересно и увлекательно рассказывала, чётко проговаривала слова. Учила нас рассуждать, хорошо ориентироваться по карте, правильно и коротко делать выводы. Такие учителя запоминаются.

Учителя разные бывают. Однажды на практике в институте мой методист сказал: «Кто-то берёт железным характером, а кто-то – личным обаянием». Запомнилось, а жизнь подтвердила это.

Карнаухов Константин Сергеевич – всеобщий любимец. Любили его за искреннюю преданность работе, строгость и шутки («натру бородой!»). Мне кажется, что был он в школе с утра до вечера. Учитель-новатор, подвижник, участник войны, имел много наград (а мы этого и не знали). Недавно увидела в интернете его фотографию «при полном параде», приятно удивилась, заужавала ещё больше. Он отдавал нам всё: знания, душу, сердце, время, здоровье. Но и мы благодарны ему. Регулярно проводились соревнования, присваивались разряды. Я окончила школу с первым юношеским разрядом по гимнастике (после поступления в Красноярский пединститут входила в сборную города и края) и вторым – по лыжам. Я думаю, о нём многие напишут – есть о чём, но мало кто знает, что «КанСергеич» ещё и хорошо рисовал. Талантливый человек талантлив во всём – так говорят. Огромное ему спасибо, благодарность и светлая память.

Аттестаты в 1957 году нам вручала Карнаухова Евдокия Филипповна – директор школы, учитель истории.

Эпиграф и цитаты я взяла из сборника стихов «Село твоё уйдёт на дно морское». Автор – Карнаухов Алексей Фёдорович, певец нашей Ангарской земли, талантливый учитель и ... наш двоюродный дядя по отцу. Гордимся. Он был директором КСШ уже после отъезда нашей семьи из Кежмы.

Великая благодарность всем учителям Кежемской средней школы. Светлая память и низкий земной поклон.

Прошли давно те годы мимо, метель следы их замела.

Печаль моя невыразима, а память детская жива...

Упражнение на брусьях выполняет Н. Воронова. Учитель физкультуры К.С. Карнаухов. 1954 (?)

НАВСЕГДА

К.М. Хорошавина

Я никогда её не забывала. И как я радовалась, когда спустя много лет мы увидели друг друга. И помогло в этом моё любимое кино...

Дети в сёлах – деревнях с ранних лет включены в жизнь. Земля, река, лес – всё познаётся, как только встал на ноги! В буквальном смысле! Надо приглядеть за младшими, когда родители на сенокосе или в другой работе, надо познать окружающий мир во всём многообразии... Мы с Ленкой Кокориной, так звали мою незабвенную подругу, как только сходил снег с земли, бежали в лес копать «саранки», вкуснее их ранней весной ничего не найдёшь в лесу... Ели их, едва очистив от грязи прошлогодней травой... А река учила плавать и ловить пескарей на дождевого червя с простым удилищем с ниткой и крючком... И ещё была у нас с Ленкой общая привязанность. Нравилась нам врачиха Нина Ивановна, из больницы, которая располагалась в конце нашей Советской улицы! Когда Нина Ивановна шла с работы домой, мы с Ленкой вставали рядком на обочине дороги и ждали её приближения, замирая от восхищения! И когда Нина Ивановна, с яркой помадой на губах, в красивом платье с белыми горошинами, в туфлях на высоком каблуке проходила рядом, мы громко говорили: «Здравствуйте, Нина Ивановна!». Та с удивлением смотрела на нас и отвечала: «Здравствуйте, девочки!». Не давая себе оправиться от радости, мы бегом опережали её и опять здоровались! Нина Ивановна уже хохотала, а мы воспринимали это как поощрение! Так повторялось до переулка, где наша умопомрачительная красавица сворачивала на Большую Крестьянскую улицу. А мы, счастливые, возвращались домой.

Окончив четыре класса, меня увезли в город Читу, где я окончила школу, страшно тоскую по своей реке Ангаре, по саранкам и, конечно, по моей любимой подружке Лене Кокориной.

Встретились мы с ней, когда я приехала на съёмки дипломного фильма. Этот фильм я сохранила и по сей день. В нём навсегда остались живыми мои земляки, которых я помнила, среди них мама Лены тётя Катя, мои мама и папа, родные мои тётки Фаня и Наталья, не могла я обойти вниманием и «деревенское радио» – Дуню, по прозвищу «Моторка», которая запомнилась мне с коромыслом на плечах и скрипучими пустыми вёдрами. И Лена в этом фильме с мужем и детьми сыграла роль покидающей родину семьи из-за строящейся Богучанской ГЭС. Они отплывали на лодке, отчаянно размахивая платками...

Спустя много лет, ГЭС решили достроить, и опять моя Ленка приняла участие в фильме, рассказав о нашем детстве и о детстве наших ровесников, – тех, которые, уже прожив на Ангаре долгую жизнь, вынуждены были прощаться с родными местами навсегда.

Подруги Клавдия (слева) и Елена. 1970-е

ДЕТСТВО В КАДЕ

Т.И. Власова

Деревня Када находилась на устье, где река Кода впадает в Ангару, на красивом месте. Кругом лес, куда ходили за грибами, за ягодой (черника, голубика). Деревня Када была как бы разделена на две части: деревня и база. Примерно на один километр друг от друга. С одной стороны дороги, соединяющей эти две части, садили картошку, с другой стороны дороги был небольшой кирпичный заводик. В деревне был колхоз, а на базе – леспромхоз. На базе были: магазин, где продавали хлеб, пекарня, столовая, клуб, контора ЛПХ, школа. По выходным были танцы под гармошку, балы. Привозили кинофильмы.

Под горой, у реки, находились огороды. Мы, ребяташки, утром ходили поливать огород, а после оставались купаться. Купались до посинения, затем зарывались в горячий песок, пока не согреемся. Ловили рыбу (елец, ёрш) на удочки. Воду носили на коромысле.

Мы, ребяташки (нам было по десять – двенадцать лет), летом играли в лапту, прятки, ловили птичек на плёнку (к пёрышку привязывали нить с грузилом), играли в городки, мячик, догонялки, чехарду.

Когда наступала сенокосная пора, косили взрослые траву литовками (косами). Нас брали на покос ворошить подсохшую траву. Когда трава высыхала, взрослые делали копны. Нас садили на лошадей, и мы эти копны сваживали в одно место. Потом взрослые метали стога. Воду для населения возили на лошади. Шли в колхоз, брали лошадь, запрягали в сани с бочкой. Каждый возил сам себе.

Школа была до четвёртого класса. Было две классных комнаты. Первый и третий классы учились в одной комнате, а второй и четвёртый – в другой. Было две учительницы: Галина Кирилловна и Надежда Григорьевна. Отопление в школе было печное. Писали ручками с пером, были чернильницы-непроливайки.

Зимой мы катались на лыжах, санках-самоделках. Прыгали с изгороди в сугробы. Бывало, сам вылезешь из сугроба, а валенки остаются. Потом мамы ищут. Наказывали, в угол ставили. Когда из школы шли, катались на портфелях. У портфелей уголки были сделаны железками, они отпадали. И приходили мы с полными портфелями снега. Раньше носили шаровары (сами шили, в магазине не было), так они просто стояли, снимешь - и на русскую печку, пока не согреешься. В школе была организована тимуровская команда. Мы ходили помогать престарелым: кололи дрова, пилили пилой-двуручкой на козлах, складывали в поленницу, убирали снег.

В деревне в основном была фамилия Рукосуевы. Различали их по дедам: дед Филат – Филатятчи, дед Феклис – Феклисовы, дед Кирсан – Кирсановы и т. д. В деревне было примерно двадцать пять дворов.

БЕЗОБЛАЧНАЯ ПОРА

М.И. Михайлюк

*«Все взрослые сначала были детьми,
только мало кто из них об этом помнит...»
Антуан де Сент-Экзюпери*

Моё детство – это замечательная, счастливая, безоблачная пора, это кладёшь воспоминаний, и каждое воспоминание по-своему особенно и запоминающееся. Одним из таких хочу поделиться. И хотя прошло уже полвека, и нет со мной моих родителей, нет моей малой родины, нет моего родного села Проспихино, расположенного на берегу нашей малёной, христовой красавицы Ангары, но этот маленький эпизод из детской жизни запомнился мне навсегда.

Рита (справа) с подружкой на посадочной площадке. П. Проспихино. 1970-е

Было мне годков шесть или семь. Жили мы тогда на задней улице, рядом со школой. Дело было летом, стояла солнечная жаркая погода! В один из выходных дней мои родители собрались с нами на моторке поехать на наши проспихинские острова: покупаться, позагорать и просто отдохнуть. В такие дни на островах было людно. И какое было маленько побултыхаться в тёплой воде заводи и поваляться на горячем, золотисто-белом песочке, побегать по отмели, оставляя за собой фейерверк брызг! Мамочка моя, Зинаида Григорьевна, собрала с собой тормозок: обычно это были хлеб, свежие огурцы, варёные яйца, какие-нибудь консервы, печеньки, конфеты, квас или морс. На свежем воздухе это было особенно вкусно, а так как мой отец, Иван Матвеевич, слыл заядлым рыбаком да добытчиком, то опосля островов он намеревался перебраться на ту сторону Ангары, кинуть тони три-четыре неводом, как говорится, совместить приятное с полезным.

Так вот, как сейчас, в памяти воспроизвожу путь от дома до берега Ангары. Выходим за ворота и мимо домов Чернышёвых, Пановых, через заулок, мимо дедки Кэ семеню взде родителей. Братишка, довольный, едет на загревке у отца. Переходим улицу Пионерскую (я тогда и не знала, что она так называлась), выходим на переднюю улицу и с горы, мимо старой, почти разрушенной мельницы, мимо огородов спускаемся по нижнему звозу к папиному самолловнику. В самолловнике стоят бочки, канистры, вёсла и какие-то рыбацкие снасти (морды, точно помню, были, красивеньки такие, плетёные из проволоки, отец их сам делал зимними вечерами). Лодка с мотором стояла на берегу, тогда и «модь» не было снимать моторы и таскать их туда-обратно. Деревня жила дружной, честной жизнью.

Всё вроде готово, загружаемся в лодку, как вдруг отец говорит: «Ой, паря, мать, а мы кошку-то дома забыли. Ритка, беги врысью домой. Она в завозне, что у амбара». Как и все ребяташки, я на ноги хлётка была: то, что они мне говорили вслед, я уже и не слыхала. Живо понеслась до дому. В детской головке вертелось: «А ведь, правда, на рыбалку-то поедем, а кошку-то с собой и не взяли!». Прибегаю в ограду – в завозне, у амбара – кошки нет! Забегаю в избу – нету! Поискала в сених, побежала в огород, на бегу зову: «Мурка, Мурка!!!». А кошки нет! Нигде нет! Отчаялась и собралась было бежать обратно, думаю: «Ну и пусть, пускай голодной, без рыбы остаётся!», – как вдруг из-под крыльца выползает Мурка. Радостно схватив её в охапку, мчусь обратно. Бегу так, ажно сердечко хочет выскочить. И кошка тоже! Спускаюсь к реке, все уже в лодке, и отец кричит мне: «Тебя докуля ждять! Убежала – и с голком! У нас уж всё на мази, мы уж хотели тебя домовничать оставить!». А когда я подбежала к лодке с кошкой в руках, то мама вдруг начала громко и залиvisto смеяться, а отец, казалось, дара речи лишился, но потом тоже начал смеяться. И братик Толик, глядя на смеющихся родителей, начал приседать посреди лодки и хохотать, хлопая в ладоши. Отец, посмеявшись, говорит: «Ну, девка, ты и отчубучила, какэсь то и притащила!». Смеётся потихоньку: «Уморила нас до слёз! Мы с матерью из дива вышли, каку «кошку» увидали! Ну, ничаво, бывает, вдругорядь не оплошашь!». И, подмигнув, мне: «Может, кошка рыбу поймат нам?!». И тут я сообразила, что сделала что-то не то! Откуль мене, малухе, было знать, что «кошка» – это специальный якорь с острыми загнутыми концами!

СЛУЧАЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

Н.О. Жабыко

История эта случилась под Новый год, в декабре 1983. Мне было восемь лет, училась я во втором классе Кежемской средней школы, и это был второй год моей деревенской жизни. Лучшие годы своего детства я провела у любимой бабулечки, в большом селе на берегу Ангары. Край был красивый и суровый, сейчас это место под водой Богучанской ГЭС.

До школы – километра четыре, общественного транспорта не было. Каждое утро, ровно в семь, я выдвигалась из дома в полном обмундировании: валенки, цигейковая шубка, лисья шапка и бабушкина пуховая шаль. Плюс портфель. По сравнению с деревенскими детьми я была городским заморышем, меня пытались откормить пирогами, икрой, деревенской сметаной, как говорила бабушка, чтобы силы были в школу ходить. Зимой бежать в школу было особенно интересно. Примерно к середине пути насморк замерзал, руки-ноги начинали неметь, и к школе уже подгробала одна большая сосулька. Зато потом разденешься, сидишь в тёплом классе, отойдёшь от мороза, разомлеешь и так хорошо тебе, такое счастье. Лепота!

Обратно домой бежать было веселее, но тоже холодно. И вот однажды иду я домой, конец декабря, под минус тридцать на улице. Прошла половину пути, смотрю, у обочины дороги стоит группа людей. Ну, думаю, автобус ждут. Воспоминания о городской жизни ещё были сильны, и я решила, что тоже подожду автобус и доеду до аэропорта, рядом с которым я и жила. Стоят мужики в тулупах и унтах, несколько женщин. Вскоре подошёл автобус, все залезли в него, и я в том числе.

Едем. Тепло, хорошо! Автобус маленький, горбатый, с носиком. И вот мой поворот. Мы его проезжаем, и автобус едет дальше. Я постеснялась попросить остановиться.... Думаю, на первой остановке выйду, на крайняк, на конечной, он же развернётся и обратно поедет, тут уж я смелости наберусь, попрошу остановить там, где надо. А он всё едет и едет. Деревня уже кончилась, начался лес, а мы всё едем. Я сижу. Долго ли, коротко мы ехали, наконец, автобус остановился, открыл дверь, все выходят, и я вышла. Кругом лес, народ куда-то рассосался, автобус заехал в огромные железные ворота, которые тут же закрылись, и всё.

Кругом никого и ничего, только высокий забор с колючей проволокой, зелёные ворота, лес и столб с фонарём, у которого я и встала. Про Нарнию я тогда не знала. Ну, думаю, сейчас автобус развернётся, выедет из ворот, и я поеду домой. И вот стоит восьмилетняя городская девочка одна-одинёшенька посреди тайги. Стемнело, мороз пробирает до костей, а я всё жду. Вокруг – ни души. Постучала кулачком в ворота, да где там, даже приличного звука не было... Руки, ноги заледенели, прыгаю, потом сил прыгать уже не осталось. Я присела у столба с фонарем, плачу, слёзы тут же замерзают, а я уже ничего не чувствую. Вспомнила единственную молитву, которой бабушка научила, молюсь. Потом давай просить Деда Мороза, если он существует, чтобы вернул меня бабулечке. Говорю, мне никаких подарков больше не надо, только домой меня верни!

Уже в каком-то полузабытьи вижу, отъехали железные ворота, выбегает женщина, кинулась ко мне, схватила и начала трясти, что-то спрашивать, а я её даже понять не могу. Затащила она меня в сторожку, посадила около печки, вытряхнула из валенок

Центр с. Кежда. 1976. Фото А.Г. Журавлёва

и шубы и давай растирать меня всю. Суёт крепкий чай, ну, чистый чифир, горький, горячий. Я оттаяла, сижу, улыбаюсь. Оказывается, я приехала к зверосовхозу, в котором разводили чернобурок, а он с десяток километров от Кежмы, может, и больше. Автобус рабочих привёз, и никто не заметил маленькую девочку. Спасительница убежала, притащила шофёра и отутюжила его семиэтажным ангарским матом! Носом его в меня тычит, орёт, замахивается, а я к печке припала и улыбаюсь.

– Девочка, а ты чьих будешь?

– Я – внучка Пелагеи Фёдоровны, моя тётя – Мария Николаевна, она в аэропорту главным бухгалтером работает.

– **ит твою налево! Тётя Поля, наверное, извелась вся, вот бы внучка у неё сейчас насмерть бы замерзла. Ирод, выгоняй автобус, вези девку да на руки передай. Прибить тебя, скотобазу, мало!

Делать нечего мужику – выгнал из гаража автобус, меня укутали, посадили на первое сиденье и повезли домой. По дороге я уснула. Очнулась уже, когда меня на руках шофёр домой заносил, где металась бедная бабулька. Мужик рассказал, как дело было, получил мешок шанежек и поехал в свой зверосовхоз.

Бабушка посадила меня у печки, дышала мне на руки-ноги, плакала и целовала меня, приговаривая: «Живая!».

Этот случай потом мы часто вспоминали, удивлялись, как всё благополучно закончилось. И смеялись от того, что волки и медведи, наверное, обалдели от моей наглости – одной расхаживать зимой по тайге.

С тех пор я больше никогда не писала письма Деду Морозу – я знала, что свой лимит подарков я выбрала сполна.

«КИШКИ МОИ»

Н.А. Панова

История, которую хочу поведать, произошла в далёком 1986 году. Ранним октябрьским утром я шла в школу. По дороге повстречался свёкор-батюшка Степан Семёнович Панов («Ласута»).

– Куда идёшь, кишки мои?

– Во-первых, я тебе не кишки, а Надежда Александровна, а во-вторых, иду на работу, – с обидой ответила я.

– Да на что ты обиделась? – удивлённо говорит он. – Ты что, родная, не обижайся!

Возмущённая, захожу в учительскую и рассказываю коллегам о встрече со свёком. Они меня убеждают, что «кишки» – ангарский диалект и означает «дорогое, родное, близкое». Я не поверила. Случай убедиться представился только весной...

Иду по дороге, в нескольких метрах от Виктора Вениаминовича Сизых (Царство ему Небесное!). Подходит он к берегу Ангары, где играли маленькие ребяташки, и зовёт дочку: «Лена, кишки мои, пошли домой!». Вот таким образом поверила в истинность смысла этого диалекта.

Бесследно ничто не проходит. После Сибири я работала в школах города Кувандыка (Оренбургская область, где и живу) и Сургута. При прохождении темы «Лексика. Диалектные слова» всегда рассказывала историю с «кишками», чтобы ученикам лучше запомнилась эта тема. И что вы думаете? Помнят! При встрече со мной бывшие ученики говорят: «Помнится история с вашими «кишками»...».

Так свёкор-батюшка Степан Семёнович Панов обессмертил себя, свой род и долго будет памятен моими учениками!

В Сургуте «кишки» тоже нашли применение! Десятиклассница выполняла конкурсную работу по журналистике на федеральном уровне. Одно из заданий звучало так: «Придумайте рассказ с любым диалектным словом». Мы с ней не придумывали, а написали реальную историю с «кишками». За это задание ученица получила самый высокий балл! Вся работа была оценена «хорошо», и ученица вошла в десятку лучших дипломантов России.

В августе 2017 года на встрече с бывшими земляками в городе Кюдинске подходит ко мне мужчина средних лет и спрашивает:

– Надежда Александровна, а это правда: о вас байку рассказывали про «кишки»?

– Правда! – отвечаю.

Живёт и будет жить ангарский говорок! И не только на Ангаре...

2018

ДЕД ВАСИЛИЙ

Е.А. Баянова

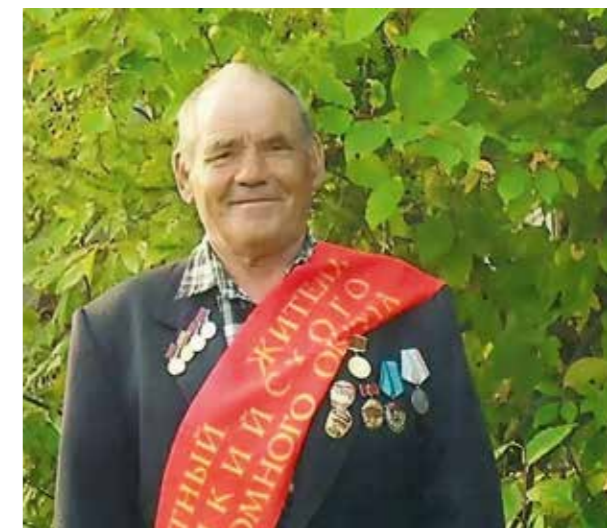
Карнаухов Василий Корнилович родился 20 августа 1933 года в деревне Ката Иркутской области. Скорей всего, и не деревня это была, а заимка, потому как была там пара домов на реке Ката, правом притоке Ангары. В 1936 году семья Василия переселилась в Эвенкию, в Чемдальск.

Василий – мой дед. «Дед», – произношу, и перед глазами, как киноплёнка, мчатся картинки воспоминаний, яркие, чёткие. Даже не знаю, с чего начать... Великий охотник, неутомимый труженик, изобретатель, богатырь, отец большого семейства – это ещё не всё, что можно о нём рассказать.

Не могу понять, как в его голове помещалось всё, что там имелось. Он всё время о чём-то думал, придумывал, исполнял. Своей непомерной энергией закручивал деятельность – вся семья была при деле! Не церемонясь, раздавал задания и чётко контролировал. Вставал всегда очень рано и днём мог задремать в любой момент. Рассказывая историю, лёжа на диване, на полуслове мог уснуть, громко прихрапывая, а потом проснуться через десять минут и продолжить рассказ ровно на том месте, где остановился. К слову, ему снился один сон, особенный, после которого он срывался в лес за мясом и непременно добывал. Что за знаковый сон – тайна, не рассказывал. Зато премудростям рыбалки научил всех нас. Его дочери с сыном, зятевья и внуки – все прошли эту школу.

Когда наши мужики уезжали на покос, дед брал меня и моих сестёр неводить, невзирая на наш возраст и пол. Нам, кстати говоря, самим нравилось в этом участвовать. Бежали в лодку и ожидали деда, пока тот прикрепит казанку к шитику. Вперёд, к рыбным местам! Старшая сестра всегда тянула невод по берегу, дед – по другую сторону реки, а мы с Олей шныряли вдоль невода в поисках зацепок. Оля управляла лодкой мастерски, всё-таки, старше меня на три года, моя задача была устранять зацепки с помощью шеста. Зацепка!!! Паника меня сковывала, руки не слушались. Дед всегда умел поддержать и сказать «правильные» слова: «Вот ты каво делаешь? Крути шест пушше, чучело! Вся в папашу своего, никуда негодная!». Пальцы мои для того шеста были коротковаты, поэтому шест то и дело выпрыгивал. Но «волшебные» слова деда всегда действовали безотказно: всё получалось в итоге! В натянутый невод шест втыкала с размаху, как копьё, и начинала энергично крутить. «Не порви мне невод!», – кричал дед, громче мотора. Вволю покричав, дед красиво закруглял невод, мы толкались к берегу.

Какое счастье собирать рыбу, крутящую серебристыми боками, и складывать в оцинкованную ванну. По приезду домой сортировали рыбу в разную тару. Какую – курицам,

Почётный житель Эвенкии В.К. Карнаухов

а какую – на звероферму. Себе оставляли сига, щуку и хариуса. Потрошили все вместе, и баушка – вместе с нами. Щучьи потрошки баушка складывала в отдельную чашку, затем готовила их по-особенному. Саму щуку тушила в сметане к ужину, куда собирались остальные, свободные от покоса родственники. А на деда, за то, что кричал на нас, не обижалась никогда. Это он нас так любил, по-карнишачьи. Не жалел никогда, потому что так жили сами. Бабы работали наравне с мужиками в его время, и нас так учил жить. Вкалывать так, чтоб с ног валиться. А отдыхать вообще плохо, так только тунеядцы делают. Дед не любил отдыхать, и нам не давал.

Научиться всему, что умел дед, было невозможно. Технический склад ума открывал для него кучу возможностей, неподвластных для нас. Мало кому из его потомков достались его таланты. У него был свой литейный цех, где он отливал винты для моторов. Начиная с «Крикунов», вырос до «Вихря» и усовершенствовался до «Сузуки». В свободное от работы время, если можно так сказать, ремонтировал трактор. Для него это дело было семечки. А ещё он делал мебель, очень добротную мебель. До наших дней дожил шкаф, ждёт реставрации. Умел делать и ткацкие станки. Сделал такой для своей мамы, а та наткала ему половиков – до сих пор «живы». Были инструменты, изготовленные собственноручно во времена тотального дефицита. Всю эту «музейную» – иначе не назовёшь! – коллекцию бережно хранит его сын, достойный наследник рода, Александр.

Как у любого лесного жителя, были у него свои места «богатств». Например, недалеко от охотничьей базы росла неизвестная трава. Дед её попробовал, ещё будучи молодым. Добыв однажды мясо далеко от избушки, пришлось ему тащить тушу несколько километров. Так как ходить туды-сюды было лихо, часть туши уложил в рюкзак, а основное – на сооружение из молодняка берёзы, вроде саней, и до избы больше сотни добытого дотянул-таки, до места базирования. Спину сорвал. Что его, как зверя, исцеляющегося дарами природы, потянуло вдоль берега к таинственной траве с красными, как бусины коралла, ягодами. Да и съел-то ягоды чуток, а уснул не на мал час, а на двое суток, не могли добудиться. Очнувшись от волшебного сна, не чувял больше боли в спине. Вот так чудо-ягода! Кто её только на исследование не брал много лет, не определили, «кто» она. И только томские ботаники смогли раскрыть тайну реликтового растения: Арктокус альпийский.

На другое «тайное» место возил дед по смородину, далеко, километров за восемьдесят, по реке от деревни. Правда, предварительно долго доказывал баушке, что ягода ещё не поспела. Проиграв в бою, всё же спешно сорвались навстречу приключениям. Река была крайне мелкой, и зачастую приходилось деду использовать «подымалку» в ходу. Приехав на «тайное» место, дед оставил меня и моих сестер в лодке, а сам пошёл на разведку. Лодка стояла в небольшой заводи, с прозрачной, как стекло, водой. Дно выглядело, для меня, странно: серо-голубого цвета, гипнотизировало. Сев на бортик, ловко прыгнула с лодки, в предвкушении замера глубины. И... дно поглотило меня до середины бедра! Холод сковал. Сёстры всыпали. Сменной одежды не было. Тут вышел дед с зелёной веткой смородины – доказательство правоты. Увидев меня, почесал затылок коротко приказал: «Сымай штаны». Достал кусок брезента, я укуталась. Ворочались домой молча, только дед говорил сам с собой, иногда пел. Стало темнеть, берега уже трудно было разглядеть. Причалили к берегу. «Всё, будем тут ночевать», – сказал дед. Привычно поставил палатку, заботливо сделал матрац из травы. «Вместо подушек куртки под голову ложите», – сказал, накрыл нас брезентом, сам залез в ватный спальник. Я, без штанов, даже и не думала куртку под голову класть, закутала зад. В полудрёме мы, под брезентом, в холодную августовскую ночь, скулили, как щенята до утра. Дед встал с рассветом, развёл костёр, поставил на палки над пламенем сушить мои сапоги, на угли – чайник, скоро завтрак. Вернулся в палатку, выгнал меня из спальника, куда успела занырнуть, но согреться не получилось. Когда я вышла из палатки,

расстройству не было предела: подошва от высокой температуры вогнулась глубоко в голенище. Дальнейшие события детская память не сумела сохранить... Ни завтрак, ни как до дому добрались, не помню... Дед мой был тот ещё «воспитатель». Чего теперь бояться? Благодарна ему за то, что воспитал нас сильными духом.

А ещё мой дед оценивал людей по трудолюбию. Уважал людей, которые много работали, потому как сам трудился без продыху. Нас тоже приучал к труду. На пакости у нас времени не было, что там говорить, на отдых не было, если дед в деревне. На покос поехала впервые в девять лет, причём сама напросилась. Я плакала, истерила, обещала работать вровень с мужиками. Всю дорогу до покоса (семьдесят шесть километров примерно) терзала папу вопросами, большое ли поле покосное. Отец долго объяснял, но, поняв, что не отстану, сказал коротко: «Увидишь – об*икаешься». Приехали на базу к вечеру, расположились, переночевали. От волнения долго не могла уснуть. Дед храпел – эхо разлеталось на весь лес. Думаю, остальные тоже плохо спали. Утром, после завтрака, приехали на место покоса. Поднявшись с берега на поляну, сказала папе: «Тут не только об*икаешься, но и об**каешься». Огромная, бескрайняя даль сливалась с небом каёмкой испарения от земли. Жара душила. Мошка не давала глубокого вдоха, забивая нос. Грабли мне дали выше моего роста. Дед сразу предупредил, что поблажек не будет, сама, мол, напросилась. Все усердно гребли, шныряла техника, дед всех подгонял, мне стало плохо. Где ветерок? Хоть маленько! Надо было успевать за кошной, все молча потели. Из носа хлынула кровь! Не каплями, а струйками! Меня отвели в тень под куст, положили на спину. Лежу, глотаю кровь, сердце бьётся в глотке. Прошло минут десять. «Вставай, иди работай», – приказал дед. Встала, снова тёплые струйки крови бежали из носу без остановки. «Ты гляди, специально нос расковыряла, чтоб не работать», – разочарованно сказал дед. Тут вступился папа: «Это ж как ковырять надо, чтоб так кровь бежала?». Дед поправил кепку, твёрдо сказал: «Везите её на базу, пусть обед готовит». Деваться некуда, деду не смели перечить. Папа заткнул мне ноздри ватой и увёз на базу. Развёл костёр, вручил котёл и уехал ставить зарод. Буду готовить «лентяйку»! С тушёнкой да лапшой – будет само-то. Крошила лук, слёзы бежали по щекам, кровь бежала по задней стенке глотки... Через года, вспоминая, с ужасом подумала: а если б медведь вышел на запах моего кулинарного творения? Ужас! Ещё много раз ездила на покос, нравилось, правда, жара плохо давалась.

Покос тот на охотничьем участке деда был. На том участке было зимовьё с баней. Соединялись эти постройки капитальным, добротным, вроде сараем. После трудного дня, поужинав, каждый занимался своим делом. Мне особо делать было нечего, поэтому изучала территорию вокруг зимовья и внутри, конечно же. Лестница на крышу была крепкой, почти новой. Глубина и таинственность чердака манила. Что же там хранится? Несколько раз проходила мимо, сомневалась и всё же решилась, забралась. В полутьме просматривался толстый ковёр из медвежьих шкур!

– Сколько их там? – спросила я деда.

Дед поднял лохматые брови, харкнул носом и сказал:

Дед Василий в зимовье на охотничьем участке Огнекон. Эвенкия. 2000-е

В.К. Карнауков с Р.А. Пироговой, директором Ванаварского филиала Эвенкийского краеведческого музея, на р. Северная Чуня. 2000-е

начало этой истории, как через запотевшее стекло, смотрю на воспоминания из детства. Но вот ключевой момент помню. Возможно, потому, что в этот момент дед был крайне эмоционален, даже по-звериному злой. Точно не знаю, как дед оказался в лесу один на один с медведем. Он ранил медведя, хорошо ранил. Медведь побежал вглубь леса, дед пошёл за ним. Нельзя оставлять раненого, надо убить, иначе скрадёт рано или поздно. Дед обнаружил, что во время преследования зверя растратил все патроны, нужно возвращаться на берег, к лодке. Во время рассказа погас свет. Мы сидели в чаеварке, уже дома, зажгли керосинку. Дед продолжил: «Ты будешь мной, а я буду медведем», – поставил меня напротив себя. Медведь вышел на деда, собаки сбежали, понимая, что бой будет не в пользу хозяина. Медведь застыл напротив деда, тяжело дыша. Через мгновение встал на задние лапы и начал реветь. Дед махал передо мной ручищами, изображая медведя, я вращала в пол от ужаса. «Старые эвенки говорили мне, что нельзя бежать от медведя и резко двигаться. Я стал потихоньку гладить карманы, в поисках патрона. Нашёл!!!». Медведь в этот момент кинулся на деда. «Патрон в ружьё. БАХ!!! Прямо в пасть!» – дед заплакал. «Сюри, сюри, сюри», – стал звать собак. Подбежали, поджали хвосты, смотрят виновато. «Ну, доберусь до лодки, возьму патроны, ни одной из вас не оставлю.» Устало пошёл к лодке, а собаки... кто его знает, где теперь они. Дед их больше не видел никогда. За всю свою охотничью жизнь он столько раз побеждал хозяина тайги, что сам стал похож на медведя. Маленькие чёрные глаза, большой нос, огромные ручищи и огромная сила – сила тела и духа.

Он и погиб в лесу, на своём участке. Наверное, не должно быть иной смерти для великого охотника. Всю свою жизнь посвятив охоте и рыбалке, просто растворился в нём, без остатка.

Наш дед – для всех пример мужества, богатырской силы, сибирского характера и мудрости. Мы, его дети и внуки, не видели его любви, но всегда чувствовали. Простой и понятный, был сложным и многогранным. Про него можно писать многотомные книги и слагать легенды. Он – собирательный образ Сибиряка, от основания Сибири по сей день. Наш дед Василий, наша гордость.

Август 2020

– Да полно, не сошпигать. За всю жись сорок один, кажись.

– А зачем так много убивать надо было?

– Так они сами меня искали всю жись. То зимовья крушили, то спать не ложились.

Во как! А ведь после этого разговора были ещё медведи. Всю его жизнь они будто преследовали его. Много рассказывал дед, особенно во хмелю, только в этом состоянии можно было увидеть его разговорчивым. В основном он молчал, порой говорил сам с собой, вроде дела свои проговаривал, чтоб не забыть, вместо блокнота. Рассказывал он одну историю много раз. Наверное, все её знали, не только в нашей семье. Для него этот случай был настоящим потрясением. Совершенно не помню

ОДА ОХОТНИЧЬИМ СОБАКАМ

И.Е. Панова

Милые моему сердцу Шарики, Бобики, Тарзаны, Черныши, Загри, Дамки, Ласки, Найды, вас я не забуду до конца своего пути!

Мы, дети охотников, на Ангаре росли и выросли вместе с нашими друзьями-собаками. Мой дед, отец и муж, Панов Иван Михайлович, и многочисленные родственники ежегодно по осени уходили в лес на охоту, на один-два месяца. По малому снегу, на выделенных участках, по два-три человека, потому как по одному охотились редко, исходя из техники охотничьей безопасности: вдруг медведь или болезнь-немошь какая прицепится.

Жили в зимовьях, обустривая их по своему вкусу и надобности. С собой брали по две-три взрослые собаки и пару-тройку щенков, желательнее, с «матерью» (она их обучала). В основном, в собаке природой заложен охотничий инстинкт, чаще всего, или на пушного зверька (белку, соболя, лису), или на более крупного зверя (сохатого, медведя). Но были и уникальные, которые «шли» на всё зверьё, причём хозяин по ноткам в лае собаки определял, кого она «приметила». Приходили обратно домой уже с одной-двумя собаками: значит, остальные не выдержали испытание.

Муж рассказывал байку: иду за собакой, та «взяла» соболя, вдруг слышу, недалеко лай вроде человеческим голосом, испугался, не случилось ли чего с товарищем, и пошёл на голос. Подхожу, смотрю: на вершине сосны сидит соболь, а под сосной, на четвереньках, стоит товарищ рядом со щенком, лает – «натаскивает» щенка. Имя товарища не разглашалось, по-видимому, это был не единственный случай.

Помню, как я плакала, когда среди вернувшихся из лесу щенков не оказалось моего любимца. Обычно никто не занимался (за редким исключением) селекцией охотничьих собак, и «свободные любовные браки» давали свои «плоды»: разноцветные по окрасу, разношёрстные, «разнопородные» – от явно эвенкийских лаек до больших, похожих на волкодавов.

Собаки давали людям не только охотничьи трофеи, но и одежду – унты, шубы-дохи на подкладе, рукавицы-мохнатки, шапки-ушанки. Кроме того, они служили и охранниками во дворах и на выпасах скота.

Дороги мои детские воспоминания, связанные именно со щенками. Когда сучка щенилась зимой, в морозы, её брали в избу вместе с выводком, отводили угол с подстилкой, и особых хлопот не было: мать и кормила их, и «прибирала» за ними. Вот уж счастье было для нас, ребяташек. Щенки ещё слепые, а у каждого свой характер: кто тихий, кто уже агрессивный, а кто такой сообразительный. А как их «отбирали» для последующей охоты! Недельного щенка брали за хвост, вниз головой: если передние лапки завёл за ушки – годеи. В пасти считали складки на «нёбе» щенка, не помню, сколько нужно было для «годности». На табуретку усаживали слепого щенка и наблюдали: если не свалился, то есть чувствует пустоту, то годеи. Выбранных любили и лелеяли, чуть не больше своих детей. Или мне так казалось? Отец запрещал нас «злить щенка» – дёргать за шёрстку, чтобы вызвать озлобление и лай щенка. Отец ругался: «Не трогайте собаку!». А переносить щенка с места на место можно было только «за шкурку», так же, как их носит «мать». И кормили сучку немного «пожирнее», чем остальных собак. Поэтому и вырастали эти щенки добродушными и верными собаками.

Отец рассказывал, как деда спасла от «медвежьих объятий» полугодовалая собачка Найда. Медведь разбросал собак, а у деда заело ружьишко, и медведь собрался уже его «обнять», как сзади мёртвой хваткой в медведя впилась маленькая Найда. Хозяин тайги оставил деда и «взялся» за Найду, потом опять за деда, а полумёртвая Найда опять впилась в громадного медведя. Дед успел перезарядить ружьишко и убил медведя. А вот Найда от медвежьих оплеух потеряла нюх и частично слух. Дед выходил её, и она жила у него до конца своей жизни, носила щенков, сторожила дом и забавляла ребятишек.

Кормили собак разнообразно: мучное, кости, картошка, овощи. Даже в войну, когда взрослые мужики на фронте, охотники держали собак, кормили их своеобразной «болтанкой»: из картошки с добавлением отрубей, рыбой – палочкой-выручалочкой на нашей кормилице Ангаре. А охотниками были ребята от девяти лет да старики. Только всё варилось в общих чугунах, как для скота. Пацаны в возрасте двенадцати-тринадцати лет уже в войну были добытчиками и в лесу, и на реке. А вот на охоте собак кормили отменно: и крупы, и мясо. Но мясо обязательно варили, чтобы избежать у собак желание схватить и разорвать тушку белки или соболя. Охотники после дневного «турне» за собаками приходили вечером к зимовью, варили еду и кормили собак, а потом уже ужинали сами.

Очень хочется мне рассказать о лайке Тарзане. Этот уже из моей взрослой жизни. Внешне – типично эвенкийская лайка среднего роста, средней пушистости, пёстрого окраса (белое с чёрным), «шёл» на мелкого и крупного зверя, причём был невероятной напористости. В собачьих сражениях побеждал даже более крупных сородичей. Страшно не любил и не впускал в ограду пьяных людей и почему-то почталёнов. Но ребята делали с ним всё, что хотели: и за хвост, и за нос, – он только тихонько ворчал и уползал в своё жилище, когда уже не было сил терпеть.

Однажды, в очередной банный «бабский день», муж задержался на работе, а я, побоявшись опоздать в баню, оставила старшенького сына Мишу (четыре года). Наказала собаке охранять и побежала. Мальчишке стало скучно, и он направился ко мне в баню: почти в километре от дома, через три проезжие поперечные дороги, но с собакой. В бане (собаку не пустили) женщины раздели его и отправили в мойку. Я обомлела, когда рядом с собой узрела своего отпрыска в голом виде. Быстренько его помыла и сама «домылась», оделась и вышли из бани. А там нарисовался муж с Тарзаном. Собака вернулась домой и, поняв тревогу хозяина (дом открытый, в ограде никого нет), потянула его по дороге в баню. Ну что тут скажешь?! Такая преданность человеческой семье!

Но однажды собачья «верность» чуть не сослужила злую шутку с хозяином. Муж весной, в выходной день, решил поехать «за матёру» посмотреть, пошёл ли «харюз» в речку (приток Ангары) на нерест, и Тарзан с ним. Пока муж обследовал речку, Тарзан «надыбал» примерно в километре медведя и погнался на хозяина, как положено охотничьей собаке. По лаю хозяин понял, чем ему это грозит, поскольку не взял с собой ружьё. Вот так и побежали к реке, где лодка с мотором. Впереди Иван, за ним медведь, которого «гонит» Тарзан. Иван успел прыгнуть в лодку. Завёл «Вихрь» – и домой. Приехал бледный, почему-то молчаливый, вместо обеда выпил стопку самогона и упал спать на десять часов, чего с ним сроду не бывало. На следующее утро поехал за Тарзаном, тот бежит по берегу, ждёт хозяина и очень даже недоволен, что не оценили его работу. Кстати, Тарзан погиб на охоте: его сохатый поддел на рога и перебросил через себя. Я до сих пор до слёз иногда горюю, как по родному существу.

Вот такие были они, наши охотничьи собаки – друзья, охранники и трудяги.

2020

ПЕРВЫЙ МЕДВЕДЬ

П.Ф. Безматерных

Несмотря на то, что человек объявил себя царём природы, медведей побаиваться стоит. Это зверь умный, стремительный и зачастую агрессивный.

Семён Матвеевич Косолапов позвал на охоту (любительский промысел), когда мне было двадцать пять лет. И самый первый выход на охотничью тропу стал для меня серьёзным испытанием.

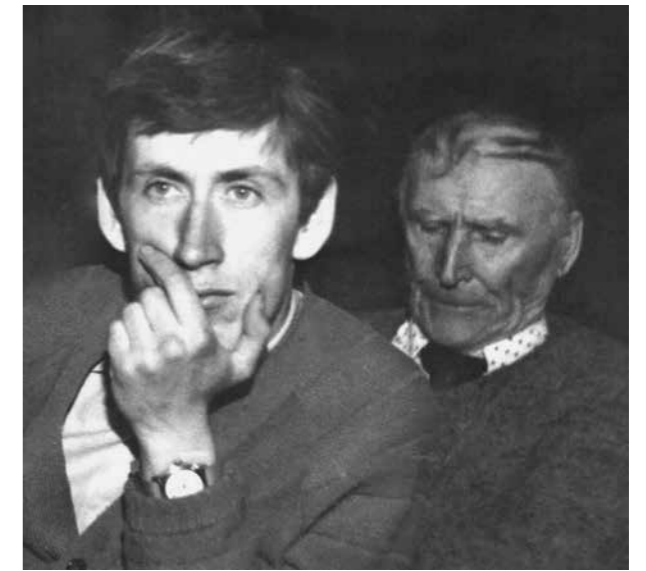
День был хмурый, без солнца. Стрелковое снаряжение – карабин тридцатых годов и ружьё «Белка», старое. Патроны для ружья зарядили перед выходом дымным порохом. Как объяснил Семён Матвеевич, охотник с сорокалетним стажем, «бьют мощнее...».

Брели по путику, настораживали капканы. Вдруг впереди яростно залаяли собаки...

«Однако, зверь, паря! Ты тут оставайся, а я пойду посмотрю», – дал указание дед Семён и пошёл вперёд с карабином. Через некоторое короткое время трусцой вернулся назад: «Паря, медведь!!!! Что делать будем?». Я постарался не показать испуг и «солидно» вымолвил: «Давай стрелять». «Смотри, паря,» – испытующе посмотрел мне в глаза Семён Матвеевич.

Начали осторожно подкрадываться. Хорошо, что не по тропе, а немного срезая чуть правее. Это и спасло. Стремительно мимо нас промчалась «кавалькада»: впереди собаки, поджимая лапы, а за ними огромный медведь – гладкий, блестящий. Он мчался за собаками с такой скоростью, что, казалось, летит на воздушной подушке. Стрельнуть невозможно: миг – и его уже не видно. Через мгновение столь же стремительно пролетел назад в чащу, откуда и выскочил. Собаки зеркально за ним! В чаще лай, мельканье... Вдруг в просвете появилась фигура медведя. Мы со старшим напарником стали целиться. Семён Матвеевич из карабина, а я – из «Белки». Неожиданно напарник шепнул, что у него заслезился глаз, и передал мне карабин, забрав себе ружьё. Моя роль и ответственность существенно повысились. Я начал тщательнее выцеливать и, видимо, затянул момент. Семён Матвеевич бахнул из «Белки» дымным порохом. Дым, страх, волосы дыбом. Думаю, сейчас из дымного облака выпрыгнет зверь и съест нас.

Дым рассеялся. К счастью, в суматохе косолапый не заметил, откуда стреляли, стоял и оглядывался по сторонам. Тут уж пришлось действовать быстрее. Приложился, выстрелил. Медведь взревел, встал на дыбы и исчез из вида. Пытаюсь перезарядить карабин – не получается. Слежу за зверем, не отвожу от него взгляд. Напарник торопит:

П.Ф. Безматерных (слева) со своим наставником С.М. Косолаповым. С. Кежма. 1980-е

«Паря, не мешкай, паря, не мешкай!». Разглядели, что от первого выстрела в карабине раздуло патрон и быстро его перезарядить не получится.

Семён Матвеевич подал ружьё и говорит: «Раненый он. Ты помоложе, иди добивай». У меня от ужаса голова ещё не соображала, но помню, что не логичным мне показался аргумент: «ты помоложе»... Но послушаться не посмел. Напарник был человеком строгим – не побалуешь.

Начал подкрадываться. Разглядел, что медведь залёг и дёргает головой в сторону наседающих собак, но в целом видно, что ранен тяжело и обездвижен. Пару раз стрельнул. Семён Матвеевич скорректировал: «Всё, паря, готов, не стреляй».

Обработали добычу. Оказалось, что медведь убил и прикопал на том путике сохатого, поэтому сдвинуть его от добычи, которую он охранял и «кушал», не могла никакая сила.

До зимовья, где запланировали ночлег, дошли уже в темноте. Избушечка сделана была по старым энергосберегающим стандартам. Половина сруба заглублена в землю, размер почти два на два. Сварили, поели, улеглись. Мне не спится. Накатила депрессия. Думаю: зачем я сюда пришёл, неужели придётся каждый день такие страхи терпеть? Показалось, что уже и не выбраться мне из этой мрачной тайги...

Семён Матвеевич тоже ворочался, молчал, не спал. Потом говорит: «Ну, паря, я видел, как ты трясся». Я промолчал, но, внутренне с ним споря, подумал: ну да, конечно, но я же первый год, первый день на охоте и сразу – медведь, а Семён Матвеевич – опытный охотник... Видимо, угадав мои мысли, напарник примирительно заметил: «Я тоже, паря, немного стусевался».

А утром моя депрессия куда-то улетучилась. День наступил ясный и морозный. Хотелось вперёд, в тайгу. И так уже тридцать шесть лет. Непреодолимо, как канатом, тянет каждый год в эту родную и опасную тайгу: к медведям, лосям, глухарям, путикам, избушкам. И первого своего наставника и напарника я вспоминаю часто. Он, как и многие охотники той поры, человек-легенда.

О чём – отдельный рассказ.

Ноябрь 2020 года

День Победы в г. Козинске. 2014
Фото А.Г. Журавлёва

75-летие ПОБЕДЫ

ПРОВОДЫ НА ФРОНТ

А.А. Усольцева

Мне было четыре года, когда началась война. Мы жили в деревне Рожково, наш дом стоял на угоре. Я, как сейчас, вижу: шли друг за другом катера с илимками и везли мужиков на фронт. Помню, как провожали: мы, дети, стояли на берегу, народу было много, и все плакали. А когда катер отходил, все за ним брели по воде. Сколько было рёву! Дядю Ваню и дядю Мишу не помню. А вот дядю Алёшу (Алексея Иосифовича Быкова) помню, он в этот день стоял на улице, напротив дома тёти Моти (М.И.Быковой). На лицо, конечно, плохо помню, а вот его силуэт – высокого роста! – до сих пор в глазах стоит.

О папе воспоминаний мало. Запомнился случай, когда он вёз воз сена, и нас с сестрой Ниной посадил сверху. Воз опружился, и мы упали в снег. Папа нас поднял и занёс домой.

В тот день папу, Андрея Иосифовича Быкова, на фронт не взяли. У него была сломана рука, поэтому он ушёл на фронт только 9 августа 1942 года. Но проводить нам его не пришлось. Сначала объявили, что катер с призывниками в Рожково не пристанет, а пристанет в Проспихино. И мы все поехали туда. А катер пристал в Рожково, и он уехал без нас. Соседи потом рассказывали, что, когда он пришёл домой прощаться, то нас уже не было. Папа ходил вокруг дома и сильно плакал. Наверное, сердцем чуял, что больше нас не увидит. А потом шли похоронки, одна за другой, и все безутешно плакали. Из пяти братьев (в их числе и мой отец) в живых остался один – Быков Григорий Иосифович, да и тот вернулся без ноги.

НА ТАКИХ ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТСЯ

М.В.Новак

*Памяти
Николая Павловича Никулина
(28.11.1926 – 22.04.2018)*

Родился в деревне Бартанас Тасеевского района Красноярского края. Двадцать два человека семья, пять сыновей – все работяги. Отец не давал женатым сыновьям делиться, жили в одном большом доме, помогали друг другу. Хлеба много сеяли, хозяйство было большое. Дед Николая Павловича – Прокопий Николаевич, переехал из Орловской губернии в Сибирь, чтобы осваивать свободные земли, работать. Он отказался идти в колхоз и заявил: «У меня свой колхоз дома».

Пока сыновья уехали продавать хлеб, к их семье в это время пришли представители власти с оружием конфисковать имущество. Забирали всё: вещи, хорошую одежду.

Николай Павлович вспоминал, как у него, четырёхлетнего малыша, женщина в форме забрала его подушечку из рук. Женщины в семье, как могли, спасали хоть что-то: надевали на себя несколько юбок, кофт, прятали платок в платок – зимой это не так было заметно. Потом эти «лишние» вещи обменивали на хлеб и другие продукты. Обменивали с большим трудом, крадучись: люди боялись связываться с «врагами народа», чтобы не навлечь беду на себя.

Семья была раскулачена и сослана в Кежемский район: сначала под Кашино (Кашинская шивера), а потом уже в посёлок Косой Бык, где также начинали обживать с барачников на пять семей. Шли они туда пешком: всего одна лошадь с санями – на две ссыльные семьи со стариками и детьми. Мужчин в это время угнали на какую-то стройку.

Мать Николая, Мария Павловна, была на поздних сроках беременности во время этих событий, ей было очень сложно перетерпеть эту ссыльную дорогу, много раз она теряла сознание. Когда пришло время рожать, ей выделили уголок в холодной бане. Ни о каких врачах и условиях в то время и речи не было. Девочка Нина родилась очень болезненной, постоянно плакала, прожила она всего девять месяцев. Сама Мария тоже очень долго болела после таких родов, не могла ходить несколько месяцев и тем более работать, но постепенно восстановилась.

Семья обживалась с нуля. Ничего не было: ни вещей, ни посуды, ни одеял с подушками. И взять было негде: никакой помощи переселенцам оказывать было нельзя.

Косой Бык (сейчас уже затопленный водохранилищем Богучанской ГЭС, официально закрыт 20 марта 2014 года) – посёлок на правом берегу Ангары. Назван по шивере, находившейся в сильном течении реки, наименьшая ширина которой восемьсот метров, получившей название, в свою очередь, от скалы Косой Бык, которая выступала в реку скалистыми «быком». Посёлок был основан в 1930 году как «трудпоселение» для крестьян, высланных из других районов края в период коллективизации и для раскулаченных из Кежемского района. Сначала

Никулин Прокопий Николаевич

Дата рождения: 1861 г.
Место рождения: Орловской губ.
Пол: мужчина
Социальное происхождение: из крестьян
Образование: неграмотный
Профессия / место работы: Работал в личном хозяйстве.
Место проживания: д. Бартанас Тасеевского р-на ВСК.

Мера пресечения: арестован
Дата ареста: 21 февраля 1930 г.
Обвинение: 58-10 или от 74 УК БССР
Осуждение: 10 октября 1930 г.
Осудивший орган: Особая тройка ПП ОГПУ ЗСК
Приговор: Ссылка, 5 лет
Дата реабилитации: 10 апреля 1989 г.
Реабилитирующий орган: Прокуратура Красноярского края (КК)

Н. Никулин (2-й ряд, 3-й слева) с одноклассниками

здесь была организована артель по выращиванию зерновых и овощей, затем колхоз, лесопункт, мастерский участок Ковинского химвосхоза. С поселением соседствовала деревня Дворец (в десяти километрах).

Здесь прошли детство и юность Николая. Как и все дети в деревне, он окончил семь классов. Учился всегда хорошо, хоть и приходилось в детстве много работать. Будучи пацаном, две зимы возил лес от колхоза.

Летом 1941 года пришло известие о начале войны. Первый год раскулаченных на фронт не брали – всё-таки «враги народа». Власти боялись, что «враги» сбегут к фашистам. В 1942 году начали призывать и их. Призвали и отца Николая – Павла Прокопьевича (1908 года рождения). Семья осталась без главного кормильца. На фронте он попал в плен, домой вернулся в 1948-м. После плена и лагеря здоровье было серьёзно подорвано. При обращении к врачу с жалобами на живот ему выписали лекарство, дали освобождение на три дня от работ, но то ли врач что-то перепутала (семидесятилетняя женщина, эвакуированная из Ленинграда), то ли медсестра не тот пакетик с порошком дала, но, выпив при товарищах этот порошок, Павел практически сразу упал и умер. Вот такая печальная история.

Николай был призван на фронт 17 мая 1944 года Кежемским райвоенкоматом, когда ему не было ещё и восемнадцати лет. Попав на пересыльный пункт в Красноярске, стал обучаться военной специальности миномётчика. Окончил ускоренные курсы танкистов (один месяц) в Челябинской танковой школе и был направлен на 1-й Украинский фронт. Воевал в 385-м полку в составе 3-й танковой армии под командованием П.С. Рыбалко. Полк перекинули на территорию Польши, а уже оттуда танки двинулись своим ходом в Германию.

Николай был высоким, очень крепким парнем. Как настоящий сибиряк, не боялся ни мороза, ни тяжёлых условий жизни.

Первый бой принял на территории Германии в городе Опель. Штурмовали мощно укрепленные Зееловские высоты, за что получил личную благодарность маршала Георгия Жукова. Принимал участие во взятии Берлина, Дрездена. Потом освобождал Прагу, там его и застала весть о капитуляции фашистской Германии.

Н.П. Никулин (слева) с фронтовым другом. 1945

Участвовал в сражениях на самоходно-артиллерийской установке СУ-122 заряжающим, созданной на основе танка Т-34, а после победных залпов освоил танк.

Из наградного листа: «В боях проявил себя смелым и инициативным воином. Особо отличился в бою 19.04.1945 года, где обеспечил быстрый темп огня, что содействовало уничтожению экипажем: 1 эшелона противника с живой силой и техникой и одно орудие. 22.04.45 года в уличном бою в предместье Берлина – Клейн, где огнём из автомата и гранатами

уничтожил до 6 солдат и офицеров противника, из них два фаустпатронщика». За мужество в бою награждён орденом Славы III-й степени.

Много рассказывать о войне Николай Павлович не любил, но иногда некоторыми историями делился. Например, вспоминал он: «При взятии Берлина танк во время перерыва в наступлении стоял на одной из улиц. Бойцы сидели на танке, крышка люка была открыта, ждали команды. Тут кто-то из них заметил, что в небе над ними пролетел снаряд – ничего особенного для военного времени. Через минуту снова над ними летит снаряд, но уже гораздо ниже. Тут бойцы поняли, что кто-то наводит на них огонь, прицеливается. Где-то в домах спрятался немец и по радию, видимо, передаёт координаты. Все быстро прыгнули в танк, закрыли крышку люка, но засов не успели задвинуть. Точно в крышку прилетел снаряд. Удар был такой силы, что эту крышку оторвало и отбросило на несколько метров, но экипаж успел предпринять необходимые действия».

Николай Павлович «мотался» по мятежной Европе, которой то тут, то там требовалась помощь советских солдат. На одной из дорог командир экипажа приказал остановить танк и пошёл один в разведку: посмотреть, что за поворотом. Экипаж через какое-то время ожидания забеспокоился. Пошли смотреть, где командир. Увидели, что тот лежит уже мёртвый, придавленный упавшим деревом.

В одной из деревень немцы, отступая, отравили воду в колодце. Несколько солдат умерло, попив этой воды, а Николай сильно отравился, лежал в госпитале, потом всю жизнь мучился болями в животе.

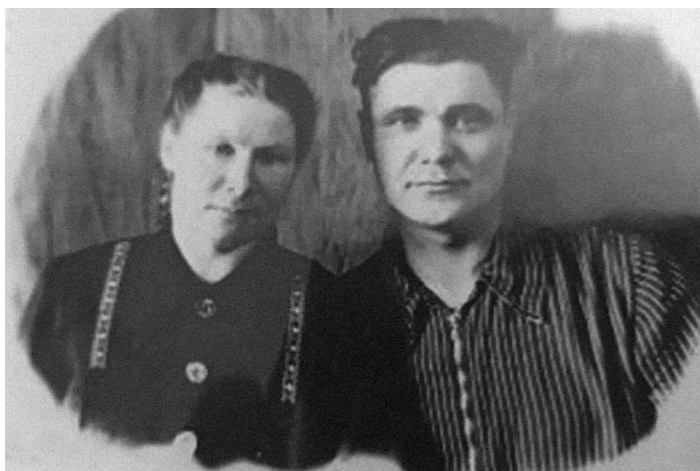
Однажды Николаю разрешили отправить домой посылку из Европы. Он купил гостинцев, шёлковой ткани и отправил матери. В записке написал: «Чтобы вы смогли выжить».

Победители. Н.П. Никулин (в центре, сидит). 1945

Празднование возвращения Н.П. Никулина (в центре) с войны. 1947

Николай Павлович и Афанасия Ивановна Никулины. 1950-е

который базировался в соседнем Болтурино. Отпускать его не хотели – очень уж хороший работник, но Николай настаивал.

Болтурино (сейчас уже затопленный водохранилищем Богучанской ГЭС, официально закрыт 28 апреля 2014 года) был основан после войны между деревнями Косой Бык и Дворец для нужд леспромхоза. Здесь прошла вся взрослая трудовая жизнь Николая Павловича. В посёлке было много фронтовиков, среди них и Герой Советского Союза Н.И. Усенко, дружбой с которым он дорожил.

Труженик по жизни, он ко всякому делу относился с душой, жил и трудился по совести. А работу ему приходилось выполнять всякую, в основном, связанную с техникой: был слесарем-мотористом, мастером ремонтно-механических мастерских, водителем лесовоза, работал завгаром, старшим механиком автопарка. И везде имел славу хорошего механика и замечательного труженика. Как говорят, на таких людях земля держится.

Но власть почти всю посылку забрала себе, выдав за это Никулиным немного грязной муки.

Демобилизовался Николай в январе 1947 года. Награждён орденами Славы, Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией». Вернулся домой в звании старшего сержанта, командира орудия.

Несколько месяцев добирался до дома на поезде сначала до Красноярска, потом на перекладных от деревни к деревне. В каждой деревне ему выделяли паёк и предоставляли место в семье переночевать. В этот вечер приютившая семья ела досыта, благодаря солдатскому пайку.

Наконец, Николай добрался до дома, приехал на Ангару.

Началась мирная жизнь. В 1947 году жителям Косого Быка выдали впервые паспорта.

Выбрал себе Николай в невесты Афанасью, сестру своего друга, невысокую, тихую, скромную и спокойную девушку. Два года они дружили, ходили в сельский клуб, гуляли вечерами, пели песни. Ещё в Косом Быку, в 1951-м, сыграли свадьбу. Через год у них родился сын Николай, а ещё через семь лет – дочь Ольга.

После войны четыре года работал в МТС колхоза «Власть Советов» комбайнёром в Косом Быку, а потом перешёл в Дворецкий лесопункт,

В любое время дня и ночи его могли вызвать на работу, и он всегда шёл, никогда не отказывался, никогда не жаловался. У Никулиных у одних из первых в деревне появился телефон, чтобы всегда можно было связаться и вызвать. Все ценили его за ум, находчивость, изобретательность.

За добросовестный труд в 1971 году награждён орденом Октябрьской Революции.

Постепенно отстроили свой дом, сарай, баню, гараж, обзавелись хозяйством и огородом.

Каждое лето, а иногда и не только летом, в Болтурино к Никулиным ехали внуки, родственники: кто – на недельку, а кто – на месяц-два. Чтобы добраться до Болтурино, нужно было ночь ехать на поезде до Карабулы, потом четыре часа на автобусе до Кодинска, потом ещё три часа на автобусе до Болтурино. Либо на самолёте до Богучан, оттуда на «Заре» до Болтурино. Ехали, как на курорт, потому что тут была природа, такая невероятная красота. Никулины всем были рады, всех встречали и привечали от души и с улыбкой. Когда кто-то спрашивал, к кому приехали, с гордостью всегда отвечали: «К Никулиным!». Никто не уезжал с пустыми руками – всегда полные сумки рыбы, ягод.

Дом Никулиных находился, как сейчас говорят, на первой линии от Ангары. Чтобы спуститься к реке, нужно было преодолеть очень крутой и высокий угор. Вниз, конечно, легче, но вот наверх было тяжело подниматься и молодёжи. А Николай Павлович преодолевал этот угор несколько раз в день, да ещё и не с пустыми руками: с рыбой, с сетями или с лодочным мотором он шёл вверх легко и быстро.

Каждое утро – на рыбалку, каждый вечер – проверить сети. Сам заядлый рыбак, Николай Павлович всех мужиков и пацанов брал с собой на рыбалку на хариуса. Отругает немного за оторванное грузило, но это – любя. Сам садился и чистил весь улов. Часть – на еду сразу, часть – на засолку. Если улов большой, коптил на осиновых дровах. Сейчас такие деликатесы стоят огромных денег, но тогда все гости от души могли поесть и икры, и солений, и копчёностей.

С женой жил душа в душу, никогда не обижал её, не ругался, не поднимал руку. Если обстановка накалялась, говорил: «Что, делать нечего? Иди двор подмети». Прожили вместе шестьдесят шесть лет, вырастили сына и дочь, помогали внукам и правнукам.

В 1981 году оформился на пенсию и продолжал работать. В связи с передачей леспромхоза в систему МВД работал в гараже учреждения К-100/5 МВД СССР механиком и старшим механиком. Неоднократно избирался депутатом сельского совета. Участвовал в работе формирований администрации колонии-поселения.

Фронтовики Н.П. Никулин и Н.И. Усенко. П. Болтурино. 1970-е

*Николай Павлович Никулин.
П. Болтурино. 1990-е*

Что примечательно, Николай Павлович никогда не вступал в партию. Это была его принципиальная позиция.

В 1992 году ушёл на пенсию. Как переселенцам с затопляемых территорий, семье выделили квартиру в городе Кодинске, но они продолжали жить в Болтурино. Возраст брал своё, и, ближе к восьмидесяти годам, чета Никулиных перебралась в город.

В конце декабря 2009 года у Николая Павловича случился инсульт. Немного оправившись от инсульта, он не стал сдаваться, каждый день разрабатывал руку и ногу, делал самомассаж. Начал с тростью понемногу ходить. Годы шли, и состояние здоровья постепенно ухудшалось.

В 2015 году из-за тяжёлой болезни Николая Павловича Никулины уехали из Кодинска к дочери в город Железногорск Красноярского края.

Умер Николай Павлович в возрасте девяноста одного года. Похоронен в городе Железногорске со всеми воинскими почестями.

КОНСТАНТИН СИЗЫХ

М.В.Новак

Костя был старшим из семи детей в семье Сизых Ивана Михайловича. Родился в 1921 году. В деревне для раскулаченных семей – Косой Бык – прошло его детство. Как и все остальные дети в то время, он, окончив семь классов, работал в колхозе. Парень был видный и красивый, весёлый и добрый.

На фронт был призван в 1942 году (в 1941 раскулаченных не призывали, считая врагами народа). Служил в 1024 стрелковом полку 391 стрелковой дивизии Северо-Западного фронта.

Начальник радиостанции роты связи ефрейтор Сизых Константин Иванович был награждён медалью «За отвагу» за то, что он в бою 21 октября 1943 года, находясь в цепи наступающих подразделений со своей радиостанцией, под непрерывным пулемётным, артиллерийским огнём противника поддерживал бесперебойную связь с командованием.

Во время исполнения своего долга заболел и умер от бронхопневмонии 21 мая 1944 года в госпитале. Похоронен в городе Ярославле на Леонтьевском кладбище.

«БРАТКА»

Н.О.Жабыко

Мой дед по материнской линии, Сизых Николай Тимофеевич, осиротел рано: ему было пять лет, когда умерла его мама. Он был самый младший в семье, воспитывал его брат Егор, который был старше деда на пять лет. «Братка» его кормил, воспитывал, вывел в люди и дал образование. Дед закончил курсы ветеринаров и пользовался большим уважением в деревне. Днём и ночью к нему все бежали за помощью – у кого корова отелиться не может, у кого с конём беда приключилась.

Когда началась война, деду было двадцать девять лет, у него жена и двое детей. Кежемский райвоенкомат их с братом Егором призвал вместе: в августе на илимках – до Красноярска, потом – по железке на фронт. Двухметрового ветеринара Николая распределили в танкисты. Егора – в артиллеристы, вскоре он стал командиром орудия, проявив организаторские способности и отвагу. Связь они друг с другом потеряли. Попал Егор Сизых на передовую под Ленинград, в город Тихвин. Тихвин тогда имел стратегическое значение и для наших, и для немцев – взяв его, они замыкали кольцо блокады вокруг Ленинграда. А наши лишались единственной дороги, по которой снабжался продовольствием город.

В ноябре 41-го, пользуясь значительным преимуществом, немецкие войска захватили Тихвин. Ближайшие базы с продовольствием теперь находились в более чем трёхстах километрах от осаждённого города, и машины, отправляющиеся за продовольствием, находились в пути больше двух недель. К тому же, фашистов в Тихвине отделяло всего девяносто километров от белофинских войск, ещё немного - и круг замкнётся. Ставка Верховного Главнокомандующего принимает срочные меры, и под Тихвин от Москвы, на помощь 4-й армии, перебрасывается 46-й танковый полк. 11 ноября 1941 года началось наступление наших сил, морозы стояли за сорок градусов, бои шли ожесточённые с обеих сторон. В течение двух недель танковый полк вёл непрерывные бои на подступах к Тихвину. Решающая битва за город случилась 7-9 декабря. После артиллерийского налёта, в котором участвовало более двухсот орудий, в ночь с 8 на 9 декабря советские войска начали штурм города. Тихвин был отбит. По воспоминаниям очевидцев, город напоминал мясорубку.

Артиллерийский расчёт Егора в эти дни попал в окружение, однако командиру и его бойцам по лесным дорогам, вместе с орудием, удалось отойти в лес. Ночью катили они свою пушку по тропам, мужики подобрались деревенские, крепкие и к лесной жизни приучены. А лес – он ведь везде родной: что на Ангаре, что на Свири. К утру, ориентируясь по звёздам и звукам с передовой, с помощью божьей и крепкого слова, они прорвались в Тихвин, уже к своим. Сдал Егор в комендатуре доклад о своём прорыве, орудие и пошёл искать родную часть. Идёт он по Тихвину, первое утро после боя... И вдруг крик, от которого всё остановилось: «Браткааааа...». Бежит к нему перемазанный здоровый танкист в шлеме, не сразу он признал в нём своего Николашку. Кинулись в объятия, слёзы текут, вокруг народ собрался, и все диву даются! Так только в кино бывает – родные братья из глухой ангарской деревни, а это, почитай, другой конец страны, и встретились в самом пекле войны, под Ленинградом... По такому случаю командиры Егора и Николая выдали им увольнительную на вечер. На следующее утро обнялись братья, как в последний раз, и разошлись по своим частям. Впереди была вся война. Егор вернулся на Ангару в 46-м, Николай пришёл домой только в 49-м, в 50-м родилась моя мама.

Историю эту рассказал мне недавно мой дядюшка, сын Егора Тимофеевича, – Иван Егорович Сизых. Ему почти девяносто. Умный, талантливый, работал инженером на секретном заводе. Говорит, отец признавался, что крик «Браткааааа...» помнил всю жизнь, он стоял у него в ушах, как и звуки войны, и та встреча в самом аду...

2019

ПАМЯТИ ОТЦА

О.Г. Шадрова

Григорий Яковлевич Усольцев. 1942

25 мая 1942 года – начало боевого пути гвардии рядового Усольцева Григория, будущего наводчика 82-миллиметрового батальонного миномёта. Вместе с ним оказались братья Иван и Михаил. Сначала плыли на илимках по Ангаре и Енисею до города Красноярска. Жили в казармах Военного городка, что находился тогда на окраине города, в районе нынешней Зелёной Рощи. После трёхмесячной подготовки – фронт. Под стук паровозных колёс вспоминалось родное Паново, синь Ангары, первая пойманная щука, слёзы прощания...

Последняя остановка – город Асташкинск. Знаменитое Волховское направление, где, как потом скажут историки, шли самые тяжёлые бои. В стрелковом полку, по его словам, не было хороших условий для солдат. Жили в сырых землянках, спали на шинелях. Солдатская еда – суп, каша, сухари. Но духом никто не падал! Никто не плакал и не жаловался на судьбу. Каждый понимал и знал одно: от них, от солдат

События Великой Отечественной войны неотделимы как от истории страны и края, так и от истории моей семьи. Семья – малая частица Родины, история которой тесно связана с каждым из нас. Далеки уже события военных лет, но память вновь и вновь возвращается к ним, бережит душу.

Не могу не рассказать о войне, о событиях, услышанных от моего отца, Усольцева Григория Яковлевича, родившегося в 1919 году в селе Паново Кежемского района Красноярского края, в крестьянской семье, впоследствии раскулаченной и высланной в деревню Косой Бык.

Папа не любил рассказывать о военных годах, но, предчувствуя, что скоро уйдёт из жизни (умер в 1996 году, похоронен в городе Лесосибирске), однажды разговорился...

По его словам, война – это не парад героев... Это кровь, стоны раненых о помощи, плач женщин и детей, общее горе... И потери, потери... Выросший на берегах красавицы Ангары, привыкший с детства трудиться наравне со взрослыми, охотиться, рыбачить, понимал, что на фронте он нужнее.

и офицеров, зависит судьба Отечества, исход боя, исход войны с фашизмом!

И вот он, первый бой! Первое крещение под пулями и снарядами! Некогда думать о себе, страх исчезает. Но потом, после боя, стало жутко от страшных картин смерти, крови, нечеловеческой боли...

И вдруг – взрыв! Вокруг темно. Тело покрылось чем-то липким и холодным, в голове загудело... Контузия... В сознание пришёл от сильного удара по спине. Очнулся в плену у немцев. Это произошло близ деревни Кулаково, под Старой Руссой, 4 октября 1942 года (архивные документы, уточняющие потери: <http://obd-memorial.ru/flash/>).

Рядом – десятки пленных. Искал глазами знакомых, своих братьев – никого нет. Как выяснилось спустя годы, они пропали без вести...

Фашисты били нечасто, но с немецкой точностью – до потери сознания. Били по голове, по лицу... За что? За то, что ты русский, за то, что жив остался! Как выжил в годы плена и концлагерей? Просто жить хотелось: на своей земле, домой вернуться, Ангару увидеть, мать обнять и отца. За три года, что провёл в лагерях Франции, многое повидал, много передумал, был несколько раз на волосок от смерти... Тяжело вспоминать.

После освобождения военнопленных в июле 1945 года предлагали остаться жить за рубежом, хоть во Франции, хоть в другой стране. Но не мог смириться с мыслью о том, что дом родной не увидит. Помогла надежда и вера в себя, в свои силы! Родина манила...

И увидел отец свой край! Вернулся домой только в марте 1952 года... Нет, не на чужбине жил. Его, как и многих других военнопленных, судили как предателей и изменников Родины. Наказание за «преступление» – десять лет заключения, лагерные работы.

Но папа не ожесточился на жизнь, никогда не жаловался на судьбу. Не тот характер у сибиряка! Не умел он, родившийся на суровой и прекрасной сибирской земле, стоять на коленях, покоряться обстоятельствам.

Приехав в 1955 году в посёлок Болтурино, где уже действовал новый лесогаготовительный пункт (Дворецкий ЛЗП), много лет проработал электросварщиком в гараже. Неоднократно награждался почётными грамотами за трудовые успехи, за рационализаторские предложения.

А в свободные часы, в любое время года, любил рыбачить. Не просто любил! Он боготворил рыбалку! Был мудрым рыбаком. Никогда не брал от природы больше того, что необходимо. И, сидя в покачивающейся на волнах лодке, любил петь: «По диким степям Забайкалья...».

Отец никогда не жаловался на судьбу, никогда не плакал. Разве только в светлый праздник День Победы, помянув без вести пропавших братьев и всех погибших, ронял скупые слёзы и волновался...

За этой непростой историей простого человека, коренного ангарца, гвардии рядового Григория Усольцева, – жизнь поколения, опалённого войной, история страны, история края, история семьи...

Семья Усольцевых. 1959

Г.Я. Усольцев с внуком Иваном и дочерью. Г. Лесосибирск. 9 мая 1995 года

ДЯДЕ ВОЛОДЕ

О.Г. Шадерова

*Памяти
Владимира Михайловича Зырянова
(1922-1942)*

*На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают...
В. Высоцкий*

Не знала тебя я, Володя,
Но, глядя на пройденный век,
Хочу я представить дословно,
Какой же ты был человек.

Красивый, высокий и статный,
В холщовой рубахе вразлёт,
С копной тёмно-русых волос,
Рыбак и охотник был знатный.

«Последний парнишка в семье ты,
Надёжа, свет белый в окне», –
Говаривала мама Володе,
Когда речь зашла о войне.

Уплыл на илимке с Ковы ты,
Взглянув на красу-Ангару,
Которая бурно ревела,
А мать как-то враз постарела...

И, верный присяге военной,
Скончался от ран в двадцать лет...
И в Братской могиле Вселенной
Не знаешь земных ты сует.

Твоя фотография долго
Висела у нас на стене.
Всё верилось, может быть, с Волги
Придёт письмецо о тебе.

А в праздник 9 Мая
Пройдёшь ты в Бессмертном полку!
Победа – тебе дорогая,
Солдат, защитивший страну!

Красноярск, 2020

ИВАН УСОЛЬЦЕВ

О.Г. Шадерова

Иван Михайлович Усольцев (1918-1945) был призван на фронт из деревни Косой Бык Кежемским РВК в марте 1942 года. Член ВЛКСМ. Младший сержант, разведчик, командир орудия, он уничтожил 4 вражеских пулемёта, 6 жилых землянок с солдатами противника. Находясь на НП батарее, обнаружил два ДЗОТа противника, которые вели огонь по нашей пехоте. Иван стал лично корректировать огонь батареи – ДЗОТы были разрушены. Затем, ведя разведку,

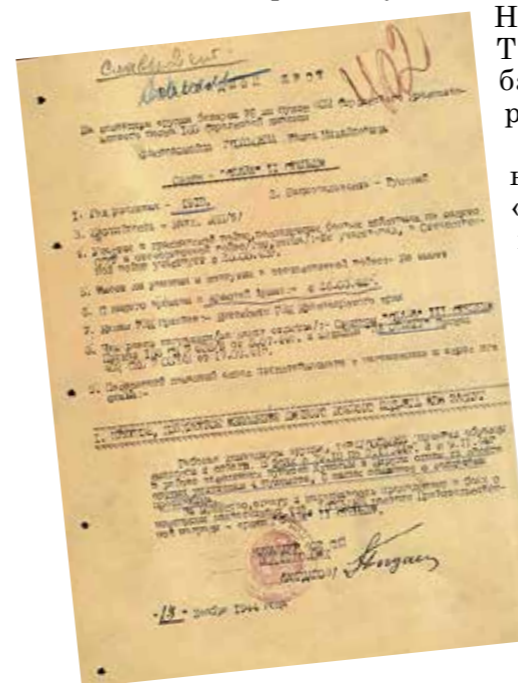
он обнаружил НП противника. Точным огнём батареи НП был разрушен.

Из наградного листа: «Тов. Усольцев выдвинулся за передний край для разведки огневых точек противника, в это время он обнаружил 5 финнов, которые перебежали, огнём из автомата уничтожил их».

Награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За отвагу», орденами Славы II и III степени.

16 марта 1945 года был тяжело ранен в голову. Умер в госпитале 17 марта.

«Первичное место захоронения – Латвийская ССР, Кулдигский уезд, д. Межамуйжа, севернее, 1 км, опушка леса, могила № 2». Перезахоронен в братскую могилу.

ЗА РАТНЫЙ ТРУД

**Маме, Анне Михайловне
Усолицевой (Зыряновой).**

**Всем женщинам –
труженицам тыла.**

**«Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд».
А. Твардовский**

В труде вся жизнь прошла твоя.
В труде растила и меня.
Храню я орден твой почётный –
Годам и бедам ход несчётный.

Тот орден дан за ратный труд
В тылу. Как на войне была ты тут.
По пояс снег, зима, мороз,
Лесины валят – не до слёз!

Здесь ошкурить, там сучья сбить,
Берёзы легче бы спилить,
Да дан приказ:
Сосна и ель идут сейчас!

Идут для наших блиндажей,
И мысль становится больней:
Возможно, брат и младший
Там согреется теплом земли своей...

Слезами, потом и трудом
Давался каждый кубометр.
Валились с ног, забыв про дом,
Забыв о том, что не согрет.

Но грела сердце мысль одна:
Ведь Родина моя жива!
А сосны плачут янтарём
По всем погибшим...
За них живём!

Храню я орден твой,
Где Знамя Красное Труда
С серпом и молотом советским
За ратный труд!
И навсегда.

Красноярск, январь 2020

УМЕЛИ АКСЁНОВЦЫ РАБОТАТЬ

И.М. Брюханов

Жил я в годы войны в деревне Аксёново, в колхозе «Заветы Ленина». Мне было тогда одиннадцать лет.

Всех наших отцов, братьев увезли на фронт. В деревне остались только старики, женщины, подростки. Наши матери были в отчаянии: как жить, как одним обрабатывать землю, косить сено и кормить скот?! Но люди верили, что наши отцы и братья победят и вернуться домой. И эта вера сплотила всех – старых и малых, помогла не только выжить, но и даже помочь фронту.

Каждому колхозу был доведён план на сдачу государству зерна. Колхоз «Заветы Ленина» план всегда выполнял и перевыполнял, и заслуга в этом была всех, кто работал на колхозных полях. В годы войны, кроме лошадей и дойного скота, откармливали свиней, кур, овец. Кроме зерна и мяса, сдавали ещё яйца, шерсть, масло. Какой был план сдачи, я не знаю, но знаю, что всегда план перевыполняли...

В годы войны обработка земли и уборка урожая проводились вручную, на лошадях. Тракторов, комбайнов и других машин не было. Вся мужская работа пала на плечи женщин, стариков и подростков. Косили сено, сеяли, убирали хлеб. На косилки посадили женщин – М.С. Брюханову и М.М. Деревянных. Наставниками их были Григорий В. Карнауков, Иван Кузьмич Брюханов, Валентин Иванович Карнауков. На жатках работали подростки, которым было по четырнадцать лет, а наши бабушки серпами помогали убирать хлеб. И как не вспомнить и не помянуть добрым словом наших старших наставников, которые учили нас жить и работать. Это Трофим А. Брюханов, Н.А. Брюханов, Х.А. Брюханов, Гавриил Брюханов, Дмитрий Зарубин, Семён Карнауков, Андрей Брюханов, Фёдор Брюханов, Фёдор Дмитриев, Марк Панов. Было им всем за пятьдесят, и с ними мы проработали всю войну. Вечная им память.

Кузнецы Игнат Григорьевич Дмитриев и Григорий Савельевич Брюханов – специалисты своего дела – из старых сломанных шестерёнок, при помощи горна и молотка, выплавляли и делали новые детали. И все бороны, плуги, косилки, жатки к сезонным работам были готовы. А наши женщины летом, в четыре утра, на гребях уезжали доить коров (четыре километра через реку), а днём шли заготавливать сено, силос для колхозного животноводства.

Во время сенокоса и уборки урожая все жили на участках и только раз в неделю (в субботу) приезжали в деревню. Там в летнее время можно было найти только малых детей и бабушек, остальные были в поле.

А какие рекорды ставили наши девчата во время уборки сена и уборки урожая! Во время уборки урожая работали с раннего утра до темноты, а на следующее утро каждая заходила на место, где работала, и проверяла, не остался ли на земле колос. А вечером, когда групповод подведёт итоги – кто сколько сделал – если кто-то сделал меньше, то переживает и на следующий день старается не отстать от своих подруг. Это были настоящие труженики. Называю их имена: Таисия Брюханова, Зина Брюханова, Антонида Брюханова, Таня Дмитриева, Наталья Брюханова, Анна Брюханова, П. Белогорлова, Пана Брюханова, Людмила Брюханова, Люба Карнаукова, Мария Карнаукова и все другие девчата, которые работали в войну. А мальчики, которым в начале войны было по одиннадцать – четыр-

*Открытие памятника землякам-фронтовикам.
Д. Аксёново Кежемский район. 1990*

надцать лет, стали настоящими помощниками для своих матерей и опорой колхоза. Это Валентин Брюханов, Валентин Степанович Брюханов, Иван Дмитриев, Алексей Карнаухов, Валентин Карнаухов, Николай Брюханов, Николай Александрович Брюханов, Василий Дмитриев, Степан Дмитриев, Михаил Дмитриев, Илья Панов. Нельзя забыть и наших наставников – бессменного бригадира Иннокентия Палевеевича Карнаухова и групповода Григория Никифоровича Брюханова. Вся ответственность за нас, мальчиков, легла на их плечи. Они нас спать ложили и утром на работу отправляли.

Хорошо помню, как в ноябре 1944 года мы заканчивали уборку зерновых. Оставался последний участок необмолоченного хлеба, а к 7 ноября нужно было обязательно закончить с обмолотом. Молотили в деревне, а участок находился от неё в двенадцати километрах. Возили снопы пять человек, у каждого – по две лошади. Запрягали мы лошадок в четыре часа утра, и к девяти часам снопы уже лежали на току. И так несколько дней.

Запомнился ещё один эпизод. Было это летом 1944 года. Мы тогда пахали пары на острове Черчаны. Пахарей было семь человек – все подростки. Очень уставали. Засыпали на ходу, стоя. Останавливали лошадей и, чтобы они не ушли, спали, обнявши плуг.

Зимой было легче. Те, кто не работал в животноводстве, могли отдохнуть в воскресенье. В колхозной конторе был приёмник, и мы каждый вечер ходили слушать передачу о ходе войны, и все ждали, когда она закончится.

И настал этот день. Победу я встречал на острове Иринда. Всего нас было на «весновке» десять человек, мы готовили землю под новый урожай. В одиннадцать часов утра слышим выстрелы из ружья и крики напротив нас, на берегу материка. Это кричал председатель колхоза Иван Филиппович Карнаухов, и мы поняли, что кончилась война. Все плакали от радости. Выпрягли лошадей и приехали к нашему стану. Собрались все: сеяльщики, пахари, бороноволоки. Постреляли от радости из дедова ружья (с нами весновал старшим дед Митрий), покормили лошадей и поехали снова работать.

Нам помогали выстоять сплочённость, дружба, любовь к труду. И не стыдно было нам перед нашими отцами, братьями – аксёновский колхоз выжил в годы войны и был самым лучшим колхозом в войну и после войны. За работу в колхозе, за помощь фронту большинство наших тружеников были отмечены правительственной наградой – медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Спасибо аксёновцам за их трудовой подвиг. Было трудное время, но народ верил, что победа будет за нами, и все вместе мы это сделали. Спасибо вам, дорогие земляки-аксёновцы, за ваш труд в годы войны.

*Газета «Советское Приангарье»,
17.05.1994*

ВОЕННЫЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

К.И. Дидоха

Военные трудные годы,
Вспомнить без слёз не могу,
Дети войны – это полусироты,
Рано познавшие труд и нужду.

Детства мы в тылу не знали,
С малых лет приучены к труду,
Нам трудней тогда не начисляли,
С мамой делили хлеб и нужду.

Горечь, обида к горлу подходит,
Вспомнишь теперь голодные дни,
Все мужики на войну уходили,
Только остались подростки одни.

Бедные женщины, как им досталось,
Лямку тянули за всех, за себя,
С темна до темна на работе пластались,
Всё для Победы, себя не щадя.

Тяжким трудом они хлеб убирали,
Весь государству был сдан до зерна,
Сами одною картошкой питались,
Только скорей бы кончилась война.

Всё для фронта, для скорой Победы,
С тылу не только трудом помогли:
Сушили картошку, носки отсылали,
Деньги последние – всё, что могли.

В поту и труде закалялись, выросли,
Ловкость, сноровка, какая ни есть,
Ждали вестей от отцов по неделям,
Даже порой забывали поесть.

Пашем и сеем, летом – покосы,
Сбор урожая в короткий срок,
День выходной нам тогда обещали,
Как только смолотим последний сноп.

В то лихолетье, в голодные годы,
Ходили в поле колосья собирать,
Что запрещалось при любой погоде,
А голод чем-то надо утешать.

Терпеливо, дружно и натужно,
Отработать надо целый день,
Чтоб получить четыреста граммов хлеба,
На один колхозный трудодень.

Время шло, всей деревней справлялись,
Всё, что надо, смогли одолеть,
Госпоставок все виды сдавали,
Некогда было хныкать, болеть.

Бригадиры колхозные строго
Дисциплину, порядок вели,
Им порою нас жаль, как убогих,
Поутру разбудить не могли.

А пора была молодая,
Хоть и устали, а нам не до сна,
И спешим на вечерку, на танцы,
На дворе и на сердце – весна.

Никаких беспорядков в деревне,
Тиха и скромна молодёжь была,
Под гармошку частушки пели,
За околицу песня плыла.

Не ругали за песни нас матери,
Даже приятно им было смотреть,
Открывали калитки в радости,
Вспомнить молодость, нас посмотреть.

А учились тогда, как придётся,
Кто четыре, кто пять проходил,
Редко кто семилетки добьётся,
А иной и трёх зим не ходил.

А в Рожково – начальная школа,
Только в Проспихино – семь,
И не каждому выпала доля,
А учиться хотелось всем.

Было холодно, голодно, бедно,
Не в чем в школу ходить и одеть,
Прибежишь на большой перемене,
Сухарьков даже нет похрустеть.

Навернутся тут слёзы невольно
И польются с обиженных глаз,
Как поесть нам хотелось, несчастным,
Как война всех обидела нас.

На линейке школьной сообщали
Сводки страшной, смертельной войны,
Вся душа от неё замирала,
И когда ж эти кончатся дни.

Слёз хватало, особенно мамам,
Что тянули тот тяжкий воз,
За отцов и за всех успевали,
На себе тащили весь колхоз.

Сорок второй был особенно тяжким,
Всех мужиков подобрали на фронт,
Плакали дети, жёны и каждый,
Весь у причала плакал народ.

У Рожкова Ильи Константиныча
Пятеро малых осталось детей,
Забрела жена в реку, мучаясь:
«Как же одна с ними буду теперь?»

Не вернулся ни он, ни без вести,
Похоронки лишь вместо них,
Женихов не дождались невесты,
Приходился один на троих.

Моя мама по сыну страдала,
В восемнадцать на фронт он ушёл,
Долго Бога она умоляла –
Легкораненый в ногу пришёл.

Пережито spolна моей мамой,
Пока не было с фронта Ильи,
Вся душа её исстрадалась,
Разговоры о нём все вели.

Вечерами окно открывала,
Домик наш над рекой Ангарой,
Звук гармошки до нас доносился,
До войны так играл сын родной.

Со слезами его вспоминала,
Всё ждала треугольник письма,
Ей и нужно-то только два слова,
«Жив, здоров», – пощадила война.

Ей крутая досталась судьбина,
По статье пятьдесят восьмой
Отца, мужа забрали невинными,
Двое деток, осталась вдовой.

Вспоминая те годы-невзгоды,
Как трудилась с темна до темна,
Лучом светлым среди непогоды,
Илью - сына домой дождалась.

Зятем стал ей Миша Дидоха,
Этим тоже довольна была,
Он оказался работник пригожий,
Есть награда за труд – не одна.

Он в те самые годы мытарства
Был в колхозе жнецом и косцом,
Ангарский хлеб сплавлял государству,
Сам грузил молодецким плечом.

Зим двенадцать – на вывозке леса,
Больше плана всегда выполнял,
Где бы муж мой тогда не трудился,
Всюду лучший пример подавал.

В день Победы не всем было весело,
Помним радости наших сердец,
Ленты, галстуки красные весили,
На углах всех домов и крылец.

Полевые посеы в ту пору
Прекратили, чтоб восточку дать,
Прямо с трактора, вместо конторы,
Людам слово «Победа!» сказать.

Кто живой после фронта остался,
Возвращался счастливым домой.
Мы от радости плакали с мамой,
Что мой братик вернулся живой.

Он под Минском был ранен в ногу.
Пуля только задела слегка,
Видно, век уготован был долгим,
Похоронкой судьба обошла.

Он сообщил нам, что скоро приедет,
Снова мать потеряла покой,
Как теперь надобно встретить,
Вся родня соберётся гурьбой.

ДЕТИ ВОЙНЫ. ОДИН ИЗ СТАИ ПОДРАНКОВ

В.А. Панов

ПОКОЛЕНИЕ, ДЕТСТВО КОТОРОГО ОПАЛЕНО ВОЙНОЙ, ИЗВЕСТНЫЙ
СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН НАЗВАЛ
ПОДРАНКАМИ

Нашей Победе 75 лет. Участников той войны осталось совсем немного, как и тех, кто ковал Победу в тылу, кто одевал, кормил, вооружал армию. Уже состарились дети, родившиеся в победном 45-м, многие «дети войны» не дожили до этого, юбилейного, Дня Победы.

Долго думал: писать ли этот материал? Для тех, чьё детство выпало на военные годы, ничего нового не скажу, почти у всех оно похоже, но, может, кто-нибудь из поколения наших детей, внуков и правнуков прочтёт эти строки, написанные одним из многомиллионной стаи подранков.

Весть о начале войны с Германией в нашу маленькую, в одну улицу, деревню Сизая, уткнувшуюся одним краем к речке (притоку Ангары), принёс председатель колхоза, вернувшийся из соседней деревни, из сельсовета, куда был вызван «нарочным». Такие вызовы были большой редкостью, потому деревня как бы замерла в ожидании: к чему бы это? У колхозной конторы, собравшиеся в ожидании председателя мужики молча курили, бабы, сбившись в кучку, негромко переговаривались о чём-то своём. С появлением председателя все притихли, а он, спешившись с лошади, сдавленным голосом произнёс: «Война, мужики... Немец напал...» И было это 23 июня 1941 года, в понедельник.

С того дня деревня жила уже по-другому. Непонятно было народу: почему «немец напал», когда в газетах писали о каком-то договоре о ненападении? Как могла Красная Армия пропустить врага через границу, которая, как пели в песнях, была на замке? Вопросов много – ответов на них нет. Мужики доказывали друг другу, что война закончится быстрее, чем их призовут, бабы нутром своим чувствовали, что беда пришла надолго.

Вести с фронта были скудными: единственную в деревне газету «Правда» привозили раз в неделю, а у тоже единственного радиоприёмника, что стоял в колхозной конторе, «сели» батареи.

Колхозные поля радовали всходами, в кузнице ладили сенокосную «технику», мужики готовили нехитрый инвентарь. После Петрова дня вся деревня вышла на сенокос. После работы народ собирался у конторы: обсуждали запоздалые новости с фронта, мучились неизвестностью о завтрашнем дне. «Правда» писала о всеобщей мобилизации в действующую армию, а до деревень, расположенных по речке Кова, она ещё не дошла. Время проходило в повседневной работе и в ожидании... И всё же августовский день, когда представитель военкомата привёз призывные повестки, стал как бы неожиданным. Мобилизации подлежали все мужчины, подходившие по возрасту. На сборы было отведено трое суток...

Ночь перед отправкой деревня не спала – почти из каждого дома кто-то да уходил на войну. Мама рассказывала, когда мужики, сев на лошадей, выехали из деревни, провожавшая их толпа матерей, жён и детей словно оцепенели. Каждый думал о своём,

а все – об одном: что будет? Как жить? Начался новый отчёт времени, полный тревог и ожиданий вестей с фронта, людского горя и непомерно тяжёлой работы, свалившейся на плечи стариков, женщин и детей-подростков. Хотя фронт и был где-то далеко, дыхание войны чувствовалось в каждом доме. Дня, когда привезут газету (один раз в неделю), ждали с тревогой: хорошие вести приходили редко. Если на письме-треугольнике был незнакомый почерк, случалась какая-то беда. Хорошо, если письмо писала медсестра или сосед по госпитальной койке, значит, жив родной, хотя и ранен. Но случалось, когда писал однополчанин, на глазах которого чей-то сын, муж, отец захлебнулся кровью в атаке... «Похоронки» обычно привозил председатель сельсовета. Если он направлялся к чьему-то дому, да ещё и не один, значит, пришла беда. Тут уж голосила вся семья, а на истошный плач вдовы сбегалась вся деревня.

Мой отец, Алексей Палевеевич, 1904 года рождения, ушёл на фронт с первым призывом.

Дома осталась жена с пятерыми детьми. Старшей дочери шёл четырнадцатый год, а младшему не было и четырёх месяцев. Вот такая, как у нас говорили, борона легла на плечи моей тридцатипятилетней мамы. До сих пор удивляюсь, как ей удавалось накормить, одеть-обуть такую ораву.

Работу в колхозе оценивали трудоднями, на которые после сбора урожая получали только зерно, основную же массу хлеба колхоз сдавал государству, так что колхозникам для распределения оставались сущие крохи. Часто хлеба не хватало до нового урожая, и выручало то, что было выращено в собственном огороде. Да, у нас была корова, но от неё нам доставался практически один обрат: нужно было сдать государству в год более десяти килограммов топлёного масла и, как сейчас помню, пятьдесят два килограмма мяса (от приплода).

Накормить детей – одно, а вот во что их одеть и обуть... До войны отец по осени ходил на пушной промысел, и за сданную пушнину могли купить, как тогда говорили, кое-какую мануфактуру (ткань). С уходом отца семья лишилась такой возможности. Одежду шили из холста, который мама ткала сама на самодельном ткацком станке. Для этого нужно было вырастить коноплю, обмолотить, чтобы получить семена для следующей посадки, вымочить, а затем высушить стебли, освободить волокна от твёрдой сердцевины (костриги), вычесать, спрясть и соткать. Всё это делалось вручную и занимало много времени. Надо сказать, холсты у мамы получались отменные, из них она нам шила, тоже на руках, и штаны, и рубахи, и платья сёстрам.

Отец воевал, как он писал, в пехоте. Как мы потом уже выяснили, на Волховском фронте, под Ленинградом. В скудных письмах просил маму беречь себя и детей, и мама делала для нас всё, чтобы отцу легче было переживать разлуку с семьёй. В конце 43-го отец был ранен в ногу и из госпиталя писал чаще. Последнее письмо было датировано 17-м февраля 44-го, уже из части. Писал, что «завтра наш полк идёт в наступление». Как потом было сообщено в извещении, 18-го он был убит. Выходит, когда мы получили от него письмо, его уже не было в живых. Потом письма от отца перестали приходить. Мама чувствовала недоброе, но верить в худшее отказывалась. Оказалось, «похоронка» на отца в сельсовет пришла уже по лету, так как из-за весеннего половодья почта из райцентра не доставлялась. Когда мама увидела идущих к нашему дому председателя сельсовета, нашего колхозного председателя и жену младшего брата отца Гавриила, погибшего под Полтавой в сентябре 43-го, поняла, что несут они страшную весть. Мне было тогда уже шесть лет, и у меня до сих пор сохранилась в памяти ползающая по двору на коленях мама, а в ушах звучат её стенания и причитания.

Похоронен отец в братской могиле в деревне Заполье Плюсского района Псковской области. На одной из плит мемориала высечено его имя. Я посетил это святое для меня место.

Но надо было жить, растить детей. Хотя старшие сестра и брат работали в колхозе, жить становилось всё труднее, на колхозный трудодень причиталось всё меньше хлеба, наша коровка от бескормицы всё меньше давала молока, а сдачу масла государству никто не отменял.

За погибшего отца нам назначили пенсию, но, как только почтальон её привозил, приезжал и финансовый инспектор, и тут же вся пенсия уходила в уплату налога или государственного займа. Денег не было, даже чтобы купить спички и керосин для лампы. В загнилке русской печи всегда тлели угли, чтобы добыть огонь, а дом освещался горячей лучиной.

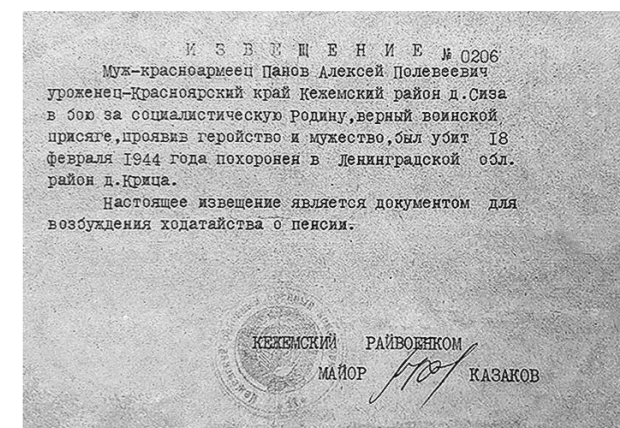
В школу я пошёл в 45-ом. Но ещё до школы летом, вместе со взрослыми, ходили на прополку сорняков на колхозные поля, в сенокос мальчишки возили на лошадях копны сена. В погожие дни на сенокосе работали до заката солнца, мальчишки даже соревновались между собой, кто больше вывезет копен. Уже с третьего класса летом я стал работать на основных колхозных работах. Обычно в сенокосилку запрягали две лошади, но, чтобы им было легче, впереди ставили третью. У нас называли «тянуть гусем». Так вот, этой третьей лошадию я и управлял с начала сенокоса и до конца жатвы. И так изо дня в день, верхом на лошади по двенадцать-четыре часа. В жару и в дождь. Пауты и мошка буквально заедали и лошадей, и людей, спасались от гнуса специальными сетками, сотканными из волоса лошадиных хвостов, и дёгтем.

В мои обязанности, кроме того, входило треножить лошадей, выпуская их на пастьбу, а утром поймать и запрячь их, мазать дёгтем от овода, вручную крутить точило-наждак, на котором точили сегменты ножей сенокосилки и жатки. Помню, в четвёртый класс со всеми вместе я не пошёл: председатель «отпросил» меня у учительницы, чтобы я доработал до конца жатвы.

В пятый класс учиться я совсем не пошёл, так как семилетняя школа находилась в другой деревне, в сотне километров от нашей, а школьного интерната при ней не было. Да и прокормить меня мама в чужом краю не могла. Помогал ей на ферме, «гонял прогонь» (отвозил в соседние деревни командированных), отвозил солому от молотилки на току.

В следующем году в соседней от нас деревне открыли пятый класс будущей семилетней школы. Ну, тут уж близёхонько, всего в тринадцати километрах. Стала мама меня собирать, договорилась с жильём с одной семьёй, у которой, кстати, было своих трое детей. Жили мы на этой квартире с моим одноклассником из нашей деревни. Спали на полу, еду, в основном картошку, готовили себе сами. В шестом классе я жил у школьной уборщицы, потом она меня пристроила к одиноким старикам. Вместо платы за проживание я помогал им по дому, а иногда и подкармливали меня.

По субботам после школы мы обязательно шли домой, чтобы заготовить харчи на очередную неделю. Что значит заготовить? Колхоз наш окончательно пришёл в упадок, денег, чтобы купить хлеб в леспромхозовском магазине, не было. Мы нашли такой выход: летом выращивали табак, к моему приходу мама его высушивала, а в воскресенье я его готовил к употреблению и с младшим братом ходил продавать леспромхозовским рабочим. В орсовском магазине колхозникам хлеб не разрешали продавать, но продавец, отец большого семейства, в нарушение запрета продавал мне две-три булки. Это и был запас на неделю.

«Похоронка» на А.П. Панова. 1944

Братья Пановы Анатолий (слева) и Валентин (справа) с мамой. Д. Сизая Кежемский район. 1949

километров. За четыре дня я добрался до дома. Ночевал по деревням то у родственников, то у людей, знавших моих родителей.

В колхоз работать не пошёл, устроился в леспромхоз: прорубать в лесу подьезды к сваленным деревьям. Но через короткое время меня уволили: дети колхозников не имели права работать на производстве. Мне так хотелось получить хотя бы среднее образование, и в следующем учебном году я снова поехал в Кежму. Жил и кормился у сестры отца, кое-какие продукты с редкой «оказией» присылала мама. У тёти тоже было четверо детей, и мне было стыдно быть нахлебником. Поэтому в девятом классе я решил жить в школьном интернате. Осенью старшеклассников отправляли в колхозы помогать убирать урожай. За месяц я заработал, сейчас уже не помню, несколько центнеров зерна, интернатовская уборщица нашла на него покупателя. На вырученные деньги купил кое-что из одежды. Особенно запомнились синий габардиновый плащ и коричневые туфли на светлой подошве.

Видя моё стремление к учёбе и трудное материальное положение, учитель физики Николай Филиппович Коростелёв, вечная ему память и благодарность, устроил меня лаборантом физкабинета, за что мне платили сто пятьдесят рублей в месяц, да вернувшийся из армии старший брат присылал мне по пятьдесят рублей. Жили в интернате в комнатах по восемь-десять человек. Посредине стоял стол с несколькими керосиновыми лампами, на котором готовили уроки. Еду себе готовили сами, на большой кухне.

Ещё в шестом классе, как только исполнилось четырнадцать лет, вступил в комсомол, принимал в его работе самое активное участие. Среднюю школу окончил в 1957 году, когда мне уже было девятнадцать, потому что учился с вынужденными перерывами. В нашем классе таких детей-подранков, как я, было большинство. В том же году был призван в армию.

Отец погиб в сорок лет. Я сегодня более чем вдвое старше его. Но мне и ныне не хватает его. У меня никогда не было возможности о чём-то посоветоваться с ним, у меня никогда не было возможности сверить свои действия с тем, как бы он поступил в той или иной ситуации. Какие черты характера я унаследовал от него? Как бы сложилась моя жизнь,

Как я завидовал своим сверстникам, у которых вернулись с фронта отцы или был хотя бы дедушка. Им было намного легче, чем мне. Старшая сестра после начальной школы тоже некоторое время не училась. Старший брат отца, единственный вернувшийся с войны, который жил в райцентре, видя наше бедственное положение, взял её к себе, там она в 1952 году закончила семилетку, устроилась на работу и решила меня взять к себе. Так что семь классов я закончил в Кежме. Жили на съёмной квартире и как-то сводили концы с концами. Но, как говорится, на мою беду сестра вышла замуж в большую семью. Они с мужем решили, что я буду жить у них. Так я доучился до нового года, а потом решил оставить школу, видя, что мой рот в этой небогатой семье лишний. В начале января пешком отправился в свою деревню. Путь предстоял неблизкий – около ста пятидесяти километров.

если бы я вырос с отцом? Нет ответа. Потому что я не знал своего отца. Это трагедия детей моего поколения. Мне становится страшно, что сегодня, когда мы семьдесят пять лет живём без войны, некоторые дети не знают, кто их отец или мать. Стоит задуматься, туда ли мы идём...

Совсем недавно, на самом высоком уровне, власти официально признали, что в стране есть ещё одна категория людей, пострадавших от войны, это дети, пережившие или родившиеся в то страшное время, даже специальный знак учредили – «Дети войны». Хорошее дело. Вот если бы ещё и материально их поддержали, чтобы в остаток жизни они ни в чём не нуждались. Война лишила их детства, большинство не смогли получить образования, тяжёлая работа в детском возрасте подорвала здоровье. Они перенесли голод и разруху, а потом восстанавливали страну. Нынешнее поколение обязано помнить об этом.

Газета «Советское Приангарье», 10.05.2020

ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

В.С. Привалихин

В начале лета 1942 года к нам, в деревню Соколову, привезли восемь семей немцев – переселенцев с Поволжья. Из восьми семей было двадцать пять работоспособных человек. Так как на фронт ушли все крестьяне, кадров для выполнения сельскохозяйственных работ не хватало. Эти двадцать пять работников пригодились кстати.

Из восьми семей помню только четыре фамилии немцев. Шмидт Амалия – глава семьи, дети – Андрей, Александр и сын-школьник. Мать и старшие сыновья работали в колхозе. Кауфман Мария – глава семьи, дети – Андрей, Филимон – работали с матерью в колхозе, а сын Виктор был школьником. Найман Лиза – глава семьи, дети – Лиза, Ольга и Эмма – работали с матерью в колхозе. Вакар Филипп – глава семьи, жена Мария и племянник Иван работали в колхозе. Мать Филиппа вела домашнее хозяйство.

Фамилии остальных семей не помню, запомнил только прозвища. В семье Адама «Большого» все работали в полеводстве. Адам «Маленький» (глава семьи) работал бондарем, дочь Мария работала в колхозе, жена – домохозяйка. Ещё одна семья: свекровь в годах и её невестка работали в колхозе, сын Саша – ученик. Одна семья жила на квартире у деда Степана. Мать, её дочь и сын работали в колхозе. Все немцы работали честно, добросовестно. С местным населением жили в дружбе и согласии.

Когда привезли немцев, мне было девять лет. С семи лет я тоже работал в колхозе – в летние каникулы, на лошадях.

Во время войны сахара в деревне не было. И вот немцы решили эту проблему. Они научили производить сладкую патоку из моркови. Всё это делали в русских печах. Морковь варили, отжимали, после в чугунах выпаривали до определённой кондиции. Получали очень сладкую патоку. Вот за это им огромное спасибо!

Немцы у нас вообще не рыбачили. Во-первых, у них не было снастей и лодок. Рыбой их снабжали наши женщины, а немки за это белили в домах.

Всем немецким семьям колхоз выдал коров, овец. Нарезали землю под огороды. Работали немцы в бригадах, вместе с нашими, работали честно, без всяких недовольств.

ОТЕЦ

Л.Н. Рукосуева

*Николай Ефимович Коваленко (1915-1942).
Умер от ран в марте 22 числа*

Никогда мне не снится отец,
Я его никогда не видала,
В 41-м ушёл он на фронт,
Об отце я всегда лишь мечтала.
Одну фотку успел он отправить,
Треугольников-писем – лишь пять,
Вот и всё, что судьба нам сумела
Об отце дорогом рассказать.
В марте 42-го года,
В бою под Москвой,
Солдат умер от ран, на поляне,
От родных и детей далеко.
Был простым он солдатом,
В пехоте исходил пешком,
Хотел же защищать Россию,
Только до дома не дошёл.
Две дочки малые остались,
Жена и мать – все ждали мы тебя,
Но похоронку им вручили в марте,
И в 28 лет погасла жизнь твоя.
В твоей жизни не было покоя:
То раскулачивали отчий кров,
Потом коммуна и колхоз,
Работа в поле, а зимой – обоз.
Был запевалой, сильным, добрым,
Любил людей, семью свою,
Ещё любил коней сибирских
И воплощал мечту свою.
Я так хочу, чтоб ты, отец, приснился,
Явился, хоть больной иль стар,
К тебе б прижалась, обласкала,
Накормила и положила б на диван.
Может, твоя душа давно на небе
И наблюдает с высоты,
И в том новом, далёком мире
Вновь встретимся с тобою мы.

15.07.2013

ПОРТРЕТ

А.Ф. Попова

*Посвящаю дяде,
Василию Ивановичу Рукосуеву*

У бабы на стене портрет
Висел с военных давних лет.
На нём – мой дядя, мамин брат:
Танкистский шлем, лукавый взгляд.

Мальчишка, видно по всему, –
Семнадцать лет всего бойцу...
Он жизнь любил, он жить хотел,
Но в танке заживо сгорел...

Он лишь портрет прислать успел:
Лукавый взгляд, танкистский шлем.
И написал, что скоро в бой,
Закроем Родину собой!

Мол, или голова в кустах,
(Тьфу, тьфу, тьфу) или грудь в крестах!
С победой ждите вы меня...
Что ты наделала, война?!

Вдруг в старшем сыне узнаю
Я беззащитный изгиб губ,
С лукавинкой косящий взгляд
От дяди Васи тоже взят.

И даже золото волос,
Излом бровей, в веснушках нос.
Защитник тех, кто слаб и прав,
И у него – весёлый нрав.

ПРАДЕД

Р.А. Савельев

Эта история для меня началась ещё в детстве, когда бабушка, Екатерина Иннокентьевна Попова, уроженка деревни Усольцево Кежемского района, рассказывала о своём отце – Иннокентии Михайловиче Привалихине, о том, что она его почти не помнит, так как его забрали на войну, когда ей ещё не было и шести лет. Всё, что осталось у неё от отца, это его портрет, присланный им с фронта, свидетельство о рождении и печальная похоронка на старом клочке бумаги. Бабушку всегда расстраивало, что она даже не знает, где похоронен её отец.

И вот как-то я решил задаться поиском прадеда. Единственным источником информации была похоронка, в которой говорилось, что прадед был убит 28 января 1942 года в Ленинградской области, близ деревни... Но, увы, название деревни было написано неразборчиво: то ли уже от времени, то ли рука политрука, который её писал, дрогнула в этот момент.

Свои поиски я решил начать с нашего краевого военкомата: может, у них в архиве осталась какая-то информация. К сожалению, там со мной даже не стали разговаривать, сухо сказав, что ничем не могут помочь. Тогда я решил обратиться в Интернет, который, как известно, «знает почти всё». Там я нашёл сайт поисковиков soldat.ru. Зарегистрировавшись на нём, я оставил свой запрос и уже стал забывать об этом, как вдруг мне пришёл ответ с подробным описанием, в каком полку воевал прадед, когда был призван и точное место, где он был убит и похоронен. Эта была деревня Мостки ныне Новгородской области.

Так совершенно незнакомые люди помогли найти место захоронения прадеда,

за что им земной поклон. Но, так как ранее не было известно, что прадед был похоронен рядом с деревней Мостки, на Мемориале «Любино Поле», фамилии прадеда на плитах не было. Всю полученную информацию от поисковиков я направил в администрацию Чудовского района Новгородской области, где и располагается Мемориал, с просьбой о внесении имени прадеда, после чего от администрации пришёл ответ, что имя прадеда будет обязательно внесено.

И в нынешнем году, на День Победы, я съездил туда удостовериться в том, что память о прадеде увековечена на мемориальной доске. Спустя семьдесят пять лет прадед найден, и теперь его имя навеки высечено на мраморе, вместе с именами других героев, отдавших свои жизни за нашу великую Родину и подарившие нам жизнь!

2017

Р.А. Савельев с портретом прадеда. 2017

Памятная фотография о встрече братьев Быковых в конце войны: Михаил (в центре, сидит), Матвей (1-й справа, стоит). 1945. Из фондов Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой

Ветераны Великой Отечественной войны в День Победы. П. Проспихино. 1980-е. Из фондов Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой

С. Паново. Июль 2009

Людам без Родины
жить не годится

ВОСПОМИНАНИЯ О РОЖКОВО, О МОИХ РОДНЫХ И О СЕБЕ

А.Н. Атаева

А.Н. Атаева. День России. Г. Красноярск.
2018

*Посвящается: моим родителям –
Николаю Васильевичу
и Прасковье Никитичне Быковым;
моим бабушкам и дедушкам –
Матрёне Иосифовне Быковой,
Марии Егоровне Рожковой,
Василию Никитичу Быкову,
Никите Демидовичу Попову.*

*Память о них всегда будет
жить в моём сердце!*

И снова хлынули воспоминанья
О детстве, юности моей.
Чувства любви и состраданья
К событиям давно минувших дней.
В той жизни не было богатства,
Но прошлое в Рожково мне родней.
Жаль, ещё нет такого средства,
Чтоб управлять историей.
«Чтоб со двора не шагу!», – но куда там!
Ляшак повёл меня на скотный двор.
«Барчонок» бровь рассёк копытом,
Перемахнув через забор.
А бабушка ревела лихоматом:
«Ой, сжабал девку-та, однако, не слышать», –
Я от толчка упала в грязь всем телом.
«Христёнок мой!», – а сил уж нет кричать.
Помню, колхозного быка дразнила,
Потом со страха убегала,
По огороду уползала.
Со мной была сестра Людмила.
Я воду ведрами носила
С реки и на крутой угор.
Соседка-бабушка твердила:
«Не вырастешь не сколь, доспетца горб».

Я иногда коров доила
На ферме, маме помогала.
Работали вручную, трудно было,
Но мама никогда не унывала.
Бельё в проруби полоскала,
Руки от ледяной воды сводило.
Мама меня не заставляла,
Просто я ей помочь хотела.
Труд деревенский с детства знала,
Возила копны в сенокос.
Как подросла, в волки сгребала,
А запах сена ветер нёс.
В четвёртом классе я училась,
Бывало, тексты не могла запоминать.
«Ложись, родна,» – мне баба говорила, –
«Утре у печи прочитаешь и будешь знать».
Подарки в новогодние каникулы
Носили нам во двор «шуликины».
Мешок цветной крепили на бадог,
И насладиться каждый мог.
В куте всегда так вкусно пахло:
И шаньгами, и пирогами.
Мне в детстве несказанно повезло,
Что баба проживала с нами.
Родители целыми днями на работе,
А нам с бабулей было хорошо.
Вела хозяйство и всегда в заботе,
На стол накроет, если кто пришёл.
В доме всегда были запасы
И ягод разных, и грибов.
Хранились разные припасы,
Держали куриц и коров.
Я ознакомлю с родословной
По линии мамы и отца.
Как пострадали незаконно...
Воспоминаньям нет конца.
Мама Прасковья родилась в Рожково,
Их было пятеро в семье.
Богатства не было большого,
Но жили крепко на земле.
Отец Никита шорник был в колхозе,
Он и охотник, и рыбак.
И мать Мария «робила» в колхозе,
Вести хозяйство знала, как.
Но наступил тридцать седьмой,
И всё вокруг переменялось.
Отец был осуждён особою статьёй,
И даже фотографии не сохранилось.
И мама бросила учиться,

Пошла работать – надо жить.
 Теперь ей было к чему стремиться:
 Надо помочь детей растить.
 Его, конечно, реабилитировали.
 И имя доброе вернули.
 Ну, а родные точно знали,
 Что ни за что приговорили.
 И только всем «полегче» стало,
 Война обрушилась на мир!
 Народу силы не хватало.
 Страна стала огромный тир.
 Всю тяжесть бабы на себя взвалили,
 Работали все на износ.
 Возили сено, лес рубили
 В сорокаградусный мороз.
 Бабушка хлеб пекла для фронта,
 По несколько замесов в день.
 Не оставляли запасного фонда,
 К пшенице добавляли рожь, ячмень.
 «Всё для Фронта», – людям стал девизом,
 Хлеб ели вместе с овсюгом.
 Ждали Победы, как сюрприза,
 Жили надеждой об одном.

А. Быкова, А. Попов, Е. Быков (слева направо). Передняя улица в д. Рожково. 1960-е

ОНА пришла, и мужики вернулись,
 Чтоб к мирной жизни приступить.
 И мама папе приглянулась,
 Посватал, стали вместе жить.
 Папа служил в разведке «Смерш»,
 Участвовал в войне с Японией.
 Возил он почту через огневой рубеж,
 Имел награды и гордился Родиной.
 Хочу о родословной папы рассказать.
 Родился он в деревне Сосново.
 Там родились отец его и мать,
 Потом переехали в Рожково.
 Отец Василий сгинул в сорок третьем.
 Он без вести пропал, как многие тогда.
 В большой семье родился и был третьим.
 Посватал бабушку, когда пришли года.
 Сначала родилась у них девчонка,
 А значит, папы старшая сестра,
 Но оказалась жизнь такой короткой,
 В 12 лет она от тифа умерла.
 Остался папа – рос, учился,
 Окончил семилетку хорошо.
 И бросил, на работу попросился,
 По матери тоскнул душой.
 А его мать Матрёной звали,
 Родилась она в большой семье.
 Девять детей Быковы растили
 И жили счастливо вполне.
 Но так судьба распорядилась –
 Родители уходят в мир иной.
 Матрёна (бабушка) за старшую осталась
 И потеряла навсегда покой.
 Братёв и мужа унесла война,
 Младший Григорий вернулся инвалидом.
 Познала горя, как и вся страна,
 Справляла по убитым панихиду.

И у её сестёр была своя судьба,
 Кто-то уехал на чужбину
 В поисках счастья. Так прошли года.
 На этом завершаю я былинку.

Они, покинув этот мир земной,
 В сердцах родных жить будут вечно.
 Но не воскреснут, как трава весной.
 Как жаль, что жизнь так быстротечна.

ДЕТСТВО

Л.И. Костина

Хоть и много прожито, не могу забыть –
Детство босоногое всё в глазах стоит.
Деревенька крошечна выглядит заброшенной,
А вокруг находятся все дары тайги.
Нами всё исхожено, много троп проложено,
Где и не ступало ни одной ноги.

Все послевоенными были мы детьми,
Играми военными все увлечены.
Ещё свежей памятью, не забытой в вечности,
Отдавалось в играх эхо той войны.

В пору сенокосную копны подвозить,
Все спешим пораньше лошадь получить.
Кто же стал счастливым, несказанно рад –
Получил сегодня он в сенокос наряд.
Копны все с уменьем надо объезжать,
Только так вам будут лошадь доверять.

Сенокосным запахом за день пропитаемся,
Голова закружится от такой красоты.
И надолго в памяти запах тот останется,
И трава утрами в свежести росы.

И довольно часто после вспоминали,
Как мы собирали в поле колоски,
Досиня купались, напрочь обгорали,
Лёжа на песочке у родной реки.

Нас тогда не надо было даже торопить,
Нам всегда казалось, если не спешить,
Что-то слишком важное можем пропустить.
Дети деревенские тем и хороши –
На природе строили храм своей души.

Детство, красота родной природы
Оставят на душе неизгладимый след.
И все оставшиеся годы
Нам будет виден их неугасимый свет.

ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ – КЕЖЕМСКИЙ РАЙОН

Л.И. Костина

Не можем родину забыть,
Нельзя её предать забвенью.
Родиться там пришлось и жить
И нам, и многим поколениям.

Однажды всё вдруг изменилось,
И разъезжаться всем пришлось.
Всё где-то там, вверху, решилось –
На людях здесь отозвалось.

Я снова здесь, в селе Болтурино,
Но не узнать знакомые места.
Всё то, что было дедами построено,
Всё рушится, уходит навсегда.

Места красивые нам постоянно снятся.
Незабываемы до сей поры.
И незабвенно в памяти хранятся
Родной природы щедрые дары.

И с тайным трепетом ходила
Я мимо дома своего.
Какой неведомою силой
Меня всегда сюда влекло.

Всегда живут в воспоминаньях
И эта улица, и дом.
Былые радости, страданья
Вновь в сердце ожили моём.

Прошла на кладбище за горкой,
Где наши предки все лежат.
Судьбе подвергнутые горькой
И им придётся уезжать.

На горке тоже побывала,
Где панорамой видны
И берег дальний, лес и скалы,
Просторы милой Ангары.

И душу болью защемило,
Сжимая комом от тоски.
Ведь это всё, что сердцу мило,
Когда-то станет дном реки.

Хотя зовёмся господами,
Слепцами быть никак нельзя.
Мы с вами стали вновь рабами
Великих планов громадьи.

РОДИНЫ ВКУС

Л.И. Костина

Любуясь на природе красотой,
Ты мысли ей наедине доверишь,
В пространстве растворяешься душой
И в бесконечность времени поверишь.

Безмолвно стою на крутом берегу,
Внизу плещут белые волны.
Эту стать Ангары и небес синеву,
Как себя, я с рождения помню.

Тихий шелест белых берёз,
С плеском и ветром сплетаясь,
Миллионами полнятся грёз,
В моём сердце волной отзываясь.

Запах трав и цветов аромат
Своей нежностью голову кружат.
Сокровенное мне говорят
И доверием душу тревожат.

Это – родины вкус,
Это – родины цвет
В летний зной или зимнюю стужу.
Мне достался счастливый билет,
Постараюсь быть тоже ей нужной.

ХОЧУ...

Л.И. Костина

Хочу, чтоб люди, наконец-то, поняли:
Мы – дружная, единая семья.
У всех у нас одна лишь Родина –
Планета наша, общая Земля.

Всё на Земле для нашей жизни создано,
Обязанность же наша – осознать,
Всё это в виде приумноженном
Потомкам нашим дальше передать.

Деянья наши не пройдут бесследно,
Хорошие, плохие – всё равно.
Но, для того, чтобы прожить безбедно,
Хороших дел побольше быть должно.

Хочу, чтоб не имели мы границ,
Везде имели въезд свободный,
Тогда и войнам на Земле придёт конец –
Жизнь мирная имеет вид достойный.

Хочу, чтоб человечество опомнилось
И ценность жизни измеряло не в рубле,
Чтоб сердце каждого любовью наполнилось
К тому, что есть и будет на Земле.

ПЕРЕМЕНЫ

А.Ф. Попова

Не узнаю родных я берегов...
За тридцать с лишним лет
Они так изменились:
В деревне половины нет домов,
А те, что есть,
Рассыпались иль покосились...

А крест кладбищенский,
Который, нам казалось,
Вздымался до небес?
Погост уж нищенский,
Как оказалось,
И крест исчез...

Хотела я взглянуть
На речку – колыбель,
А та уж обмелела...
Печаль сдавила грудь,
Присела на валун –
От жалости сомлела.

Зачем приехала сюда?
И это ли хотела я увидеть?
Но для чего-то же рвалась душа!
Судьба так не могла меня обидеть!

Ах, Ангара! Тебя боготворю!
Тобою восхищаюсь и люблю!
Сейчас ты притаилась и молчишь;
Зимою подо льдом ты мирно спишь,
Как богатырь-медведь в берлоге.
Но лишь придёт весна, ты лёд взрываешь,
И мощью, силою своей всех поражаешь!
Недаром слава о тебе идёт в народе!

Я помню, как ещё ребёнком,
Встречала ледоход с восторгом,
Как на обрыве я стояла,
И в небо озорно кричала:
– Из-подо льда ты напролом,
Как мишка из берлоги,
Голодная, всё пьёшь и пьёшь,
Вбирая в себя воды!

Я знаю, миром всем тебя мы обижаем,
Всем, чем ни попадя, тебя мы загрязняем,
И вроде бы совсем не понимаем,
Чего себя в конце концов лишаем...

Довольно, грусть, уймись!
Я деревеньки облик прежний
Навеки в сердце сохраню.
Получше осмотрись,
Как Ангара глядит с надеждой,
Что я её по-прежнему люблю.

Вот обуздали ГЭСами тебя.
Не покоришься – уступила ты охотно,
Как мама неразумному ребёнку,
И силушку свою ты людям отдала.

Прости нас, Ангара,
Что в благодарность только
Слагаем мы стихи и песни для тебя...
Прими ещё и поясной поклон ты
Вот этот. Лично от меня...

НА ПОЛОГОМ, НА АНГАРСКОМ БЕРЕГУ

Л.Н. Попова

На пологом, на ангарском берегу
Деревенька Пашино стояла.
Нет её уж лет как тридцать,
Но она – судьбы моей начало.

В паспорте, с которым я живу,
Чётко значит, что пашинская я,
Это место, где я родилась,
Это милая и малая родина моя.

Пашино была деревня небольшая,
Но уютная и чистая: кругом песок,
Там и взрослые, и дети
Обходились без резиновых сапог.

Помню, как в холодной речке мы купались,
А потом в песке горячем быстро согревались.
Раскалённый жёлтый пашинский песок
Согревал нас, ребятишек, с головы до ног.

А ещё стрижей на нитку с пёрышком ловили,
Брали птичек в руки и слюной поили,
А потом их в небо снова отпускали,
Нам за это птицы крылья в жизни дали!

Пашино – родное, незабытое,
В уголке сердца – навсегда,
Не пройти мне тропками заветными,
Там везде уж плещется вода.

Не приехать в деревеньку нашу
На крутом речном угоре постоять,
Походить по той земле, с которой
Привелось нам жить начать.

Пашинские дивные просторы
Видятся во сне, как наяву,
Пусть и разлетелись пашинцы по свету,
Но деревню помнят всё ж свою!

ПОЕЗДКА ЗЕМЛЯКОВ НА РОДИНУ

Л.В. Привалихина

*«Но по-прежнему в памяти сердца
В белой пене ревет Ангара...»*

Началась поездка грустно,
Но, как сговаривались, в срок.
Совсем в «Заре» было не грустно –
Народ к турне был весь готов!

Вот здесь, за Стрелкой, почти сразу,
Проплыли «Островок любви»,
И, если не был там ни разу,
На камни эти загляни.

Они величьем впечатляют,
Вокруг – лихие буруны,
И те, кто «Камни» посещает,
Воспоминаньями полны.

Потом Татарка, староверы,
Потом Тасей и острова,
И разливалась перед нами
Родная наша Ангара.
Народ слегка проголодался,
Кошёлки начал открывать.
Достал бутылки с «Минералкой»,
Тихонько взялся принимать.

Мы все друг друга угощали:
Кто «самострелом», кто чайком ...
Потом рожденье отмечали –
Ей стало семьдесят с лишком.
Она нас всех очаровала
Своим ангарским говорком.

А песни, песни... Это что-то...
Поют душевно, правда, слов не разобрать,
Рубителева, Брудчикова, Шубина, Заборцева
И Валя с Катей, Лендели, Дубьяк...
Таланты их измерить невозможно,
Их надо просто слушать и внимать.

Мотыгино проплыли мы спокойно.
Там ширь такая – сердце так и мрёт!
А в это время журналистка Валя
У всех ангарцев интервью берёт.

Таланты продолжали раскрываться:
На сцену Гриша вышел почитать.
Куда там Евдокимову тягаться –
Его стихи пора публиковать!

Вот Каменку прошли, а там и Манзя.
Пинчуга и Солёный позади.
И вот перед глазами Богучаны.
Так встретят нас, не встретят? Поглядим!

По плану миновали Богучаны.
Гадали – где же будем ночевать?
И выдал нам идею папа Ваня:
Пора нам тагаринцев напрягать!

Все в Тагаре безумно были рады:
Нажарили свежайших харюзей,
Икрой в большом объёме угощали –
Нас принимали, как «больших» людей!

Наутро всех нас ждал сюрприз:
У механизмов тоже есть каприз –
Ворота шлюза не могли поднять,
И долго нам пришлось подъёма ждать!

И вот загнали нас в проход,
Подняли воду – и вперёд!

Но приключенья продолжались...
К родной деревне приближались...
Там Стёпа Галю с Ниной ждал,
А теплоход там не пристал...

Бежал навстречу катерок,
Он Галю с сумкой уволок.
«Куда страдалицу доставит?», –
Сидит народ в «Заре», гадает.

Проплыли Пашино, Рожково – их уж нет...
В Дворце остановились на момент,
Смочили в Ангаре мы телеса,
Засняли пустошь – нет уже Дворца...

Болтуриная скалка впереди...
Гляди, семейство, уважительно, гляди:
Мы с папой здесь «дружили» сорок лет назад –
Для всех влюблённых здесь был райский сад!

Пошли потом шивёры друг за другом –
Красиво и тревожно наблюдать!
А вот о шивере Ковинской
Отдельно надо нам сказать:
Здесь был когда-то самый первый поцелуй!

Отдельно про заимских расскажу,
От них в восторг я просто прихожу!
Как встали они у Алёшкино гурьбой,
Да как запели – и с надрывом, и мольбой...

И было слёзы невозможно удержать,
И десять раз «СПАСИБО!» хочется сказать!

От Недокуры впечатления не передать!
С «Зари» в автобус кинулись бежать,
Встречали миром, ужин сочинили,
Красиво и душевно говорили.
Звучали песни Влады и хозяев,
Плясали куклы, гости до утра общались!

А утром – в путь, немножко «растерялись».
Минут на десять всё же задержались,
Упали на сиденья и уснули –
Неплохо, видно, давеча гульнули.

Итог подбить пришла пора:
Пристали шибко – не поют с утра,
Но все довольны, рады, что «поднялись»,
Что с Ангарою милой повидались!

Слова признанья – всей команде корабля!
Богата мужиками Русская земля!
С шести утра, как встали у штурвала,
Так и поехали, пока уж вовсе не Стемнялось.

Но ночь нам оказалась нипочём –
В кильватере идём за тягачом.
Прошли Татарку и порог мы миновали,
И только в Стрелке мы о том узнали,
Что капитан-то тягача – наш землячок, Кежмарь!
Своих не бросит ни за что!

Август 2004

ОСОБЫЙ НАШ НАРОД АНГАРСКИЙ

Г.А. Заборцев

Особый наш народ ангарский,
Весёлый и талантливый народ:
И песни он поёт не хуже, чем Боярский,
И милостыню не стоит, не просит у ворот.

А говор-то какой у нас!
Хоть раз услышишь,
И не забудешь этот говор никогда.
И лишь с ангарцами легко, свободно дышишь,
Что так и хочется у них остаться навсегда.

Ангарцы тают, словно льдинки,
Поэтому встречаются –
Они же родом из глубинки,
Увидеться стараются.
Они же знают:
Скоро-скоро встречаться будет некому,
Нет сил со старостью справляться –
Мы все приходим к этому.

А вы, ангарцы, кто моложе,
Встречайтесь чаще, не жалейте сил,
Жить в одиночку невозможно –
Вам будет белый свет не мил.

ПРИАНГАРЬЕ РОДНОЕ...

О.Г. Шадерова

О.Г. Шадерова. Г. Красноярск. 2020

*«Где же мы? – ты спрашиваешь, –
где ж мы?».*

*И мотора рокот заглуша,
Отвечаю: «Мы в районе Кежмы,
Ангара здесь чудо – хороша».
И. Рождественский*

Опять я, как в детстве, бегу по песку,
Забыла я город, гоню я тоску.
Я в детство вернулась чрез 30-то лет!
И знала я: мест тех красивее нет!

Живу не спокойно, не гладко, не так,
Как виделось в детстве на синих водах,
Мечталось у сосен на Лысой горе,
Мечталось и верилось только себе.

Тебя покидая, отеческий край,
Просила я тщетно: меня не предай!
И родина тихо в ответ промолчала,
А лет через 30 мне всё рассказала.

Она рассказала пожаром лесов,
Что бор наш черничный от гари засох,
Что нет той полянки у синей воды,
Что в хвое не прячутся больше грибы.

Ангарской водицы испить не придётся –
В ней много металла теперь там найдётся,
Завален деревьями «сочинский» пляж,
Разъехались жители, деревни впотьмах...

Стою на высоком крутом берегу...
Я с детством расстаться никак не могу.
Мой дом покосившийся греет теплом,
Далёким и чистым жёлтым окном.

Окно по ночам мне приходит во сне,
Чтоб вновь рассказать о суровой судьбе,
О том, что деревня под воду уйдёт,
Как будет страдать приангарский народ.

Забудут потомки Дворец и Косой,
И скалку, и Ёрму с хрустальной водой,
И шум шиверы, что Медвежкой звали,
Забудут про баржи, ангарские дали.

Я в сердце тебя сохраняю навечно,
Река Ангара. Приангарье родное!
Ты снись по ночам, оттого мне теплее,
И родина ближе ко мне и милее.

2004

МАЛОЙ РОДИНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

О.Г. Шадерова

От радости до печали – один шаг.
От радости до печали – один взмах.
Из души вырывается крик,
Крик, зовущий к тебе хоть на миг.

Хоть на миг, я к тебе, Ангара,
Вновь вернуться хочу, в детство.
В мир зеркальной воды и песка,
Янтарем жёлтых бус покоровивший меня.

Здесь могучие сосны, лелея меня,
Колыбельную песнь напевали умело,
И, заветную сказку храня,
В мир вступала незримо и смело.

Напевали мне сосны про водную гладь
И бурлящий поток шиверы Кособыцкой,
Ветра-хиуса свист, где отец мой и мать
Называли наш край безобидно: «ямщицкой».

Тонкорунным серпом здесь всходила луна,
И на сопке подснежники ярче белели,
И рудовые сосны, качая меня,
Тонкорунною песней звенели.

И шумели шивёры, вторя песне той в такт,
И рыбацьи лодчонки швыряли,
И звенела вода по камням-валунам,
И не знала, что «деется с нами».

И оборвана нить, и погасла заря,
И уходит дом мой под воду...
Может, сон? Может, явь? Или я, иль не я?
Горько мне: родина плачет...

2013

Ангара

«Я В ОСЕНЬ ЭТУ НЕ ПИШУ...»

О.Г. Шадерова

Осень 2011 года, затопление..

Я в эту осень не пишу,
Слагать стихи не смею,
От пряных листьев там, в лесу,
Я попросту немею.

Немею и от тишины,
Звонящей, радостной, осенней.
По-летнему хороши дни
И солнца луч весенний.

Весною пахнет.. Что же так?
Природа загуляла,
И первым заморозкам
Власть капризы показала.

Последний поклон д. Селенгино, родине прадедов. Июль 2010. Фото С.Н. Карнаухова

Капризы осени...
И лета бабьего деньки,
И зелень трав росистых,
И георгин стоят пеньки,
Рябины куст – в лучах игристых.

Зажглась рябина вновь огнём,
И гроздь вмиг налились,
Как в осень ту, когда в Москве
Марина появилась.

Я так Цветаеву люблю
За «жаркий куст» рябины,
Берггольц – за «пышные куртины».
Зачем про осень мне писать?
Так хочется читать, читать!
Я в осень эту не пишу....

Сентябрь 2011

Ангара между о. Тунгусский и о. Большая Иринда. 2010
Фото С.Н. Карнаухова

ЛЮДЯМ БЕЗ РОДИНЫ ЖИТЬ НЕ ГОДИТСЯ

Н.Н. Николаевская

*Не ради словца и не из кокетства
Мы утверждаем:
все родом из детства.
Пусть дива дивные будут окрест,
Милее родины нет сердцу мест!
И счастлив ты, коль среди бурь и бед
Согреет душу отчих окон свет*

Простите, я идиллию нарушу,
Но отчий дом мне не согреет больше душу,
Ещё год-два – и от родных любимых мест
Останется лишь поминальный крест.
Даже погост, где предки покоятся,
Дурною водою морскою покроется...
Как только достроят Богучанскую ГЭС,
И сюда доберётся Прогресс.
Есть уже постановление:
«Деревни и сёла – под затопление!».

Быстро мчатся куда-то года.
Разъехались люди – кто куда!
Где-то устроились... может, уютно,
Но память людская хранит подспудно
Старые, добрые, милые лица
И вкус ангарской целебной водицы.
В угоду сомнительному интересу
Отдали край гробовщику-Прогрессу.
Построят ещё одну ГЭС-уродину,
А кто вернёт нашу малую родину?
Людям без родины жить не годится.
Не человек – перелётная птица.

Мне довелось видать убор других лесов,
Случалось, и другой воды напиться,
Но разве где-то есть другой простор,
Где так легко с Вселенной слиться?

Целебный воздух дух томит,
Небесный свет струится в душу,
Здесь тайны вечные тайга хранит,
И волны Ангары ласкают нежно душу.

Тут всё, к чему ни прикоснёшься,
Способно раны излечить,
Как будто мёртвой и живой воды напиться,
И вновь захочешь вечно жить.

Благословен будь край, что создала природа,
Так тщательно и не спеша трудясь!
Прекрасен ты в любое время года!
И мнится – жизнь отсюда началась.

Всё быстротечно в бренном мире...
Уйдёт и время дураков.
Воздастся должное гармонии и лире,
Мой край освободится от оков.
Хватило б только у небес терпенья,
Дыханье жизни чтоб не прервалось,
Край снова возродится из забвенья,
Чтоб испытать ещё не привелось.

Километрах в десяти от Аэропорта (Кежма),
Уже без всякого эскорта,
Вторая речка по камням бежала
И бриллиантами в травах дрожала.
«По колено курице» – негде напиться,
но холоднющая в ней водица.
Июльское солнце по небу ходит,
А в речке от холода ноги сводит.
Бежит одиноко и грустно вздыхая,
Но никогда не пересыхает.

***

Выше по течению – старая мельница,
Дивно развалилась лесная отшельница.
Но помнит древний скрипучий ельник:
Здесь жил когда-то могучий мельник.

Тут нету секрета – простой здесь ответ:
В Мозговой жил когда-то мой собственный дед.
Вот уже где хлебнули работы –
14 деток, 3 сестры и 2 брата-сироты.
В заботах ложились, встречали рассвет.
Здесь мама моя появилась на свет.
Дома увезли и исчезли подворья,
Давно погнивали заборные колья.
Со временем всё одичало кругом –
Выжил один двухэтажный дом.

Когда-то, наверное, здесь было Правление.
Недавно нашли и ему применение –
Сделали базу для сельских детей,
Что-то вроде пионерлагерей.
Я ездила как-то туда по путёвке,
И слушала сказки болтливой еловки.

До Мозговой лишь идёт дорога.
А забот у всех очень много.
Встанет Ангара, и окрепнет лёд –
Едет по льду рисковый народ.
Мчатся по зимнику конные сани,
В тулупе, на санях – мы с усами.
Летом по течению можно плыть,
Для скорости в лодке на вёслах сходить.
Обойти только мели и перекаты,
Которыми эти места богаты.
Но вверх по теченью на вёслах – не мёд!
Быстро Ангара их теченьем снесёт.

***

Вверх по Ангаре, за Мозговой,
Деревня Аксёново. Шли «бечевой»,
Как когда-то на Волге бурлаки,
По берегу шли с бечевой мужики –
Под верёвками спины гнули –
Баркас за собой тянули.

Километров сорок (с гаком!) путь,
Но некогда сесть и передохнуть –
На берег другой надо засветло сплавиться.
На том берегу – деревня-красавица.
Места глухие за Ангарой,
И называли их «Матерой».

Там старые реликтовые ели,
Как в зеркало, в воду смотрели.
А сразу за околицей – берёзы
Роняли весной свои сладкие слёзы...
Напротив деревни – песчаные плёсы:
Плёсы-пляжи и плёсы-матросы.

Не нарушая законов природы,
По берегу шли в ряд огороды,
По-чёрному баньки – здесь закалялись:
Напарившись, в снег... или купались.
Воздух еловой смолой напоён –
Народ здесь спокоен, умиротворён.

А деревня и вправду – красавица.
Деревянная церковь резьбою славится.
Дома высокие – чего скупиться?
Длинная тень на траву ложится.
Меж домами ровный, из брёвен, забор
Выводил на красивый угор.

Во все времена здесь колхоз был богатый.
Растили птицу, овец, скот рогатый,
Урожай зерна собирали славные, –
Хозяйство богатое, подворья справные!
Всегда наготове и ружья, и сети:
Народ работающий – такие же дети.

Здесь жили мамыны старшие сёстры.
Деревенский быт, увы, не пёстрый,
Но в гости к ним ездить я очень любила.
Дорогу туда, повзрослев, не забыла.

***

У тёти Кати был старый амбар –
Не просто амбар, а двухэтажный амбал!
Первый этаж – кладовые, подвал,
А наверху народ ночевал!
Здесь, бывало, в жаркую погоду
Набивалось много «мелкого» народу.
Но роскошью был деревянный балкон -
На нём уместился бы, кажется, слон!
Здесь как-то с подружкой Катюшкой
Не поделили стекляшки-игрушки...
Летела она вниз головой –
Меня из деревни сослали домой.

***

Среди чужих немного робея,
Любила смотреть, как гуляла «Корея».
Почему их так звали, сказать не могу.
Не потому ль, что на том берегу
Богатым отшельником жили
И между собою так крепко дружили?
Гулять в Корее умели!
А как они песни пели!
Такое многолосье выливалось на угор –
Чисто Уральский народный хор!
Голоса почище ангарской водицы –
Наверное, петь их учили птицы!

В Вознесенье окрестные елани будили –
Мужики на угоре «из пушек» палили.
Порохом чурки сперва начиняли,
Потом деревянной кувалдой взрывали.
Это просто был шик и блеск –
Вспышки, грохот и радости всплеск!

***

В Кежму, бывало, по теченью плывём,
(Ветер попутный – под парусом идём).
Старший берёт кормовое весло
И правит баркас, чтоб на мель не снесло.

Утром прохладно. Волна рябит,
О борт баркаса сердито стучит,
По днищу угрюмо плюхает –
На берегу где-то филин ухаёт.

Плывём близко к берегу – скалы отвесные,
Да, потрудились здесь силы небесные.
Красотища такая – куда ни глянь! –
Сосновый бор сменяет елань.
Луг заливной в болотистых кочках
Сменяют берёзки в зелёных платочках.

К обеду обычно так распогодится –
Становится жарко, раздеться приходится.
Беззаботно с борта свесишь ноги –
Тянутся на воде за ними две дороги.
А по небу – пышные облака
Плывут куда-то, кудрявые слегка.
Выпрямив стройные спинки,
Стоят над обрывом рябинки.
Разнотравье... в глазах рябит.
Над лесом кончик завис и парит.
Кукует кукушка – как ей не быть!
И мы пристаём к ней: «Как долго нам жить?».

Праздной жизни здесь не знали отродясь.
К небу о здоровье лишь взывали.
Вставали и ложились, помолясь, –
Другого бытия здесь попросту не знали.
Как в старину, вели свои дела:
Рыбачили, охотились, пахали...
Природа раньше щедрой здесь была –
И впрок исправно запасали.

Прощание с д. Аксёново. Карнауховы. 1990

Случались и бескормица, и мор...
Бывало, надсажались, жилы рвали...
Но был желанным гость и редким – вор:
Здесь избы на замок не запирали.
Рвачу и прохиндею не жилось –
За честный труд людей здесь уважали.
Любили и рожали, где стряслось,
В последний путь деревней провожали.
И были мужики, как на подбор, –
Другие просто здесь не выживали.
«Пустая» баба – чуть ли не позор –
Исправно ребятню тогда рожали.
Детей не нежили – пустое баловство!
Случись, сирот всем миром подымали.
Заботливо оберегали естество...
А имена старинные давали.

Баба Варя. Д. Яркино. 1990-е

Живая речь

ЖЕНСКИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

Информант: Адамайтис (урожд. Панова) Альбина Николаевна (1957 г.р.)

Место рождения: с. Проспихино Кежемский район

Место записи: с. Заледеево Кежемский район

Фамилия у меня девичья – Панова. Раньше же на Ангаре какие фамилии были? Панова, Рукосуева, Привалихина, а у нас вот...я с деревни Проспихино <...>. Ну, а замуж вышла я за Николая Семёновича Адамайтис. Его в своё время... у него отца сослали, и он отбывал... он был как вроде политический в деревне Аксёново. Селенгино, Аксёново, Усольцево – вон там они жили. Ну, а потом там уже стали закрывать деревни, и они переехали в деревню Дворец. У меня там жила бабушка в деревне Дворец. Я туда приехала в гости, познакомилась с Колей со своим и...вот, поэтому я стала Адамайтис. Но корни там у них, где-то есть в Клайпеде... там сестра узнавала, а так вот...

А родители – коренные ангарцы. У меня папу звали в деревне Проспихино Коля Чёрный. А почему Коля «Чёрный» он был? Он был чёрный, кудрявый.

– Вы знаете там Николая Панова Васильевича?

– Нет, не знаем.

– Да Коля-то Чёрный!

Всё! Вся деревня знает – Коля Чёрный. Ну, уже всё потом... И папа у меня, мама очень рано умерла. Воспитывалась с мачехой. И мачехи-то уже нет. Ну, я ей благодарна, конечно <...> .... и мужа моего, с которым прожили двадцать пять лет, тоже уже нет как семь лет. Ну, одной в деревне, сами понимаете...не очень-то. Поехали на Прощание в деревню Балтурино, и там повстречала я Ваню...у него даже фотография моя девичья есть в альбоме. У него уже жизнь была прожита. У меня уже как бы. Ну, чё? Я приеду, говорит, к тебе. Ну, приезжай. Было в июле, а он приехал в ноябре. Я говорю: «А чё не приезжал-то?». А я, говорит, боялся к тебе приехать. <...>.

Соб. – А родились Вы в каком году?

Инф. – 1957-м. 7 июля. А... сюда мы приехали в девяностом году. Как бы здесь уже двадцать пять лет прожили. В девяностом наш уже Дворец, деревню, затоплять стали, подготавливать. Ребятишек надо было в школу. У меня два сына. Сыну – тридцать шесть лет и тридцать один год. Один живёт здесь, в Заледеево, своей семьёй, а второй – в Красноярске. Ну, так получилось, что вот...уехал да уехал. Работает сварщиком там – в городе Красноярске, а здесь живёт сын старший. Вот и...нужно было детей в школу, а не хотелось нам сюда, в Заледеево. Нам не больно нравилось Заледеево, потому что далеко от реки. Мы-то там, во Дворце, и вот, в Проспихино, жили прямо на реке. Я самовар включила, самовар-самовары. Самовар пока греется, у меня Коля съездит, сети посмотрит, прибудет рёбища. Полным-полно, и...вот...что...

Соб. – Вы сами, поди, с ним когда-нибудь на рыбалку ездили?

Инф. – Ну, а как? Конечно, плавали. По тёмной воде харюзили. Харюзей плавали. По тёмной воде, когда только ещё лёд пронесёт, вода-то ещё тёмная, не светлая тогда. И вот плавали. Крест ставит, бросат... выбрасывают на верёвке, и на этом...ну...на сети...и...гребёшь там, ну, как уж можешь, а он уж там рулит...тоже веслом, а не дай Бог, если в сторону поведёшь, дак заревёт на меня по-всякому...Веслом. Пехлом.

Соб. – А «пехло» что такое?

Инф. – Пехло – это снег убирать. Снег. Пехло. Палка деревянная. Это щас железная да с ручками железными, руки пришыпывают, а тогда-то деревянная были и удобные. Ну, щас тоже уже стали...

Соб. – Мы хотели спросить про Вашу деревню Вашего детства. Про людей, которых Вы там знали. Может быть, про свою родню? Как они жили? Как они Вас воспитывали?

Инф. – Жили мы в Проспихино. Это самое...была...деревня богатая по тем временам, как я родилась, и была моё детство, потому что был большой леспромхоз. Леспромхоз был, в основном, в Проспихино и в Балтурино, и все вот эти деревни – они, в основном, ээ Тагара, все, и школы была у нас большая – десятилетка. Все...больше к нам, в Проспихино приезжали, и интернат у нас большой был, а директором школы у нас был Виктор Васильевич Умрихин. Это был от Боха человек. Правда. Хороший такой был он. И так вот, я помню, у нас в школе... вот щас же коридор да коридор, и всё? А у нас был коридор покрашен в две дорожки. Вот, чтоб сразу, с первого класса, учились ходить мы... туда идёшь если – по одной стороне <...>, если ты пошёл по этой стороне, обратно, а уже с той стороны идёшь коридора – уже по той стороне идёшь. И вот такие дорожки были. Я щас таких нигде не видела. Вот, чтоб... только были они покрашены прямо, чтоб это... вот...у нас в школе такие были. 100 лет Ленину было у нас... в этом, в Проспихино, большая гора была – Глинка. И вот на этой Глинке «100 лет» кострами выложили. Вот костры прямо, вот цифру «один», «ноль»...лет также. Всё это выложили. И вечером вся школа собралась, поздно вечером, и это же 22-го апреля, все собрались. Это было очень памятно! И зажгли вот эти костры. И это так, ну вот, знаете, высоко...как...далёко было всё. И это всё горело, вот. Вот, красиво было, вот. Это всё, конечно, была заслуга Виктора Васильевича...он у нас был. Потом он, позже, уехал в Козинск. Он в Козинске был директор. Тоже он уже...нет его. Вот.

Ну, а сама, почему у меня детство было такое? Моя мачеха была учительницей. Что, может быть, я, конечно бы, и где-то была ещё и даже хуже. Она прививала мне, ко мне, какую-то культуру... Она сама работала, жила в Джимбуле и детдоме. Мама умерла – мне было четыре годика, и папа привёз её к нам в деревню. У неё там родственник были... <...>.

Ну, потом...закончила восемь классов. Захотела ехать учиться, в совхоз же. Колхозы, совхозы стали на агронома <...>. Вот, поехала туда учиться. По силе, возможности не смогла его закончить и вернулась снова в деревню. В деревню приехала. Бабушка с тёткой у меня переехали во Дворец. Это всё в Проспихино было. Переехали во Дворец. И я к ним приехала во Дворец. И вот там...пожила немножко у них. Где-то работала...где-то на ферме приходилось работать. И, вот, вышла замуж... <...>.

Соб. – А скотину? Не бывало такого, что сглазят, а потом молока не давала?

Инф. – Ой, скотину. Я сама держала здесь корову. А скотину, вот у бабушки были кежемские. Скотину...значит, что нужно: от хвоста – самый кончик хвоста у коровушки отрезать и в стайке, где она находится, матица вот...лежит доска, на которую ставятся стропила, и всё вот там, матица и в перекрёстке, где там доски – одна так же, вторая так, и вот туда положить этот хвост. Прямо завернуть его и положить. И...коровушка приходила домой.

Соб. – Да Вы что?!

Инф. – Да, это меня учила бабушка Дуся, которая в Чадобице живёт. Вот она...мне даже какой-то наговор давала, ну, я там его, конечно...

Соб. – Просто вот так, без наговора, сделать?

Инф. – Просто, а это без наговора. Баба Рая умерла. Ну, и любить надо, всё равно скотину любили. Это щас не любят – выпустят их по помойкам, везде, а мы, если держали, мы её угоним на луг. С луга пойдём – пригоним. Всё бросаешь. Идёшь за коровушкой.

Соб. – Хозяйство большое было?

Инф. – Ну, не большое. В Проспихино было, а здесь нет. Корова была, и телята были, и поросята были, и курицы были. Я не считаю, что там больше держат люди, а свиной таких держали! Вот, напротив, бабушка Маша, покойница, жила. Ну, завела поросёнка. Ну, и ребята идут, отсюда помогают, тащут на палке эту...заднюю. Она говорит: «Альбина бычка забила». «Не кружай, Михаил! Чё у бычка-то? Свиной набила». «Не-е-т...бычка». Вот такие у свиной были ляжки, что можно было подумать, что выкармливали.

Соб. – Вы хорошо говорите по-ангарски. Хорошо. А вот тема интересная насчёт этих особенностей. А бывали у Вас какие-нибудь, когда Вы предчувствовали что-то? Или сон какой-то вещей? Вы же внучка той бабушки.

Инф. – Вот, точно знаю, что, если муж рыбачит и рыбы полно добывает. Вот, Коля у меня, покойничек, завалился с шуками, поежет в мешке не одну, две, а много. Я просто даже...ну, тогда молодая была. Во Дворце жила. Думала, чё? Добыл и добыл. Слава Богу. А соседка у меня была, баба Таня, жила. Тоже покойница...говорит: «Ой, Альбишка, это худо. Рыба-то на голову идёт». Ну, к покойнику...то есть, когда много рыбы ловит – тоже не хорошо. Приехал ко мне папа с Богучан. Они уехали уже туда жить, сделали там себе дом, построили и приехали ко мне. И вот...буквально прошло... наверное, ну, может, с неделю...он с моим Колей уехал там, на Кову, рыбачить. И оттуда он уже привёз его неживого. Вот это вот точно! Вот такое я испытала сама. Потом у меня болел муж, но я уже знала, конечно, что он...когда-то всё равно приедет и будет вот... сильно будет собаки. Это уже точно. Это уже точно все молодые знают. Ну, и потом всё равно предчувствие было, что я вот даже ушла из дому, я знала, что вот он именно первого сентября, я ушла...потому что...я не спала ночь сама, и какие-то мне сны вот снятся такие.... вот как будто хата была и свадебное платье. Вот это всё, вот это было. Не ясно, но видела. И вот сколько видела, вот сколько видела во сне его...не приходилось так вот, чтобы в плоти разговаривать, и всё. А вот уже семь лет, и увидела во сне... вроде, мы во Дворце. И вот он сидит, а мне надо снять с него сапог. И я снимаю с него сапог, а он так ногу-то не даёт...ну, кое-как сняла я сапог с него, а он так на меня зло смотрит и говорит: «Ты всех кормишь. Всех кормишь, а я-то ведь голодный». И правда он...ну чё, болел, может, и не ел.

Соб. – Поминки надо было сделать?

Инф. – Ну, конечно, поминки надо было делать. Меня, вот, бабушка учила-то моя. Что надо, если помянуть, то не обязательно наливать там рюмки, бокалы там, чё-то пить. Просто взять конфеток и угостить ребятишек маленьких. Вот ребятишкам именно надо давать. Сколько я знаю, так вот...

Соб. – А какие обряды здесь есть похоронные? Говорили, что песни поют.

Инф. – Поют. Моя бабушка Матрёна, когда у неё умерла вот эта, дочка единственная, она во Дворце... они там просто пели...они вот просто пели и пели, и пели песни. Всякие разные.

Соб. – А бывало такое, что когда муж умирает, жена должна на табуретке посидеть?

Инф. – Да, да. Сидели. Вот, стоит гроб...стоит, всё, значит, вот, в день похорон. Я видела раньше эти похороны, и почему-то жена или дети не выходят сразу за гробом. А тут только вынесли – и меня сразу сестра посадила на табуретку, чтобы я сидела. Это, значит, чтобы я не тосковала, чтобы меня не тянуло к нему, чтобы я меньше горевала там...меньше плакала. Ну, как же меньше? Двадцать лет прожили...что ж не горевать-то. Всякое было, конечно, в жизни. Двое деток, двое сыновей. Всё равно. Это да, да. Ну и потом у нас что? На второй день обязательно идём на кладбище.

Соб. – А полотенца опускают? Или верёвкой? Разрезают как-то?

Инф. – Полотенце разрезают, а сейчас современно уже стало – платочки дают. Платочки берут, а потом платочки эти разрезают.

Соб. – А кому отдают полотенца эти?

Инф. – А полотенца отдают, в основном, тем, кто тут были, на кладбище. Кто это делал, кто копал могилу, кто там...кто тут был близко.

Соб. – А что с полотенцами этими? Оно ведь кладбищенское. Потом люди домой его несут?

Инф. – Ну, домой его несёшь. Убираешь и ложишь где-нибудь подальше, чтоб, ну...

Соб. – То есть им потом не пользовались, да?

Инф. – Нет, я не пользовалась.

Соб. – Ну, конечно. На нём же гроб опускают, на полотенце.

Инф. – Нет, нет, нет, нет. Я не пользовалась. Даже вот у Лены Быковой платочки раздали...чё-то у меня где-то лежало, я не пользовалась. Вот мыло, которым покойника омывают, это мыльце тоже убираешь.

Соб. – Мыло нельзя выбрасывать?

Инф. – Мыло нельзя выбрасывать. Мыло нельзя. Мыло нельзя выбрасывать его. Вот держишь где-то...я вот чё-то там убиралась, в кладовочке своей. Смотрю – мыльце лежит. Просто лежит.

Соб. – А вот там, где вы жили, ... «Дворец» – название такое красивое. А почему так называется?

Инф. – Ну, вообще легенда... был раньше, дворец стоял...типо как...ну, наверное, одна сторона реки. Вот, на какой мы сейчас, – там был монастырь, а на противоположной стороне – вот этот Дворец стоял. И вот эти. Вот, дворцовые все ездили туда через реку в монастырь. Там даже кладбища местные, дворецкие, – они все на монастыре хоронили. Через рекУ перевозили, если, например, покойник умирал...так что...ледостав идёт или боязно по реке проехать, то покойника выносили в сени, и он дожидался, пока погода...а нигде не хоронили тут, во Дворце, в деревне. Не хоронили <...>. Всех увозили за рекУ. Уже потом, современные, в Балтурино стали возить, а вот кладбище было в этом... И мы вот ездили...три года назад ездили, когда уже затопили, во Дворец. Там есть две скалки – скалка Любви, большие, над Балтуриной, и скалка Смерти. Смерти – вроде как оттуда несколько раз падали. Кто по нечаянности, кто как. Вот их так называли. С них...я не могла даже определить деревню Дворец. Там такая ширь. Всё затоплено, но верхушка вот этого монастыря, где монастырь был...верхушка...полянка – она маленько торчит. У нас знакомые в Красноярске – Хамайка Галя и...

Соб. – Её знаю.

Инф. – И Валя Пальгуева.

Соб. – Знаю. Они такие весёлые девчонки.

Инф. – Я им клятвенно обещала в этом году приехать на встречу, но не смогла – работа подвернулась, а в Проспихино, проспихинскую встречу, я ездила. Так они приехали на проспихинскую встречу и говорят: «Альбина, попробуй не приедь!». Я говорю: «Ну, не знаю...как вот это...».

Соб. – Ой, они молодцы.

Инф. – Они очень молодцы. Они же прощание нам с Дворцом делали тоже. Собрали всё. Все съехались, дворецкие, кто жил, и вот одна улица, а в конце магазин с большим крыльцом «Сельповский». И вот они, значит,...всё это торжественно: «В это доме жил тот-то, тот-то...Ванька, Мишка». Вот, все-все поздравляли. Всем, хоть цветочек, но подарили. И вот каждый дом, а мы сидели все, а потом пошли на подтоварник, на подтоварнике у нас была там встреча...и Прощание...

Соб. – Грустная это штука, тяжёлая.

Инф. – Да.

Соб. – А вот ссыльные были у вас в деревнях? Немцы или литовцы?

Инф. – Ну, в Проспихино-то были. Немцы – Баусы, Еллеры, Легнеры.

Соб. – Как к ним народ относился?

Инф. – Ой, хорошо. Они, во-первых, были...я вот с Баусом училась...с Васей вместе, он...они труженики, аккуратисты, они же чистоплотные, и они работающие. Как бы такого, это...чтоб...не помню, чтобы там ругались или что-то...нет.

Соб. – А называли их так, как у нас в деревне, «фашистами»?

Инф. – Нет, у нас нет, а у вас называли?

Соб. – Ну, я сама из такой семьи...называли.

Инф. – Нет, не называли. Я не помню. Может, там...вот сестра моя старшая – она-то помнила, а так вот, при моём, – нет.

Соб. – А я смотрю, на Ангаре народ какой-то особенный.

ПРО ПРАЗДНИКИ

Информант: Алексина (урожд. Колпакова) Любовь Анатольевна (1957 г.р.)

Место рождения: с. Яркино Кежемский район

Место записи: с. Яркино Кежемский район

Ой, раньше мы вообще, здорово... у нас на Пасху, на Масленицу.. На Пасху-то у меня мама с папой, они как бы верующие семья была, они всё время в субботу, с вечера, собирались. Помню, всю ночь, как в церквях, да? Поют чё-то там, чай пьют, всякие песни поют там, читают Библию, потом утром, уже на рассвете: Христос, как начинали, что Христос Воскрес.

А на Масленицу у нас... тоже хорошо проходила Масленица. Справляли вся деревня: запрягали тройку лошадей, мы застали это всё, такие кошёвки, упряжи ушиты бубенцами, сейчас, наверно, ни у кого нету вообще никакой упряжи. Упряжи с бубенцами, платки красивые, у кого дома есть, скатерти разноцветные – всё это на кашевую, такая красота, такое гуляние.

А День берёзки справляли вон там, на лугу. На берегу ставили столы, вот так вот, длинные, и гуляла вся деревня. Нарубали, вот, эти берёзки, в землю их втыкали вот так вот и как в берёзовой роще, вот так вот все гуляли.

Соб. – Это в Троицу было?

Инф. – В Троицу.

Соб. – А вообще такой обычай был – гостить и отгащиваться?

Инф. – Да мы-то уже нет, но мама гыт. Они-то из дома в дом ходили, например, там какой-то праздник, у одних посидели, этот хозяин опять уйдёт к себе, и вот так, гыт, из дома в дом все друг к другу ходили.

Соб. – А откуда брали еду? Это же сколько надо было запасов иметь!

Инф. – Знаете, своего-то было у всех. Бочками мясо, бочками рыба, это, соленья, грибы, это всего было много, масло, сметана – всё-то было своё. <...>.

Соб. – А Вербное воскресенье как отмечаете?

Инф. – Вербное воскресенье, ну, тоже так же собираются люди, вербу ставят, помню хорошо, и мы до сих пор ставим её. Вербы-то много у нас, ставим, чтобы она распускалась. Она дома распустится, конечно, вот эти белые шишечки на ней возьмутся.

Соб. – А её как оберег используют или нет?

Инф. – Здесь я не помню такого. По телевизору слушаешь много, в некоторых деревнях показывают, а у нас как-то... Просто ставили вербу, ну. А на Пасху за пихтОй почему-то ходили постоянно. ПихтУ, может, что он как мёртвый был, Христос, так вот этот, под столы, помню, ложили и обязательно на приход, в сени, надо вот, чтобы пихтА везде была.

Соб. – А «на приход» – это что обозначает?

Инф. – В сенки. Ага. В сенки, под ноги, обязательно пихту, почему-то мать всегда ложила. Ну, яйца красили, конечно. Яйца красили, пасхи стряпали.

Соб. – А на Пасху на кладбище ходили?

Инф. – Нет, такого нет. Это родительский день, через неделю. Через неделю после Пасхи, во вторник, родительский день обязательно, вся деревня уж там ко своим, как.

Соб. – А Рождество, Крещение?

Инф. – На Крещение ходим в прорубь, вот. Воду – да, на Крещение, крещенскую воду-то набрать, но, вот, сколько раз приходилось ноги окУпать – никто ведь не простыл. Вот здесь, на прорубь, после двенадцати, вся деревня с ведрами, с банками, со склянками. Вот, приезжие у нас девчонки купались, и ничё страшного.

Соб. – А святую воду просто в проруби набирали?

Инф. – Просто, после двенадцати, в прорубях, да, набирали.

ПРО РАДИАЦИЮ

Информант: Волошин Фёдор Михеевич (1928 г.р.)

Место рождения: д. Привалихино Кежемский район

Место записи: с. Заледеево Кежемский район

Информант: На охоте охотился, на той стороне Недокуры. Напарника созвал ... Ну и... а от вершины Ковы полягон был, испытания атомных бомбов. Они в Байконуре стреляли ракетами, а тут... сразу в точки не попадали же. Ну, там, в Карамыше, охотник охотился, туда дедушка не ходил, запретная зона. Ну, я потом, как вам сказать, я там охотиться стал, и они как запустили ракету, да она и отклонилась к Ангаре и недалЁко от нас где-то упала, и в лЯсу-то приехали в январе – вот такие сосули зелёные, горячий воздух прошёл, и корка на снЯгу, капканы все перемёрзли. Я понял, что всё, в радиацию мы залезли. А я читал книжку про радиацию: попадёт на тело – тело синееет. И вот, приехали домой с напарником, у напарника потом горло заболело, он два раз ездил в Красноярск, облучение ему делали, так умер. Лошадь тоже умерла, подохла. А у меня мешАт во рту, мешАт, боли не уходят. Оттопырил, а там сильный такой волдырь, ооой, в рот мне попала радиация. Я побоялся идти в больницу, вырежут всё это, испортят, как они будут операцию делать. Вешневску мазь взял, на ватку, и в рот, она горька, хожу, плюёшь, ходишь... И вот так начала розоветь, розоветь, рассасываться, рассасываться... И вот так вот я облучился, щас с горлом маюсь... Я йодом спасаюсь.

О ЖИЗНИ В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Информант: Верхотурова Мария Ивановна (1928 г.р.)

Место рождения: д. Усольцево Кежемский район

Место записи: г. Козьмодемьянск Кежемский район

Информант: У нас деревня на острове была, овечек держали. Островочек-то далеко было. Надо мясо – бьёшь, в табун-то как поедешь? У нас не было такого, чтобы овец воровали. Большая была деревня. Быкова Наталья Ивановна – моя младшая дочь. Досталось ей тоже со мной. Она, как идёт, я иду молоко перегонять, а она через дом побежит, у нас там амбар был, там дыра была. Как гости приехали, они знают. Они понимали, что молоко должно прийти. Всегда из дома таскала молоко. Каждый день, в сером платишке, ходить больше не в чем, она идёт без штанов, без трусов, всяко было. В колхозах-то не очень. Один раз получишь деньги, другой – нет, зато продукты все свои. Всё хорошо было. Сено было, всё было. Помню, зайцы были, а кто их добывал? Стреляли в них.

О ССЫЛЬНЫХ

Соб. – В этих краях много было ссыльных?

Инф. – Были! Дедушка один был, откуда он – что-то не спрашивали. Ссылный этот пришёл к нам, сальце дал, советы давал, марганец на рану говорил прикладывать. За что его сослали? Я не спрашивала никогда. Избушечка у него маленькая была, он жил там. Хороший был, всё знал. Он всё говорил: «Если поджелудочная болит, то пей семена..., пей в жидком виде». В Соколовой больше сосланных, в Паново много. Хорошие были! У меня Ванин брат женился на немке. Хорошая девка. Никогда не обижали, все люди как люди, никого не обижали.

ПРО ОХОТНИЧЬЮ СОБАКУ

Информант: Карнаухов Николай Михайлович (1952 г.р.)

Место рождения: с. Паново Кежемский район

Место записи: г. Козьмодемьянск Кежемский район

– Легче корову убить, продать, чем собаку. У меня же и коровы, свиной, лошадь держал. Была у меня собака Верный. Но я его всегда Сундуком звал-та.

Соб. – Почему?

Инф. – Старый стал. Я говорю: «Слушай. Убивать его жалко»... Да куда же молодых, молодых кобелей, а они учатся от него. Сундук научит, как на соболя там, на белку, как на сохатого <...> тем более. Я медведя, когда убивал, три собаки всего держало его, а остальные, молодёжь-то, расселились, они пару раз-та, они в разные стороны. Медведя, когда убил его, между глаз, полез оттуда вытаскивать, и всё Сундук этот, пёс верный, не зря я его Верным назвал. Его у меня воровали, собаку эта-та, знаешь, воровали собаку-та, он, привязали его временно <...>, бельевая-та веревочка, он её перекусил и пошёл ко мне <...> с огрызком-та веревки, я ему: «Никому в руки не давайся». Он на привязи никого не подпускал его к дому. Я всегда считал, что собака умнее человека, ведь охоту кто красит? Человек, что ли? Это собаки красят-та. А я их по пять, по шесть держал, чтобы замена-та была.

В.А. Карнаухова. 1976
Фото Н.В. Карнаухова

СЛУЧАЙ С МЕДВЕДЕМ

Информант: Колпаков Ефим Анатольевич (1960 г.р.)

Место рождения: с. Яркино Кежемский район

Место записи: с. Яркино Кежемский район

У нас, как правило, медвежьей охоты нету здесь, в наших краях. Мы на неё специально не ходим, на медведя. Мы на медведя идём в том случае, когда он на нас идёт или он нам мешат на охоте. Ну, случай расскажу... этот который вот... тут напала на меня ночью. Приезжаю в избушку, а мы завозим продукты заранее... Химовские вот эти бочки, закатываем в них. Они запечатываются герметично. Ну, медведь разрывает их. Но всё равно так, для сохранения. Я приезжаю на охоту осенью, продукты у меня были завезены с зимы. Приезжаю с зятем, медведь был – всю эту бочку разбомбил, всё разбомбил. Исть у нас некого. Чё делать? А у меня радиостанция с собой. Нине звоню, говорю: «Так и так, был медведь, всё разбомбил, а завтра пойдёт танкетка отсель, я знаю, поедет мой одноклассник». Я говорю: «Ты сбегай до него и наклади ему продукты и куль муки собакам, чтоб вот привёз. Чтоб там-то там скинул, а я уже на коне свожу». Ну, всё, на завтра приезжаю, он мне привёз тут муки, продукты – всё. Куль этот я сразу не увёз, а так накладал, продукты наскладывал, а куль, думал, завтра куль увезу. Ну, приехали, в эту бочку складываем обратно. К кулю-то приезжаю, медведь уже куль этот разбомбил весь. Я пока у куля, приезжаю, он уже у меня и там разбомбил, опять, снова. Думает: вози, вози, я тут уемся. Чё делать? Опять продукты кончились. Нады его как-то добывать. Всё, мы с Васей поехали домой. Продучишки, сколь-то осталось, я ещё убрал их там маленьке. Поехали с Васей домой. На завтра я поеду один. Приезжаю – медведь опять всё разбомбил. Ну, я привёз продукты все. Вечером лёг спать. А время – октябрь, первый снежок такой выпал, и самая такая изморозь. А крыша... Изба высокая. Крыша крыта железом. Ага. А внутри лампа – она, если б на всю выкрутишь и жарко в избе, – она пыхат и может загореться. Ну, я её так аккуратно тушу, жарко не делаю. А тут чё-то я ночью,

часов в двенадцать, наверное, так встал, думаю, печку щас накладу полную, закрою, чтоб она шаяла тихонько, и этот... Ложусь спать, всё, до утра. Ага. Лёг спать. Только задремал, конь, рядом привязанный, и собаки тут лежат. Собаки заревели таким голосом, я понял – чё-то не ладны. И слышу, даже конь ревёт не своим голосом. Конь ревёт – это слышать нады, как он с испугу ревёт. Он ревёт вообще... Таких голосов не найти. Я понял, что медведь пришёл. А чё делать? Фонариков нету, фонарик был какой-то такой – лебезной, маленький. Ну, не светит никак. Только метра, эвот, как до окошка, могу светить, и всё. А тем более на улице холодно, а я тёплый. Из меня пар идёт. Я с фонариком свечу, а пар этот не даёт смотреть вообще... Эвот, руку не вижу свою. Я выскочил. Ну, понял... А тут, как избушку строили, скололась деревина, и вот этот нащап остался, метра три от пенька, деревина-то сама уронена, а нащап – она скололась и упала. И нащап, вот, этот остался. Я смотрю за нащап, а он широкой – нащап...деревина-то толста. За нащапом кто-то стоит. Две собаки наверх ково-то лают. Понять не могу. Чё делать? Медведь? Два? Три? Кто их поймёт? Кого? Чего? Тут нады быстро решение предпринимать, где. А всё кругом ревёт. Всё... Медведь ревёт, собаки ревут, конь ревёт. Оно, знашь, приводит это всё в тако... Ориентация-то... Если б я суды, а он из-за избы выйдет... Мне тут... Мне... У меня позиции нету спрятаться, чтоб хоть деревина тут или кто-то, чтоб я мог смотреть во все стороны. У меня спина не закрыта, тут собаки ревут, я не услышу, он как подойдёт. А тут костыли вбиты на крышу, на подволку, ну, продукты да чё выбирать. Я думаю: так, один выход – на саму крышу, потому что на самой-то крыше я хоть буду видеть, что и где. Я так... А в кальсонах, в нижнем белье, заскочил, а на улице минус шесть и снежок, крыша железная – я минуту посидел, я околел весь. Так, чё делать? А я ещё успел лампу зажечь. Думаю, лампу включил и печку наклал. Щас, думаю, не дай Бог, лампа пыхнет, ешо и изба загорит. Думаю, будет тут делов. И останусь эдак, в одних трусах. Но сижу.... Наберу воздуха, чтоб не дышать, чтоб пар не шёл. Смотрю на деревину, медвежонок сидит...они большие уж, к осени-то; на второй – второй медвежонок сидит. За этот нащапок посветил, глаза вижу. Она за нащапом стоит, спряталась сама-то, медвежица. Чё делать? Медвежата – ладно, они никуда не деваться. Щас мне с ней нады и разобраться. Ясно, что щас она одна. И эти два, потому что медведи в парах не живут, так не ходят. Ага. Ну, хорошо, как стрЕлить? Щас позиция-то: я – наверху, мне нады стрелять вниз. Мне нады один выстрел решающий, иначе всё будет худо. Щас.... А медведь – он на четырёх ногах не нападат никогда, он нападат всегда на двух ногах. Он может к тебе бежать на четырёх, но перед тобой он всегда встанет на две лапы. Он так не налетит никогда. Но тут у него нападение, потому что он пришёл ночью: конь тут, собаки... Он это всё видел и знат. Он пришёл нападать. Но, в данном моменте, он не нападат, он позицию высматривает. Щас я свечу фонариком... Глаза вижу, одни глаза – и всё, более ничё не вижу. Вижу: медведь. Ага, он щас из-за нащапа-то так вышел, рядом стоит с этим нащапом. Ага. Но я не знаю: или на четырёх он ногах стоит, или на задних лапах. Ситуация-то, видишь, какая: если б он стоит на четырёх лапах, мне нады стрелять чуть-чуть повыше, чтоб мне попасть в туловище; а если б он стоит на двух ногах, мне нады стрелять чуть ниже, иначе я обвышу. Ну, чё делать? На двух или на четырёх? Глаза-то светят... Вот они, в темноте... Был бы фонарик хороший, дак ладны. Идёт картина-то такая, что у меня руки замёрзли. Я уже не могу с ружьём справиться, с карабином. Хорошо, тут труба, печка затоплена, я о трубу руки погрею. Сам уж окоченел весь. А крыша скользкая, думаю, хоть бы не скользнуть вниз, а то он меня сразу тут разорвёт. Ну, выхода нету, нады кого-то предпринимать. У меня карабин, передёрнул карабин, этот фонарик отташшил, думаю, буду стрелять ниже, наверное, он на задних всё-таки стоит, всё-таки, нападение. Но глаза вижу опеть... Собак бы не захватить, собаки-то кругом его... Ну, ладны, прицеляюсь – «бац». Этих сразу – «бац, бац». Эти падают. Эта убежала. Я с крыши сворачиваюсь. Всё, тут

уже война пошла, тут уже воевать нады. Тут уже в прятышки играть некогда. Началась стрельба, значит, началась война – тут уже нады всё приводить в движение. Всё, она к ручью отскочила – собака одна к ней... сучка у меня была одна такая, не шибкая, на сохатого... На медведя, но это... вроде, как замолчала. Эти медвежата тут упали, собаки две подскочили их тут рвать. Я медвежат к себе подташшил, забросил. Думаю, к ней нады идти. Она в муштушник, туды заползла, тако место-то неловко... Думаю, а чё мне... Время уже где-то три... Я думаю, до утра пусть там. Я слышу, собака-то... По собаке я определил, что она... Ну, само много – она притаилась, что она убита. Она может притаиться, что убита, и собака рвёт всё... Ты подойдёшь, и она соскочит. Думаю, ну, ладны, лежи, собаки тут. Пришёл, чаю налил кружку, выпил. Думаю, до рассвета буду спать. Лёг, сразу уснул резко, на диву даже... Раз – уснул. Просыпаюсь – брезжить начало. Думаю, ага, готова. Подташшил её, к коням на хвост привязал. Подташшил, беловался. Вот тут была ситуация такая серьёзная.

Загрузка лабаза. 1976. Фото Н.В. Карнаухова

ПЕРВАЯ ОХОТА

Информант: Колпаков Сергей Ефимович (1992 г.р.)

Место рождения: с. Яркино Кежемский район

Место записи: с. Яркино Кежемский район

Информант: Меня один раз отец отправил к медведю, в берлогу. Живому медведю в берлогу... Я ещё сколько... Мне лет тринадцать, наверное, было... берлогу искать медвежью. У нас ещё зять был, ну, у сестры муж. Ну, собаки залаяли. Папа говорит: «Я щас пойду посмотрю, чё там это..., – говорит, – вы меня пока здесь подождите, на дороге». Приходит минут через пять, наверное, где-то, говорит: «Это...берлогу нашли. Пойдём добывать». Ну, а я ещё ни разу, как бы это, не участвовал в добыче так. Ну, и Вася тоже... Вася, по-моему, не был ни разу. Подошли. Ну, такая куча снега там, собаки лаят в эту берлогу. Папа нам щас задания распределяет, мне говорит: «Ты стой на... всегда на это... на стрёме как бы, не стреляй, пока я не скажу, что, если у всех патроны уже кончатся, потом ты будешь стрелять. А Вася будет там затычки в берлогу кидать, чтоб его разбудить. Ну, чтоб он вышел оттуда». Всё. Папа тоже, как бы, папа тоже за карабин, у него там двенадцать патронов. Ну, всё. Вася стал там жерди срубить, такие небольшие, и туда в берлогу закидывать, чтоб он зашевелился. А у нас ещё собака молодая была, кобель, он туда подбегает, прям в берлогу, туда, в эту дыру, и начинает туда лаять, голову заталкивает. Папа ещё говорит: «Зря он так делает». Ну, обычно так рабочая собака не делает. Говорит: «Близко подкачешь, щас медведь задёрнет». Только проговорил...И всё! Её медведь – раз, и задёргивает туда, в эту берлогу,... собаку. Ну и всё, папа тут через землю давай уже стрелять. Ну, уже чё поделаешь. Собаку жалко, как бы уже на нервах все. Проходит где-то... ну, минута, наверное, прошла – раз, этот кобель обратно вылетает. Медведь этот оттуда выкидывает. И всё, и он так улетел через нас, туда взад, получается. Папа меня спрашивает: «Чё там с собакой?». Ну, сам смотрит на берлогу, ему отворачиваться нельзя. Я говорю: «Вроде живой, вижу, что в крови немного, а так, вроде, живой». Ну, и всё – раз, эта медведИца высовывается сюда, на улицу. Только голову высунула, папа в неё стрельнул раза два, наверное. Всё – она сразу туда, обратно. И всё, как бы, ну, ничё, никто не шевелится, никто никуда не ползёт. Папа говорит: «Наверное, всё. Пар, – говорит, – пошёл с берлоги, значит всё, она это...дОбыли её». Ну, всё тут, как... Подошли чуть-чуть поближе, смотрим: вроде всё, как бы, дОбыли медведя. Щас его надо оттуда как-то доставать: он же чё, туда провалился, обратно. Папа мне говорит: «Ты бери верёвку, туда залазь с верёвкой, там подцепишь, и мы тебя потом вытащим, потом медведя». Ну, я чё, как бы...первый раз... думал, так и надо: взял верёвку, короче, туда залез. Ну, папа сказал: «Надо делать». Ну, чё поделаешь! Ну, страшно, конечно, было ... чё, в берлогу, туда ползти, к медведю, кто его знает, может, ещё живой. Залез там, так...на ощупь голову нащупал, там верёвку завязал. Они меня за ноги вытащили. И это... МедведИцу-то щас вытаскиваем оттуда, ну, и давай тут её, шкуру с неё снимать, беловать начали. А там получилось как-то, что одна... Одна палка, которую Вася закидывал, она там ещё осталась, в берлоге. И мы щас тут с медведем с этим

разбираемся, смотрим: палка эта зашевелилась. Вася говорит: «Палка шевелится». Папа говорит: «Да там, наверное, медвежата». Ну, она же обычно в берлоге, там это... рожает. «Медвежата, – говорит, – наверное, маленькие. Залазь там, доставай», – Васе говорит. Вася говорит: «Не, я не полезу». Давай фонариком туда светить, а там глаза, как у этой медведИцы, на таком же расстоянии, и пятак такой... круглый такой же, ну, почти, чуть-чуть поменьше. И добываем этого медвежонка, ещё одного. Хотели его уже вытаскивать – раз, опять Вася трогает, говорит: «Там ещё кто-то есть». И там оказалось два ещё вот таких медведя, с ней ещё лежали в берлоге. Два медведя готовых... Большие. Они, получается, родИлись, год с ней пожили, легли по новой, как бы, ну, получается, год уже им...

Соб. – И Вам всего тринадцать лет тогда было?

Инф. – Ну, тринадцать. Не больше тринадцати-четырнадцати. Даже, может, двенадцать даже было. И вот такой случай был. Я, получается, туда залазил, они там живые были ещё, в этой берлоге-то. Это только по-настоящему, когда на охоте, поймёшь, а так, по рассказам, вроде интересно, а пока на самом деле не испытаешь – не поймёшь ничё. Всё – на практике. А так вообще интересно. Я люблю охотой заниматься. С детства с папой ездил – понравилось. Щас уже... Щас уже сам охочусь, один. Заезжаю.

ОБ ОХОТЕ

Информант: Колпакова Нина Степановна (1958 г.р.)

Место рождения: с. Яркино Кежемский район

Место записи: с. Яркино Кежемский район

Ну вот, тот случай расскажу. Вот мы поехали на охоту. И Ефим... Серёжа был на одной избушке, Ефим поехал на коне, обычно были мы на двух кОнях, а в этот раз уже всё, я перевернулась с коня перед этим, конь у меня запнулся, я перелетела через голову и думала, сломаю рёбра. Ну, всё прошло, слава Богу, нормально, и потом уже мне не разрешили ехать на коне. Я осталась в избушке. Ефим поехал на коне, а Серёжа шёл с избушки сюда, навстречу, в эту... в этот день охоты. И они только отъехали недалеко, недолго, и Ефим говорит, а у меня карабин оставляют, ружьё, я умею так стрелять сама. Но не стреляла ни в лОся, ни в медведя, ни в кого, просто мне так спокойнее просто, что у меня было. И всегда молюсь, думаю, Господи, мне чтобы не стрелять, чтоб они не подходили. Ну, как-то спокойнее, когда есть собака и есть ружьё. Они только уехали, и через час, может, залаяли собаки. Залаяли собаки, и мне показалось, что совсем рядом, здесь вот, возле избушки. И лают вообще, думаю: или медведь, или соболю. Больше-то они на соболя. Ну, потом я уже не подумала, что мог бы быть медведь. Я вышла, как бы, ну, потом понятия не было, Ефим-то же тоже слышит, что собаки лают, они ж недалеко, но такое уже, видимо, охотничье чё-то есть. Я ждала-ждала... что, может, подъедут, добудут... кто там лает, но никто не подъезжает... собаки лают. Но кажется: вот совсем рядом. Я взяла ружьё, и ещё одно там у меня было, и пошла потихоньку по тропинке. Уже снежок чуть-чуть выпал. Думаю, ну пока пройду, послушаю, если не подъедут, то вернусь

обратно. Шла, шла, ну, уже всё, дошла, что собаки вот так лают. Ну, никого нету, никто не подъезжает. Я, значит, ложу этот, такую палочку, к палочке такие стрелки положила, что я ушла туда, если меня вдруг искать надо будет, это я догадалась. Стрелку показала им, что я пошла туда. Ну, снегу ещё немного совсем было. Ну, и потихоньку пошла. Иду, иду, иду, но смотрю: следы соболя. Иду, иду, иду, иду уже далеко. Это, кажется, собаки близко лают, они лают далеко. Ну, значит уже, ну, всё уже, мне уже хоть куда, я уже иду, уже быстрым шагом подбегаю к собакам, собаки лают соболя. Лиственница высокая-высокая. Ну, вижу, что соболь. Одну собаку надо ловить: она сразу соболя хватает и убегает. Вот, и пока я её поймала, еле-еле её поймала, привязала, никто не подъезжает, никто ничем: не слышат, что ли, что собаки лают. А Серёжа в это время, так всё случилось, что... а Серёжа в это время идёт из избушки к нам. Мимо него переходит сохатый – лось. Его собаки тоже за лОсем бросились. И... А Ефим посерединке между нами: щас передо мной, между ним и между мной. И чё, мне хотелось самой это всё добыть... Я беру карабин и давай стрелять. Из карабина же соболя добыть – это очень сложно. Это из ружья там разлетаются, а из карабина... Я раз – мимо, два – мимо. А когда, если соболь лежит так, на этой, а если он начинает бегать на верхушку, то он уже в собак прыгает и убегает. Ну, я уже три или четыре раза стрельнула – всё, не могу. Ефим говорит: «Какой-то бах, бах – ничё понять не могу. Или Серёга, или кто, где чё». Потом уже, когда собрались все... Ну и всё, соболь у меня побежал и на самую верхушку. И всё, думаю, как мне уже рассказывали, щас он оттуда прыгнет, и уже первый мой соболь, который я самостоятельно хотела добыть. И он на самую верхушку. И я уже тогда прицеливаюсь, ну, как бы и попадаю. И он падает. Я, значит, такая рада, радость у меня, что я сама да из карабина. Уже не знала, не знала потом, где там чё. Главное, никто не подъезжает – я сама добыла соболя. Всё, схватила этого соболя. Естественно, карабином я его разорвала тут всего. Тут ясно, это ж карабином не стреляют соболя, но я была рада. Собаки все, эти показала, отвязала, бегу обратно. Но немножко следы вижу, чтоб надо же на дорожку щас выйти. Ну, где-то до половины добежала, Ефим едет на коне: «Ты чё?». Я говорю: «Соболя добыла!». Он: «Ну-ка, покажи!». Я чё, показала: он весь разорванный, там ничё – ни шкуры, ничего нету. Я показываю, ему даю. Он её подержал, как бросил в меня. Развернулся и уехал, меня одну оставил. Приезжаю в избушке, ну, ведь на таком говорит психе... говорит: «Мне кажется, Серёга стреляет в сохатого, я пока всё это, бах-бах-бах: где, откуда? Ты стреляешь, может, медведь, может, чё». Он до того наволновался, напугался. Потом Серёга прибегает, говорит: «Папа, ты сохатого стрелял?». Догоняет, говорит: «Ково я, мать вон в соболя стреляла, всего разорвала». Пришли в избушку, все со мной не разговаривают: «Тебе сказали: никуда не ходи!». Ну, потом я, значит, даже вот не стала его разделявать. Серёге отдала: «Разделявай мне этого соболя». Он разделал его, я его аккуратненько подшила. И всё нормально прошло, сдали его, всё. Такой чёрный-чёрный соболь был. Вот такой случай был. До сих пор мы его вспоминаем. Я говорю, столько радости было, а ты мне его испортил. Ну, вот нравится мне быть на охоте, быть в лесу, собирать ягоду. Просто уже старость, уже взяли поближе, лес. Здесь уже не так интересно, как там.

О ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ РОДСТВЕННИКОВ

Информант: Косолапова Валентина Семёновна (1946 г.р.)

Место рождения: с. Кежма

Место записи: г. Красноярск

Так, ну, расскажу я, значит. Ездил я туда два раза... В конце сентября и в конце октября. Этого года. Я там родилась, в Кежме, кончила школу, уехала, там жили мои родители и баба с дедой. Бабушка с дедушкой были приезжие. Из Красноярска они туда переехали, к дочери, потому что она по распределению туда уехала, мама моя. И остались. Мы все переехали уже тогда в Красноярск, где-то в семидесятые годы, а они там остались, на кладбище. Баба с дедой. Красноярские.

И вот, когда началось это всё переселение, стали люди ... ну, просто в населении ходить разговоры о пересе... перезахоронении. Кто-то церковь спрашивал, можно ли или нет. Церковь тоже как-то неоднозначно отвечала. Но, вроде бы, как можно. Ну, и когда это началось, года три назад, начали перезахоранивать, причём нелегально. Кто как. Кто в Кюдинск перевозил, кто в Красноярск, а у меня всё руки не доходили как-то, а на душе было очень тяжело. А в позапрошлом году уже официально стали перезахоранивать. Организовали там учреждение. Но, вообще, всё было хорошо организовано. И вот, в позапрошлом году, я не смогла перезахоронить. И в октябре прошлого года прямо, думаю, нужно, нужно, нужно. Потому что уже. Думаю, останется на всю жизнь у меня, что они там, под водой. Хотя некоторые: «Оставь ты их там», – мне говорили. Но я поехала. Предварительно, конечно, заявление написала, там, учреждение это занималось которым. И они мне позвонили, говорят: «Приезжайте». Я собралась в один день. А нужно было в пять часов уже ехать к этому... к назначенному месту... утра. Чтобы на автобусе до Новой Недокуры доехать... Утром, как штык, встала в полпятого, в пять часов мы уже... меня родственница проводила на такси... там уже люди стояли, ждали... двадцать человек по спискам... вышел ровно в пять тридцать, который отвечает, всех нас перечислил, и так вот, по одному, в автобус закидывали. Часа четыре ехали по тайге, приехали в Недокуру, там уже катер ждал. Сели в катер, ещё часа три или четыре по Ангаре до Кежмы.

Ну, конечно, жуткое впечатление было. Там уже... Вот, смотришь в воду – там ёлочки растут, тут, под водой... затопило уже. Там уже вот деревни, которые на островах были, Заимка, все – их уже не было, Болтурино, ещё какие-то... ну, вот всех их не было. Но берега были все узнаваемые. Кто ехал, говорит, часто рыбачил, они прям вот: это вот это, это то. То-то уже затоплено. Когда туда приехали, там уже нас машина ждала, чтоб на кладбище отвезти, хотя, в принципе, там можно пешком было. Обратно я пешком шла. Вообще, Кежмы уже вообще нет. Всё сровняли. Единственно, остов от церкви остался. Всё... Даже места, где мы жили... даже пройти туда невозможно было. На кладбище, как этот сказал, кто занимался перезахоронением, я говорю: «Много захоронили?». Он говорит: «От силы, пять процентов»... То есть остальные там... Деревне-то триста с лишним лет... сколько там... там же не одно это кладбище... как я хочу сказать.

Нормально всё было организовано, замечательно просто, никаких претензий нет... вообще нет... прямо тика в тика, в назначенное время, прямо готово всё, пожалуйста. Но вот кладбище, оно... всё, я узнала сразу своих... нашла... кто-то

долго... Там интересно было. Недалеко от захоронения наших молодой мужчина чё-то тоже там искал. Я говорю: «А вы кого ищете?». Он говорит: «Бабушку». Я, говорит, из Усть-Илимска приехал специально. Я, говорит, помню, только маленький, когда умерла. Но мама мне вот рассказала, я примерно... Нашёл ведь. Он был такой счастливый, что нашёл. Ещё откуда-то, там из разных городов приехали. Это ж не только с Красноярска. Кто-то приехал из Минусинска... ну, со всюду... Ну, отметили. Повесили бирки на нашу оградку... Там ёлка огромная выросла... На ёлке там навесили опознавательные знаки: фамилии там. Ну, я пошла обратно, не стала остальных ждать... некоторые долго искали... ну, не были, допустим, лет двадцать. Попробуй, найди... Вот обратно, тоже минута в минуту поехали... И вот, пока мы там были, на кладбище, вот настолько, наверное, вода прибыла. Доехали обратно. Многие видели глухарей, которые ходят по тропам, зайцы уже с белыми хвостами там бегают... Ой, ну такая красотища была... Это был конец сентября. Ну, последний раз... Конечно, я туда больше уже не попаду. А обратно перезахоранивали в конце октября... Уже холодно было там, вообще, уже около 20-ти градусов... Приехали... мы с сестрой уже поехали туда... ой, тоже... конечно, тягостно было... приехали на кладбище... приехали туда... холодно было очень. Там уже люди ждали... так гробы, как в магазине, выставлены... ну, подписаны. Мы ж свои нашли... выбрали место повыше... там же в прошлом году затопило, которых перезахоронили. Мы повыше выбрали места... ну, всё это... соблюли... это всё перенесли... ну, люди там... я пошла, кто перезахоранивал... много знакомых увидела... а среди гробов этих тоже много знакомых нашла... Вообще, вот знаешь, если б мне в детстве или когда в юности сказали, что мне такое придётся пережить, я бы вообще... что-то нереальное... а тут прямо столкнулась... эти гробы... Люди, видимо, ко всему привыкают. И там вот, когда в Кежме на кладбище, там много, где вырыты, они ж их не закапывают... чё-то какие-то ставят там доски. Смотришь, думаешь, сколько лет человек лежал там... Ну, чё делать, такая жизнь... Вот, перезахоронили там. Вот, правда, в прошлом году, в позапрошлом, когда перезахоранивали, там эти ходили, попы, они пели там, отпевали, наверное... совершали какой-то акт религиозный... а тут нет... женщины кто-то выпивку принёс... помянули всех ещё раз <...> так что, мои баба с дедой, слава Богу, не потонут.

Мы с сестрой, конечно, порыдали... там не наигранно всё... чё делать... При мне... там женщина рядом перезахоранивала мужа, он у неё вообще давно умер, молодым. Ну, она так подошла ответственно, что это просто нужно сделать... ну, конечно переживали... событие-то такое... Ну, тяжело всё, тяжело... Ты знаешь, мне кажется, ещё не исследовано это, как рана такая... это должны были психологи поработать... во-первых, должны как-то государство или что... прощения попросить, что ли, за это, что вот так людей выкорчевали, в буквальном смысле, отсюда. А то так: переселяйтесь. Это ж по живому порезали.

О СЖИГАНИИ ДЕРЕВНИ

Мы переселялись, в наш дом заехали другие учителя... а эти переселялись, там уже всё сжигали. Мне родственница одна... их переселяли из Болтурино, ну, они не в первый поток попали, как-то ещё держались там, работали, поскольку работа была у них, у детей... Так она говорит, я ночь не спала, там поджигали дома, чтоб дом не сожгли наш. Говорит, ходила по ночам, смотрела. Старались людей оттуда выкурить, видимо, поскорей.

Мне одна знакомая, они жили долго, дом у них стоял долго-долго. И когда они вообще уезжали, они его побелили, покрасили наличники, забор покрасили.

Соб. – Да, ведь для деревенских жителей дом – это нечто особое.

Инф. – Святое...святое... ой, не говори, жутко так всё это. Я сейчас вообще начинаю понимать, что лишились мы такого, какая-то яма там осталась, в памяти, и всё... всё выкорчевали... сложно всё это. Тут, я говорю, с психологами надо работать, чтобы всё это пережить. У меня такая мысль была... как-то думаю: нашёлся бы, допустим, какой-то человек вот возродить. Ну, во-первых, наверное, желающие были бы туда поехать. У меня желание было бы пребольшое, допустим, остаток дней там прожить какой-то.... Но это только мечты. Я считаю, что я пережила расставание с родиной... особенно вот сейчас.

Последняя зима Кежмы перед затоплением. 2011-2012

МАРУСЯ

Информант: Афонина (урожд. Панова) Мария Прокопьевна (1937-2018)

Место рождения: с. Паново Кежемский район

Место записи: г. Сосновоборск Красноярский край

Информант: Ой, она пришла к нам. А бабушка у меня старенька, девяносто лет было. Она пришла к нам, а мы играли... Он её привез, и всё, и он загулял, дома-то. И всё, и загулял, дома там они водку пьют, все гуляют, отмечают, что Шурка женился. «Где баба, – спрашивают, – где баба?». – «А вон сидит, в фуфайке, верёвочкой подвязана». Хоть бы какой-то там поясик или ремень, а верёвкой просто была подвязана фуфайка, приехали как.

Ну, мы её быстро с Мишой Лениным, с племянником Шуриным, мы её быстро раздели и – за стол. На кухне посадили. Они в зале сидят, а мы на кухне. Ну, нам тоже поисть охота. Ну, мы, это самое, сели, наелись и говорим: «Маруся, пойдёшь с нами играть?». И она говорит: «Пойду». Вот какая баба. Пошли. Раздела она, эту фуфайку сняла, верёвку оставила, и мы пошли. Мы в ограде всё-всё обползали, все сани, всё на свете – и по поленницам, и везде, ну, в общем, всё обползали. Ну и это ... дядька ... тётка ходит, вышла, говорит: «Маруся, пойдём, ты ведь ещё не ела». Она: «Нет, мы ели с ребяташками». А мы говорим: «Почему мы не ели, у вас на кухне ели». Она: «Да как это вы ели там, вы кого съели?». Ну мы ... она хоть уже, она стесняется. Мы-то нажрались с Мишей Лениным. Ну и вот. Всё. Значит, это самое, взяли её и пришли. Ну, тётка Хоня её, ну, иди умывайся там, всё ... это самое...

А баня-то у нас на берегу, нет, не то, чтобы, как потом сделали: в избе, в ограде. Вышел из избы в ограду – и в баню. А было всё на берегу, на горе. Вот она говорит потом, Маруся: «Я же баню истопила, Шура-то уже и не годится в баню-то, пойдём с тобой в баню». Ну, всё, она пошла в баню... Миша Ленин – домой, и я домой, через забор перепрыгнула – и дома. Пришла, бабушке рассказываю: «Баба, Маруся-то, знаешь, какая хорошая». Она говорит: «Так она тебе какая Маруся – тётя!». Я говорю: «Как тётя?». Она как за братом, за дядькой будет, ага. «О-ой, баба, мы её так не будем звать». Мы её стали звать Шминдиха. Шурка-то, кличка у Шурки с детства – Шминдик. И вот и ей эта кличка «Шминдиха» приелась до самых восьмидесяти лет, пока она не умерла. «Да вот, Маруся...». – «Да чья?». – «Да Шминдиха-то...». – «Аа-а, ну да, я знаю, вот». И всё, вот так вот. У нас полно имён-то Маша. И фамилии похожие.

Соб. – А это когда было и где?

Инф. – Это было в Паново. В пият... пият третьем году, наверно. В марте месяце. Потому что потом Пасха была, и мы качались, они гуляли, а мы качались и пели, песни пели, на качелях качались. Миша Ленин, я, Маруся, Нина Адамовых и эта самая, вот...

Дедушка нам Андриан хорошие веревки привязал, и мы вот качались, знаешь, как раскачаемся, аж так стоит, в этом..., и вот она с нами. И мы песни пели, и она пела. Она же выросла, вот, по деревням, у нас уже там, в этой, где она там была, на заготовке-то, то ли... я уже не помню, как она называлась-то заготовка, где они там были в лесу-то. Она же, её привезли туда маленьку, когда сослали там...

Соб. – А откуда она была?

Инф. – А вот откуда, вот ты меня убей, мы никто не знали. Да потому что её привезли маленьку. Отец с матерью работали, как карлы, за растрату, не следили за этими... за ребяташками. Они были приставлены сами себе. А как раньше называли: «враги народа». Попробуй-ка, останься дома, ты чё – статья! Вот мы запомнили, што она – Маша Панова. А кака была, мы даже понятия не имеем. Потому что мы дети, нам не интересно было. Вот. А кто, кто может знать, кто? Никого и нет уже, кто мог знать её фамилию. Дядечка Андриан умер, дядечка Осип умер, тётя Отисья умерла, тётка Хонья умерла... эта самая – всё! А у нас с соседями была Маша неразговорчива. Такая весёлая была, а это самое... Вот она потом уже, все уже, когда все, она по характеру...

Ой, как она стряпала! А сначала она ничё делать не умела. Бабушка Хоня отправила её корову доить. Она не с той стороны села, корова как лягнула её – чуть не убила. Она потом, тётка Хоня-то, сообразила, что отправила, не показала, как, ну вот...

Она потом пришла к маме и говорит: «Тётка Клаша». Она: «Чего?». ... «Да как ты мне покажи, как рукавицы связать, сказали Шуре рукавицы связать, а я понятия не имею». А вязать-то не на пяти иголках надо, как вот это. А на одной иголке, как эта иголка, вот так вот это, вязали под эти, под портняшные эти рукавицы тёплые. И вот, это самое, и вот эта на эти. И вот мама ей, тётка Хоня-то, ей начала, как вроде, начала-то. А она чё по чём ... знатка-то, детская рука не встала влазить. Мама взяла это всё, ей, посадила её, села с ней рядом, всё это ей распутала, распутала всё это. И потом начала, вот покажет

М.П. Афонина (в центре, сидит) на встрече кежмарей. Г. Красноярск. 2015

ей, как эт, как на это самое, подтянет маленько, рукой другой держит, этой подтянула... Ну, и так они, это самое, и потом она стала. Дак она потом так стала вязать, что... держись только! Вот, мы же, видишь, мы ж только. ...

Была любовь, или, может, она решила уехать оттуда, с того места, где они ссыльные были, што там, кому надо и кому не надо, посылают на работу. Если не идёшь... Ты ведь сильная, это первый палец у тебя. Вот так же, как в школе, если только чё... так и там... Она пошла за него замуж, в шестнадцать лет. Может быть, и это самое. Ну, а потом она уже привыкла, и у неё только был Шура на уме, ей больше никого не было... <...>

Она маялась, свекровку не знала, как называть. Пришла к нам, говорит, вроде «бабушкой» называть? А мама говорит: «Ты её мамашей называй». Ну, как раньше называли мамашей, и она её стала называть мамашей – и всё. И вот она с ней, с ней хоть куда. И в лес по ягоду, научили её брать ягоду, она не умела ягоду брать, вообще, ни рыбу чистить, ни корову доить, ничего не умела, вообще ничего не умела. И вот она за год, за полтора, она, как метла, стала. В доме такой порядок был, какая чистота была, ой, вообще, во дворе – везде! Потом они уже, когда, где жили, уже мы уж уехали, когда дом перестроили наш, разворотили и на этом месте выстроили большой дом себе жить. И вот. И вот эти девки, Рая, эта самая... Лена, они её ревновали к бабушке. А она с ума сходила по бабушке... <...>

...Мы, в октябре месяце, последними мы уехали. И в райпотребсоюз устроились, папа устроился, ну, я в этом годе, вроде, в 54-м году, ещё не работала с ним. А 54-й на 55-й, в мае месяце, я уже встала под кули. А чё: нынче всё болит. Кули были из-под сахара. Сахар таскали и всё на свете, на илимке – там всё тяжёлое, всё ... о-ой. И вот поэтому я и не знаю Марусю-ту. Ту больше, что вот, как у них. Мы как приедем, всегда ездили. Я, встречаемся, мы с ней обнимаемся. Она говорит: «Ой, Маш, если бы не ты, я не знаю, как бы я, как бы я...». И вот она до самого конца, когда только я приезжаю, она сразу – р-раз на стол, хочешь есть, не хочешь, давай скорей садись и ешь. И вот мы так вот с нею жили.

Соб. – А она умерла уже, да?

Инф. – Дак в восемьдесят два года. Да вот года... года два, наверное... Вот недавно, когда тех же уже по-новому вывозили, уже переселяли сюда, это самое, повсюду. Она лежала: «Нет, я умру тут, буду с Шурой вместе». Не думали, что будут выкапывать-то. А потом, как похоронили, потом как дали, дали приказ-то, что выкапывать-то, и их вот потом вместе с Марусей выкопали, да Шуру-то... <...> Вот. Ужас был.

АВТОРЫ

1. Агаева (Быкова) Альбина Николаевна (1953 г.р.), уроженка д. Рожково Кежемского района, учредитель КРОО СКРСС «Кежемское землячество», организатор встреч земляческой группы «Проспихино-Проспихино-Рожково-Сосново-Пашино-Кода-Кодинская Заимка» (г. Красноярск)

2. Баянова (Егошина) Евгения Александровна (1981 г.р.), уроженка п. Стрелка-Чуна Эвенкийского муниципального района, организатор земляческой группы «ВаняВаря» (п. Ванавара, Эвенкия)

3. Безматерных Павел Фёдорович (1959 г.р.), уроженец г. Артёмовска Курагинского района Красноярского края, глава Кежемского района (г. Кодаинск Красноярский край)

4. Бралкова Ирина Юрьевна (1961 г.р.), уроженка г. Иркутска, журналист, сотрудник газеты «Советское Приангарье» (1983-1996) (г. Дивногорск Красноярский край)

5. Брюханов Иван Михайлович (1930-2000), уроженец д. Аксёново Кежемского района. Похоронен в г. Красноярске

6. Власова (Рукосуева) Татьяна Иннокентьевна (1952 г.р.), уроженка д. Кода Кежемского района (п. Тагара Кежемский район)

7. Вязовикина Ольга Вячеславовна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, аспирант ИФиЯК СФУ (г. Красноярск)

8. Горев Игорь Николаевич, преподаватель Красноярского колледжа искусств имени П.И. Иванова-Радкевича, руководитель фольклорного ансамбля «Живая стАрина», член Российского фольклорного союза (г. Красноярск)

9. Горева Екатерина Викторовна, (1980 г.р.), старший преподаватель кафедры Народной художественной культуры Сибирского государственного института искусств имени Д. Хворостовского, член КРОО РТСС «Живая стАрина», член Российского фольклорного союза, руководитель Школы этнической социализации (г. Красноярск)

10. Деревянных Дмитрий Николаевич (1972 г.р.), уроженец п. Недокура, проректор по довузовской, внеучебной деятельности и общим вопросам Сибирского государственного университета науки и технологии имени академика М.Ф. Решетнева, организатор встреч земляческой группы «Заимка-Алёшкино-Недокура» (г. Красноярск)

11. Дидоха Клавдия Ивановна (1928–2007), уроженка д. Сосновая Кежемского района. Похоронена в г. Красноярске

12. Дроздов Николай Иванович, директор Красноярского филиала Университета Российской академии образования, заведующий Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии (ИАиЭТ) СО РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, учредитель КРОО СКРСС «Кежемское землячество» (г. Красноярск)

13. Жабько Наталья Олеговна, журналист, телеведущая, редактор Сибирского Медицинского портала (г. Красноярск)

14. Заборцев Артемий Терентьевич (1904–1987), уроженец д. Заимка Кежемского района, участник Великой Отечественной войны. Похоронен в г. Красноярске

15. Заборцев Валентин Яковлевич (1937 г.р.), уроженец д. Косой Бык Кежемского района. Стаж работы в банковской системе Красноярского края: 44 года. Организатор и руководитель первого краевого коммерческого банка «Енисей» (1991-1998), «Отличник Государственного банка СССР» (г. Красноярск)

16. Заборцев Иван Николаевич (1929 г.р.), уроженец с. Кежма Красноярского края (г. Екатеринбург)

17. Заборцев Григорий Афанасьевич (1936-2015), уроженец д. Заимка Кежемского района. Похоронен в г. Лесосибирске

18. Костина (Колпакова) Людмила Ивановна (1946 г.р.), уроженка д. Уяр Кежемского района (г. Красноярск)

19. Кузина (Воронова) Нелли Савватьевна (1940 г.р.), уроженка с. Кежма Красноярского края, учитель (г. Железногорск Красноярский край)

20. Кузнецова Галина Александровна (1949 г.р.), уроженка с. Проспихино Кежемского района (г. Красноярск)

21. Макаров Николай Поликарпович (1955 г.р.), уроженец с. Кежма Красноярского края, заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, профессор СФУ, ученик Н.И. Дроздова (г. Красноярск)

22. Макулов Владимир Иванович (1961 г.р.), уроженец с. Заледеево Богучанского (ныне Кежемского) района, сотрудник Международного инновационного университета (г. Красноярск)

23. Михайлюк Маргарита Ивановна (1962 г.р.), уроженка с. Проспихино Кежемского района (г. Красноярск)

24. Николаевская (Верхотурова) Нелли Никифоровна (1943-2005(?)), уроженка с. Кежма Красноярского края. Похоронена в г. Красноярске

25. Новак Марина Владимировна (1985 г.р.), уроженка г. Красноярска, внучка Н.П. Никулина (г. Красноярск)

26. Панова (Рожкова) Анна Петровна (1925-2008), уроженка д. Дворец Кежемского района. Похоронена в г. Красноярске

27. Панова (Семёнова) Надежда Александровна, ветеран педагогического труда, учитель высшей категории (Оренбургская область)

28. Панова Ирина Егоровна (1940 г.р.), уроженка д. Рожково Кежемского района (г. Красноярск)

29. Панов Валентин Алексеевич (1938 г.р.), уроженец д. Сизая Кежемского района. Член Союза журналистов России, главный редактор газеты «Советское Приангарье» (1970-1983) (п. Берёзовка Красноярский край)

30. Попова Анна Фёдоровна (1952 г.р.), уроженка д. Кода Кежемского района (г. Красноярск)

31. Попова Людмила Николаевна (1955 г.р.), уроженка д. Пашино Кежемского района, учитель (г. Кодинск Красноярский край)

32. Привалихина Людмила Васильевна (1947 г.р.), уроженка с. Проспихино Кежемского района, врач (г. Красноярск)

33. Привалихин Валентин Степанович (1933 г.р.), уроженец д. Соколово Кежемского района (г. Красноярск)

34. Рукосуева Людмила Николаевна (1939 г.р.), уроженка д. Яркино Богучанского (ныне Кежемского) района (с. Богучаны Красноярский край)

35. Савельев Роман Андреевич (1988 г.р.), уроженец с. Кежма Красноярского края (г. Красноярск)

36. Смирнов Евгений Сергеевич (1992 г.р.), старший преподаватель кафедры русского языка и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ, руководитель Молодёжного объединения Кежемского землячества (г. Красноярск)

37. Страшников (Рукосуева) Валентина Харитоновна (1931 г.р.), уроженка д. Рожково (г. Кодинск Красноярский край)

38. Усольцева (Быкова) Александра Андреевна (1936 г.р.), уроженка д. Рожково Кежемского (г. Братск Иркутская область)

39. Фельде Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, советник директора по научной деятельности Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, член-корреспондент САН ВШ (г. Красноярск)

40. Хорошавина Клавдия Михайловна (1947 г.р.), уроженка д. Аксёново Кежемского района, кинорежиссёр, сценарист, автор более 200 фильмов, лауреат российских и международных конкурсов. заслуженный деятель искусств РФ (г. Ярославль)

41. Шадерова (Усольцева) Ольга Григорьевна (1958 г.р.), уроженка с. Кежма Красноярского края, учитель (г. Красноярск)

ОБЛИК РОДИНЫ С НАМИ

Редактор-составитель Л.Л. Карнаухова

*В книге использованы фотографии из личных архивов ангарцев,
из фондов Красноярского краевого краеведческого музея,
Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой*

Подписано в печать.
Тираж экз. Заказ № .

Отпечатано ООО РПБ «Амальгама»
660021, г. Красноярск, ул. Дубровинского, 112
т. 221-86-27, 221-84-75
e-mail: amalgama2007@mail.ru